3 1761 08821301 2

1468
Amfiteatrov, Aleksandr Valentinovich

А. АМФИТЕАТРОВЪ.

МАРЬЯ ЛУСЬЕВА.

Marʹya Lusʹeva

Izd. 2

Изданіе второе.

тысяча.

Printed in Poland

LR
A5145m2

570453
6.10.53

С. Петербургъ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“ Подъяческая, № 39.

СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
Отъ автора	v
Марья Лусьева	1
Послѣсловіе	186
Птички пѣвчія	211
Катенька	252
Изъ старыхъ дѣлъ	257
Справочная литература къ «Марьѣ Лусьевой»	264
Распредѣленіе справокъ	266

Отъ автора.

(Къ первому изданію).

Повѣсть «Марья Лусьева» печаталась въ провинціальной газетѣ «Приазовскій Край» въ теченіе 1903 года—кажется, одновременно съ тѣмъ, какъ въ Ростовѣ возникло Общество для защиты женщинъ въ борьбѣ съ проституціей. Въ южныхъ городахъ проституціонный вопросъ назрѣлъ гораздо острѣе, чѣмъ на сѣверѣ, и тамошняя пресса (ростовская, одесская, кіевская) посвящаетъ ему болѣе вниманія, чѣмъ столичная. Множество писемъ, полученныхъ мною во время печатанія «Марьи Лусьевой» въ газетѣ, убѣдили меня, что повѣсть пришлась кстати, и зло, посильно освящаемое ею, мучитъ многихъ. Это обстоятельство заставило меня съ особеннымъ вниманіемъ проредактировать «Марью Лусьеву» для отдѣльнаго изданія и снабдить ея описательную часть подробными ссылками на спеціальную литературу, по аналогіямъ которой провѣрены заново всѣ ея эпизоды. Уныніе и гнѣвъ—безсильный гнѣвъ предъ вѣчнымъ зломъ тайнаго разврата, которымъ кишатъ наши города—

часто одолѣвали меня при этой безрадостной работѣ; словно черный дымъ какой-то вставалъ отъ «человѣческихъ документовъ», въ которыхъ я копался... Все приходилось смягчать, со всего скрадывать краски, намеками замѣнять факты, для которыхъ нѣтъ словъ въ языкѣ литературномъ, а, между тѣмъ, ими кипитъ котелъ житейскій, и варятся въ нихъ, какъ въ жижѣ зловонной, тысячи, тысячи жертвъ.

Заранѣе прошу читателя: если онъ взялъ «Марью Лусьеву» для легкаго чтенія или въ надеждѣ спокойно просмотрѣть рядъ художественныхъ картинъ, пусть отложитъ книгу въ сторону. Легкому чтенію я служить не хочу, а художественныхъ задачъ въ повѣсти моей нѣтъ. Публицистъ по духу, любви и привычкѣ, я остановился на беллетристической формѣ лишь потому, что у насъ, въ широкой публикѣ, еще такъ мало читаютъ «статью», напечатанную безъ «разговоровъ». А я не скрываю, что мнѣ хотѣлось бы, чтобы обличительная повѣсть моя не задохлась подъ спудомъ, и зла, противъ которыхъ она направлена, получили бы чрезъ нее добрый ударъ. Не отъ меня: я не столько на себя надѣюсь,—но отъ себя самихъ, потому что чудища мрака, выплывъ на свѣтъ и солнце, не выносятъ его лучей и рано или поздно отъ нихъ околѣваютъ.

А. В. А.

Вологда, 22 мая 1904 года.

P. S. ко второму изданію.

Ровно черезъ пять мѣсяцевъ послѣ перваго предисловія мнѣ, благодаря любезному вниманію публики къ «Марьѣ Лусьевой», приходится прибавить коротенькое второе—къ новому изданію. Повѣсть осталась, какъ была,—безъ существенныхъ перемѣнъ. Но я счелъ полезнымъ передѣлать составъ книги, исключивъ изъ нея «Замѣтку къ проституціонному вопросу», перенесенную во второе, недавно вышедшее изданіе книги моей «Женское Нестроеніе». Статью эту я замѣнилъ двумя, какъ бы дополняющими «Марью Лусьеву» фельетонными очерками—«Птички пѣвчія» и «Катенька», взятыми изъ моей книги «Столичная Бездна». Очерки эти написаны довольно давно (первоначально напечатаны еще въ покойной «Недѣлѣ»), но, должно быть, не устарѣли: по крайней мѣрѣ, право предполагать это даютъ мнѣ частые плагіаты изъ «Птичекъ пѣвчихъ», неоднократно отмѣченные и столичною, и провинціальною печатью.

Въ промежуткѣ между первымъ и вторымъ изданіемъ «Марьи Лусьевой» случай позволилъ мнѣ изучить жизнь «на днѣ» южной Италіи и Сициліи. Вездѣ одно и то же! Поразительно много общаго! Поэтому я позволилъ себѣ дополнить справочную часть книги ссылками на параллельныя черты двухъ круговъ ада падшихъ—нашего и итальянскаго.

А. В. А.

Римъ. 22 октября 1904 года.

I.

Было лѣтъ пять-шесть тому назадъ. Въ одинъ изъ к—скихъ полицейскихъ участковъ явилась—«ворвалась, какъ буря»,—говорилъ мнѣ свидѣтель-очевидецъ, — нарядно одѣтая молодая дѣвушка, очень красивая и вполнѣ приличнаго типа, но взволнованная, съ одичалыми глазами, съ щеками, пылавшими огнемъ.

— Кто здѣсь главный?—рѣзко крикнула она.

— Пристава нѣтъ сейчасъ. Я за него, его помощникъ. Что вамъ угодно?

Дѣвушка продолжала такъ же рѣзко и порывисто:

— Меня зовутъ Марья Ивановна Лусьева. Я изъ Петербурга, пріѣхала недѣлю тому назадъ. Я тайная проститутка и доношу вамъ на себя, чтобы вы дали мнѣ желтый билетъ. Вотъ вамъ мой паспортъ.

Драматическій порывъ Лусьевой, возбужденный тонъ ея рѣчи, слишкомъ замѣтная интеллигентность, общая пристойность всего ея, какъ говорятъ нѣмцы, «явленія», совсѣмъ несогласныя съ ея показаніемъ, смутили полицейскаго.

— Дѣло не спроста,—подумалъ онъ и спросилъ, избѣгая мѣстоименій:

— Изъ какихъ?

— Я же дала вамъ паспортъ,—грубо рванула Лусьева.—Тамъ все прописано.

Подозрѣнія помощника пристава, что дѣло не просто, увеличились, когда въ паспортной книжкѣ онъ нашелъ обозначеніе—«дочь надворнаго совѣтника», «дворянка», а въ графѣ документовъ, на основаніи которыхъ выданъ видъ, ссылку на аттестатъ одной изъ лучшихъ петербургскихъ гимназій.

— Гмъ...—сказалъ онъ.—У васъ прекраснѣйшій документъ. Какъ же вы это такъ? А?

Лусьева молчала, съ нервною злобою терзая перчатку на рукѣ. Посмотрѣлъ на нее помощникъ пристава:

— Не въ себѣ дѣвка.

— Тутъ что-то мнѣ не по чину разбирать,—рѣшилъ онъ про себя,—чѣмъ самому влетать въ эту кашу, пускай расхлебываетъ ее старшее начальство.

И телефонировалъ полиціймейстеру, что, молъ, такъ и такъ—пришла барышня благороднаго званія и отмѣнной наружности, взводитъ на себя вины несоотвѣтственныя и заявляетъ требованія несвойственныя, очень разстроена и даже какъ будто не въ своемъ умѣ; въ виду сомнительности случая, какъ прикажете поступить?

Вышла резолюція:

— Отправить предполагаемую больную въ пріемный покой и вызвать къ ней врача, а тамъ видно будетъ.

Лусьева, съ истерическимъ упрямствомъ, продолжала кричать, чтобы ей выдали позорное свидѣтельство.

— Успѣете, успѣете,—съ досадою сказалъ ей помощникъ пристава.—Съ этою радостью, мадемуазель, разстаться трудно, а заполучить ее—минутное дѣло.

Врачъ—глупый, старый, равнодушный формалистъ, давно уже переставшій интересоваться судьбами человѣ-

чества, поскольку онѣ выходятъ за границы винта и монополькн съ груздемъ въ сметанѣ, не нашелъ въ Лусьевой ничего анормальнаго.

— Женскій полъ—какъ женскій полъ. Не понимаю, съ чего вы всполошились. Что въ гимназіи училась, такъ всѣ и рты поразинули, аномалій заставляютъ искать. Просто, развратная дѣвчонка,—вотъ вамъ и вся аномалія.

И, въ концѣ концовъ, Лусьева получила бы роковой документъ, если бы не повезло ей случайное горемычное счастье.

Давъ резолюцію о врачебномъ изслѣдованіи странной дѣвицы, полиціймейстеръ отправился прямо отъ телефона къ себѣ въ столовую завтракать и, за рюмкою водки, разсказалъ:

— Представьте, какое у насъ сейчасъ въ первомъ участкѣ оригинальное романическое приключеніе.

И такъ далѣе, и такъ далѣе.

— А какъ фамилія?—спросилъ его гость, молодой чиновникъ особыхъ порученій при к—скомъ губернаторѣ.

— Какая-то Лусьева... Марья Ивановна...

Молодой человѣкъ даже покраснѣлъ отъ изумленія.

— Марья Ивановна Лусьева? Да это чепуха какая-то! Не можетъ этого быть. Я Марью Ивановну Лусьеву прекрасно знаю. Это проѣзжая барышня, остановилась въ гостинницѣ «Фениксъ», я только вчера былъ у нея съ визитомъ. Тутъ—либо самозванство и присвоеніе чужихъ документовъ, либо страшное недоразумѣніе и несчастіе. Это надо разслѣдовать. Поѣдемте-ка, Тигрій Львовичъ.

По дорогѣ чиновникъ разсказалъ полиціймейстеру, что познакомился съ Лусьевой случайно, на музыкѣ въ городскомъ саду. Она была съ теткою, въ высшей степени приличною особою, которую рекомендовала, какъ баронессу Ландіо. Вчера, сдѣлавъ пріѣзжимъ дамамъ визитъ въ «Фениксѣ», онъ убѣдился, что тетка и племянница—женщины съ состояніемъ: онѣ занимаютъ хорошій номеръ, ве-

зутъ съ собою въ Крымъ собственную прислугу—тоже весьма благопристойную русскую тетушку, что-то среднее между горничною и экономкою. На что-либо сомнительное, подозрительное, нечистое не было даже и намека.

— Ну, стало быть, сумасшедшая,—рѣшилъ полиціймейстеръ.—А знаете ли,—мы ѣдемъ мимо «Феникса»: не завернуть ли къ теткѣ-то? Быть можетъ, она и не подозрѣваетъ, что ея племяннушка откалываетъ съ безумныхъ глазъ. Предупредимъ. Все-таки, баронесса...

Въ «Фениксѣ», на вопросъ столь офиціальныхъ гостей о баронессѣ Ландіо, управляющій смутился и, вмѣсто отвѣта, пренелѣпо сразу же заявилъ:

— Я, ваше высокоблагородіе, ни въ чемъ не виноватъ. Документъ у нея былъ въ порядкѣ.

— Никто тебя ни въ чемъ и не обвиняетъ.—возразилъ изумленный полиціймейстеръ.—А развѣ что-нибудь случилось?

—У насъ ничего особеннаго не случилось,—сказалъ управляющій,—но только вотъ—нашъ паспортистъ пришелъ сейчасъ изъ участка и говоритъ, будто бароншину барышню взяли въ полицію и хотятъ записать въ публичныя.

— Пустяки. Проводи насъ къ баронессѣ.

Управляющій всплеснулъ руками.

— Да, нѣту ея уже у насъ, ваше высокоблагородіе. Уѣхала съ утреннимъ поѣздомъ на Одессу. И прислуга ихняя съ ними. До ужастей какъ спѣшили, въ двадцать минутъ собрались.

Полиціймейстеръ съ чиновникомъ особыхъ порученій переглянулись: дѣло, дѣйствительно, начинало становиться романическимъ. Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ выяснилось, что баронесса съ племянницею выѣхали вчера вечеромъ изъ гостиницы, часовъ около восьми, въ какой-то театръ. Баронесса возвратилась въ послѣспектакльное время, между часомъ и двумя ночи, одна. Барышня Лусьева пріѣхала уже утромъ, часовъ въ шесть, или даже позже;

вскорѣ послѣ того у нихъ въ номерѣ началась ссора, раздались нестерпимые визгъ, крикъ и брань, такъ что пришлось постучать къ нимъ въ дверь, прося вести себя тише и не мѣшать сосѣдямъ. Громче всѣхъ раздавался голосъ женщины, которая служила при баронессѣ.

— Такія словечки загинала, что слушать,—на базарѣ фонари лопнутъ.

Наконецъ барышня Лусьева выбѣжала изъ номера въ страшномъ разстройствѣ, съ гнѣвнымъ и рѣшительнымъ лицомъ прошла мимо швейцара, глядя передъ собою въ одну точку, какъ помѣшанная, и исчезла на улицѣ. А баронесса вскорѣ позвонила и приказала подать счетъ. Она отлично расплатилась и щедро дала на чаи. Но ужасно изумилась и испугалась, когда, вмѣсто трехъ паспортовъ, ей принесли изъ конторы только два.

— А гдѣ же видъ Марьи Ивановны?—воскликнула она, искривя лицо.

Лакей, который подавалъ счетъ, объяснилъ, что, по требованію барышни, еще третьяго дня, контора возвратила ей паспортъ на руки.

— Но... но... какъ же это вы такъ могли поступить... развѣ это можно?.. Вы ужасно, что̀ для меня теперь сдѣлали... Вы не имѣли права...

Баронессѣ объяснили, что, напротивъ, гостинница не имѣла никакого права задержать паспортъ, когда его требовала законная владѣлица. Во время этого объясненія, прислуга баронессы молчала, но смотрѣла на госпожу свою аспидомъ и, видимо, была не въ духѣ. Затѣмъ онѣ обѣ уѣхали въ дилижансѣ гостинницы, и,—говоритъ кучеръ дилижанса,—всю дорогу до вокзала между двумя женщинами въ каретѣ шла ругань не на животъ, а на смерть, причемъ баронесса какъ будто плакала и въ чемъ-то оправдывалась, а прислуга твердила:

— Погоди, погоди! дай въ купу сѣсть: я тебѣ щеки нарумяню!

Всѣ эти необычайности, въ связи съ исчезновеніемъ Лусьевой и послѣдующими странными о ней слухами, смутили управляющаго «Фениксомъ»—онъ встревожился:

— Не гостили ли у насъ торговки живымъ товаромъ?

Удивляло его еще одно обстоятельство: онъ рѣшительно не помнилъ, чтобы возвращалъ паспортъ барышнѣ Лусьевой, а, между тѣмъ, паспортъ очутился у нея въ рукахъ, и молодой корридорный, служившій при номерѣ, клялся и божился управляющему, что тотъ собственными руками выдалъ ему документъ для передачи.

— Оно, конечно, знаете-съ, возможно: съѣздъ публики сейчасъ очень большой, толчея, умъ за разумъ заходитъ...

Во всякомъ случаѣ, онъ, по собственному почину, собирался уже пойти въ полицію—заявить подозрѣніе о странныхъ гостяхъ, да вотъ—на счастье, заѣхалъ самъ полиціймейстеръ съ его высокоблагородіемъ. Раньше, въ теченіе семи дней, что дамы стояли въ «Фениксѣ», никакихъ скандаловъ между ними не происходило, жили онѣ тихо, гости ихъ посѣщали рѣдко, а, если бывали, то очень порядочные.

— Вотъ и ихъ высокоблагородіе однажды заѣзжали.

Марью Ивановну Лусьеву полиціймейстеръ и чиновникъ застали въ страшномъ возбужденіи. Сухое ли, небрежное обращеніе врача подбавило масла въ огонь, просто ли истерическій припадокъ разростался, но теперь несчастная дѣвушка, дѣйствительно, производила впечатлѣніе недалекой отъ безумія. Настойчивое требованіе «билета» не сходило у нея съ языка.

— Вотъ,—закричала она, едва увидѣла чиновника особыхъ порученій (окрещу его, наконецъ, Матвѣемъ Ильичемъ, прибавивъ, для краткой характеристики, что губернскія львицы прозвали его «Mathieu le beau», а губернаторъ, старикъ веселый и насмѣшливый, предпочиталъ для него кличку—«Мотька, гдѣ водка?»)—вотъ и этотъ господинъ можетъ вамъ подтвердить, что я такая... Что, братъ,

узналъ? Вотъ и разскажи всѣмъ, какъ я привязалась къ тебѣ на музыкѣ!

— Опомнитесь, Марья Ивановна!—возопилъ сконфуженный чиновникъ,—что̀ съ вами? Никогда не было ничего подобнаго... Ваша почтенная тетушка...

Лусьева громко и нагло захохотала:

— Тетушка? Это баронесса-то? Цѣлуйся съ нею.

— Такъ она не тетка?—встревожился полиціймейстеръ.

— Можетъ быть, кому-нибудь и тетка.

— А съ вами—въ какомъ же родствѣ?

— Десять дней тому назадъ, я еще и въ глаза ея не видала, не знала, что такая есть на свѣтѣ—ба-ро-нес-са Лан-ді-о... — со злобною ироніей протянула Марья Лусьева.

— Слѣдовательно, она—подложная личность?

— Нѣтъ, паспортъ у нея настоящій. Кажется, въ самомъ дѣлѣ, баронесса. Что вы думаете? Мало на Сѣнной, въ ночлежкахъ живетъ голоднаго народа съ хорошими паспортами? Заплатите деньги: не то, что баронессу, графиню, княгиню можно выудить... Наемная дуэнья,—при мнѣ въ теткахъ состоять была взята. Для языковъ и для аристократичности. И дешевая; дневной расходъ, хорошее платье, проѣздъ по первому классу, да три рубля въ сутки. Правда, умѣренно? Потому что, знаете, она хоть представительная, но пьетъ ужъ очень и, пьяная, никакой воли въ себѣ не имѣетъ, всю ее хоть разними...

— Позвольте. Дешево ли, дорого ли, но чей же это расходъ? Кто платилъ? Вы платили?

Лусьева злобно засмѣялась.

— Я? Да у меня уже съ полгода лишняго рубля въ карманѣ не было. «Антрепренерша» моя платила, «мадамъ», Анна Тихоновна,—вотъ, которая въ гостинницѣ за прислугу при насъ числилась...

— Такъ,—протяжно сказалъ полиціймейстеръ,—ну, теперь все понятно. Дѣло бывалое. Разсказывайте.

— Позвольте, однако,—вмѣшался «Mathieu le beau». — Если даже правда все, что̀ вы о себѣ говорите, я не понимаю цѣли. Противъ васъ не имѣлось никакихъ подозрѣній, на васъ не поступало доносовъ... Вы могли спокойно продолжать ваше... гм... существованіе...—поперхнулся онъ.—И, между тѣмъ, сами доносите на себя. Понимаете ли вы, какую ужасную будущность себѣ готовите? Вѣдь, этотъ билетъ, о которомъ вы просите, просто чортъ знаетъ что... И зачѣмъ?

— Затѣмъ, — съ жестокимъ гнѣвомъ прервала его Лусьева,—что меня такъ испоганили, что кромѣ, какъ продаваться, я уже ни на что не гожусь. Но, если продажною быть, такъ ужъ пусть хоть въ чистую—сама собою торгую, а не набиваю карманъ подлыхъ тварей разныхъ словно раба какая-нибудь...

Полиціймейстеръ присвистнулъ.

— Это у насъ называется—«наказалъ мужикъ бабу: въ солдаты пошелъ». Разсказывайте.

I.

Марья Ивановна Лусьева оказалась дочерью бѣднаго петербургскаго чиновника, которому даровая квартира въ казенномъ домѣ помогла дать дѣтямъ приличное образованіе. Ихъ у стараго Лусьева было много, но ко времени, какъ ему овдовѣть, среднія дѣти попримерли, и остались только два мальчика, погодки шести-семи лѣтъ, да старшая дочь уже четырнадцатилѣтняя гимназистка, Маша. Училась Лусьева отлично. Характера она была веселаго, хохотушка, любила танцовать, бѣгала по театрамъ, садамъ, на музыку, но, благодаря хорошимъ способностямъ, не отставала отъ подругъ въ успѣхахъ. Курсъ кончила отлично. Годовъ съ шестнадцати ознакомилась съ флиртомъ и имѣла огромный успѣхъ у мужчинъ. Нравиться ей никто не нравился особенно, но, чтобы ухаживали за нею, она любила очень.

— Ахъ, Маша!—говорили ей подруги:—какая ты счастливая: дастъ же Богъ такую красоту. Если бы ты еще

одѣвалась, какъ слѣдуетъ, всѣмъ мужчинамъ съ ума надо сойти.

— То-то и есть, что Богъ раздѣлилъ по справедливости, — отсмѣивалась Маша, — кому красоту, кому туалеты.

Однако, рядиться хотѣлось. Хотѣлось тоже хорошихъ духовъ, хотя бы дешевенькихъ украшеньицъ, прошивокъ, кружевъ, убрать иной разъ голову модною прическою у хорошаго парикмахера. Но—денегъ нѣтъ, а на нѣтъ и суда нѣтъ.

— Счастливица!—вздыхали хорошо одѣтыя подруги, завидуя Машиной красотѣ.

— Счастливицы!—вздыхала Маша, завидуя хорошо одѣтымъ подругамъ.

Въ числѣ Машиныхъ пріятельницъ была нѣкая Ольга Брусакова, жительница того же казеннаго двора, дѣвица лѣтъ уже двадцати двухъ, грузной, аляповатой красоты и пухлаго, поношеннаго вида. Дурного объ Ольгѣ сказать было нечего. Правда, довольно часто она не ночевала дома и даже иногда исчезала изъ родительской квартиры на цѣлыя недѣли, но всѣмъ въ домѣ извѣстно было, что время отлучекъ своихъ дѣвица Брусакова проводитъ у своей крестной матери, госпожи Рюлиной,—по слухамъ, важной и богатой барыни, которая ее безумно любитъ, дарить, балуетъ и записала на ея имя крупный кушъ въ своемъ завѣщаніи. Госпожа Рюлина никогда не навѣщала свою любимицу у ея родителей, но обязательно два раза въ недѣлю, а то и чаще, присылала за Ольгою свою карету, и Ольга спѣшно отрывалась отъ дѣла ли, отъ веселья ли, и уносилась съ казеннаго двора на парѣ чудеснѣйшихъ караковыхъ, на мягкихъ американскихъ шинахъ.

— Счастливица!—вздыхало вслѣдъ ей все молодое женское населеніе огромнаго корпуса.

Ольга была добрая дѣвушка. За вялость и молчаливость она прослыла глупою. Крестная мать надарила ей

множество вещей, но bijoux Ольги недолго у нея держались: она все раздаривала подругамъ, либо—просто, и безъ даренія, - возьмутъ поносить, да и заносятъ, а она не спрашиваетъ. Станутъ Ольгу учить уму-разуму:

— Зачѣмъ зря раздариваешь вещи? Онѣ денегъ стоятъ.

— Великихъ ли денегъ? Грошевая дрянь. Если бы брильянты или валансьенъ,—не бойтесь, не отдамъ...

— Все-таки, лучше берегла бы для себя...

Ольга улыбалась.

— У Полины Кондратьевны этой дряни полны сундуки. Скажу, что надо,—еще подаритъ.

— Счастливица!

Однажды Машу Лусьеву пригласили на свадьбу. Надо было одѣться поприличнѣе. Платье довольно хорошее у нея нашлось. Украшенія пообѣщала дать Ольга. Приходитъ къ ней за ними Маша. Ольга только что пріѣхала домой отъ крестной матери больная, не въ духѣ, лежитъ на диванѣ, руки за голову, зѣваетъ, еле отвѣчаетъ на вопросы. Вещи она отобрала для Маши отличныя.

— Счастливица ты,—по обыкновенію говоритъ Маша,—чего-чего у тебя нѣтъ. Просто зависть беретъ на твое счастье.

Ольга, въ отвѣтъ, промычала что-то не слишкомъ веселымъ и одобрительнымъ тономъ; ее мучилъ жесточайшій мигрень, и она усиленно растирала томимый болью високъ платкомъ, вымоченнымъ въ одеколонѣ.

— Золотая душа твоя Полина Кондратьевна, право, золотая...

— Богъ смерти не даетъ, должно быть, заживо вознесена въ рай будетъ,—страннымъ, злобно насмѣшливымъ голосомъ возразила Ольга.

— Какъ ты говоришь...—смутилась Маша. — Будто совсѣмъ ее не любишь...

Ольга молчала.

— Она тебѣ столько благодѣтельствуетъ... даритъ. Развѣ ты ей не благодарна?

— Если бы смѣла... съ удовольствіемъ бы швырнула всѣ эти цацки ей въ рожу...—неожиданно прорвалась Ольга, засверкавъ глазами.

Маша совсѣмъ растерялась.

— Ой, что ты это... За что?

— Да ужъ за то... стоитъ...

Маша подумала, что, должно быть, между крестною и крестницею пробѣжала черная кошка, поссорились, и теперь Ольга нервничаетъ и злится. Она хотѣла смягчить непріятный разговоръ и свести его къ шуткѣ.

— Ну, ты совсѣмъ неблагодарная,—смѣясь, сказала она.—Не стоишь своего счастья. Если бы Богъ далъ мнѣ такую крестную маму, я бы ее вставила въ кіотъ. Слушай. Подари мнѣ свою Полину Кондратьевну, а я тебѣ отдамъ свою крестную.

Ольга посмотрѣла на подругу острымъ, серьезнымъ взглядомъ.

— Вотъ что, Машка, скажу тебѣ напрямикъ и твердо: ты этимъ со мною не шути. Избави тебя Богъ. И словъ такихъ впередъ мнѣ не говори, не начинай, не смѣй...

— Помилуй, Оля, что ты? развѣ я серьезно?

— Знакомиться съ Полиною Кондратьевною не воображай: не допущу, не позволю...

— Я и не мечтала... Тѣмъ болѣе, если ты такъ ревнуешь...

— Я ревную?..

Ольга даже зубами скрипнула, но спохватилась и договорила уже спокойно:

— Ревную я или нѣтъ,—этого ты не поймешь, мое дѣло. А тебѣ по дружбѣ совѣтую: не завидуй ты мнѣ и не мечтай о моемъ счастьѣ. А, если столкнетъ тебя дьяволъ гдѣ-нибудь съ моей Полиною Кондратьевною, бѣги ты отъ нея, какъ отъ огня, не льстись, не знакомься. И, если

когда-нибудь я сама стану уговаривать тебя поѣхать къ ней, прошу тебя: не слушайся меня, откажись тогда...

— Да ты не уговариваешь... Напротивъ, не хочешь...

Ольга возразила, глядя въ сторону:

— Вотъ и напомни мнѣ этотъ нашъ разговоръ, какъ я не хотѣла... Потому что, Машенька, сейчасъ я тебѣ все это—свои слова говорю, задушевныя, по дружбѣ. А случается, что мнѣ приказываютъ говорить... я, Маша, живу не на своей волѣ... Не всегда мнѣ можно быть откровенною... А затѣмъ довольно объ этомъ. Ну ее къ чорту... да, и меня съ нею тоже!..

— Какая она сегодня непонятная,—думала Маша, уходя отъ Ольги.—Точно—она выпила?!

Увы! Если бы подруги поцѣловались на прощанье,—Ольга уклонилась отъ этого обряда подъ предлогомъ насморка,—то, вѣроятно, даже наивная Маша замѣтила бы, что отъ дѣвицы Брусаковой жестоко разило коньякомъ.

* * *

Одною изъ странностей Ольги Брусаковой было,—что она терпѣть не могла показываться въ обществѣ, на улицѣ, въ театрѣ или въ концертномъ залѣ съ кѣмъ-либо изъ своихъ подругъ. Если случалось ей сойтись публично даже съ Машею, которую она, всѣмъ завѣдомо, очень любила, она дѣлала непріятное лицо, едва здоровалась, уклонялась отъ разговора и всячески старалась отдѣлаться поскорѣе отъ нечаянной и, словно, противной ей встрѣчи.

Однажды Маша столкнулась съ нею лицомъ къ лицу на Морской. Ольга выходила изъ фруктоваго магазина съ покупками въ рукахъ. Маша обрадовалась. Ольга нахмурилась.

— Ты куда? Домой?—спросила Маша.

— Да, думала уже домой...

— Вотъ и прекрасно, пойдемъ вмѣстѣ...

Ольга слабо покраснѣла, пролепетала что-то невнятное и странно оглянулась по людной улицѣ, кишѣвшей народомъ. Маша подмѣтила этотъ робкій взглядъ и разсердилась.

— Что это, право, Оля?—обиженно сказала она,— мѣшаю я тебѣ, что ли? Право, можно подумать, что ты меня стыдишься...

Ольга Брусакова посмотрѣла ей въ лицо жалкимъ, скрытнымъ взглядомъ.

— Вотъ глупости...—пробормотала она.—Съ чего ты взяла? Пойдемъ, конечно. Очень рада.

— Отчего эта дама такъ пристально смотритъ на насъ?—спросила Маша, когда, обогнувъ уголъ, онѣ приближались къ Полицейскому мосту.

— Какая дама?.. Ахъ... Здравствуйте...—растерянно сказала Ольга красивой, нарядной особѣ, которая поровнялась съ ними.

— Здравствуйте...—протяжно сказала та, окинувъ обѣихъ дѣвушекъ любопытнымъ, проницательнымъ взглядомъ.

Подруги прошли было мимо. Маша съ изумленіемъ видѣла, что Ольга красна и дышетъ тяжело. Чувство оскорбленія снова закралось въ душу Лусьевой.

— Какъ она стыдится моего общества передъ своими знакомыми...—съ тоскою думала она, уже горько раскаяваясь, что просила Ольгу идти вмѣстѣ, и рѣшая въ умѣ, что сейчасъ же растанется съ нею подъ какимъ-нибудь предлогомъ, возьметъ извозчика, свернетъ въ переулокъ, лишь бы освободить ее отъ своего непріятнаго присутствія.

— Виновата... Эвелина, мнѣ надо сказать вамъ два слова.—послышался сзади любезный женскій голосъ.

Ольга быстро повернулась: звала красивая встрѣчная дама,—и подошла къ ней.

— Эвелина?!

Маша ничего не понимала.

Разговоръ Ольги съ незнакомкою былъ короткій, но пылкій и, замѣтно, очень непріятный. Маша уловила всего нѣсколько словъ.

— Вы не имѣете права...—нервно говорила Ольга.

Дама спокойно и презрительно улыбалась красивымъ ртомъ и смотрѣла на Ольгу, какъ власть имущая.

— Это ваша подруга? — нарочно повысила голосъ она,—какая хорошенькая!

Ольга, все болѣе и болѣе разгораясь, нагнулась къ ней и зашептала быстро, быстро и какъ бы уже не споря, а просительно.

— Да, да... Я скажу Полинѣ Кондратьевнѣ...—съ такимъ же непріятнымъ спокойствіемъ твердила дама.—А подруга ваша очень хорошенькая... До свиданія, Эвелина.

Ольгу такъ и передернуло. На ней лица не было, когда она возвратилась къ Машѣ.

— Кто это?—спросила Лусьева, когда онѣ отошли.

Ольга пробормотала:

— А, мерзавка, одна... Изъ маменьки крестной прихвостней...

— Ты съ нею въ ссорѣ?

— Какъ ни сойдемся, непремѣнно поругаемся... Гадина.

— Она тебя Эвелиною звала... Какъ странно...

— Ничего нѣтъ страннаго,—быстро отвѣтила Ольга, усиленно глядя себѣ подъ ноги.—Развѣ я тебѣ не говорила? Полина Кондратьевна меня такъ всегда зоветъ... Ну, и всѣ въ домѣ... Она вѣдь чудачиха, у нея каждому человѣку своя кличка... Этой вотъ дряни, что мы встрѣтили, настоящее имя Александра Степановна, а Полина Кондратьевна зоветъ ее Адель... Даже горничную Лушку, и ту перекрестила въ Люцію.

— А эта Адель—родственница ей или чужая?

— Чортъ ее знаетъ. Говоритъ, будто родственница. Просто, любимая приживалка... всѣмъ домомъ управляетъ.

— То-то вы съ нею не въ ладу...

— Да, не то, чтобы ужъ очень не въ ладу, а... Скверно, что она тебя встрѣтила со мною,—вотъ что...—вдругъ искренно вырвалось у Ольги.

Машу опять кольнуло. Она готова была заплакать.

— Какъ это нехорошо съ твоей стороны, Оля,—горячо сказала она.—Зачѣмъ ты такъ безтактно даешь мнѣ понять, что я тебѣ не пара? Ну, пусть я бѣдная, а твои знакомые — аристократы... Неужели я ужъ такъ тебя срамлю? То ты все шла и оглядывалась по сторонамъ, будто мы что украли, теперь попрекаешь, зачѣмъ насъ встрѣтили вмѣстѣ...

Ольга не отвѣчала, смотрѣла на тротуарныя плиты, и до самаго корпуса подруги шли въ глубокомъ молчаніи. Маша чувствовала себя уязвленною до глубины души. Но у своего подъѣзда, Ольга простилась съ нею тепло и сердечно, и крѣпко при этомъ поцѣловала. На глазахъ ея дрожали слезы.

— Все равно, дура, думай обо мнѣ, какъ хочешь...— сказала она трепетнымъ, полнымъ дружбы, голосомъ.—Все равно, ты ничего не понимаешь, и не дай тебѣ Богъ понять...

— Удивительная вещь,—думала потомъ Маша,—отчего она такъ разстроилась? Бѣдная Ольга. Должно быть, у ея благодѣтельницы, все-таки, ужасный характеръ. Какъ Оля ея боится.

* * *

Спустя нѣсколько дней, Ольга навѣстила Машу. Видъ у нея былъ совсѣмъ уже другой: холодный, равнодушный.

— Я къ тебѣ сегодня по дѣлу,—сказала она, глядя въ пространство, мимо лица Маши.—Ты, помнишь, говорила, что хотѣла бы познакомиться съ Полиною Кондратьевной? Ну, Аделька эта... помнишь, которую мы встрѣтили на Невскомъ?—насплетничала Полинѣ Кондратьевнѣ три короба, какая ты красавица и симпатичная, и теперь моя старуха совсѣмъ взбѣленилась: вынь ей, да подай—привези тебя въ гости... Взяла съ меня слово, что ты у нея непремѣнно будешь... Ужъ поѣдемъ, пожалуйста, а то она меня заѣстъ...

— Отчего же нѣтъ?—отвѣчала Маша,— я очень рада... Вотъ только ты—какъ?

Ольга пожала плечами.

— А мнѣ-то что?—возразила она съ искусственнымъ равнодушіемъ

— А помнишь: ты меня предостерегала, чтобы я ни въ какомъ случаѣ не знакомилась съ твоею крестною?

Дѣвица Брусакова стала густо-малиновою и захохотала дѣланнымъ смѣхомъ.

— Ахъ, ты вотъ про что... Тогда? Ну, объ этомъ можешь забыть... Тогда я была сама не въ себѣ... Она мнѣ, за одну штуку, страшно обидную сцену сдѣлала.

— Я такъ и поняла, что это было несерьезно,— тоже засмѣялась Маша.

— Ну, конечно, несерьезно...—вяло подтвердила дѣвица Брусакова.—Поѣдемъ.

Маша отправилась къ отцу спросить разрѣшенія на новое знакомство. Родитель, разумѣется, не только позволилъ, но и былъ польщенъ.

Въ богатой квартирѣ Полины Кондратьевны Лусьева была встрѣчена, какъ родная. Красивая Адель была тутъ же.

— Васъ хотѣли отъ насъ спрятать, но это не удалось,— сказала она, шутливо грозя пальцемъ Ольгѣ Брусаковой. Та улыбалась, но очень криво и съ нехорошимъ блѣднымъ лицомъ.

Сама Полина Кондратьевна Рюлина оказазась величавою старухою, лѣтъ уже подъ шестьдесятъ. Она была массивна, какъ башня, одѣвалась молодо, бѣлилась, румянилась и, замѣтно, съ тщательностью старалась сохранить, какъ можно долѣе, остатки былой красоты и эффектной, фигуры. Глаза ея удивляли своимъ выраженіемъ, безпокойнымъ и въ то же время наглымъ, дерзко вызывающимъ.

— Такъ смотрѣла Даша,—подумала Лусьева.

Даша была горничная, которая, прослуживъ у Лусьевыхъ нѣсколько дней, попалась въ воровствѣ, а, когда при-

шла полиція составить протоколъ, то сыщикъ узналъ въ Дашѣ извѣстную профессіональную воровку, обирательницу мелкихъ квартиръ.

Заговорила Полина Кондратьевна съ Машею по-французски и замѣтно осталась довольна. Сама Рюлина странно акцентировала на всѣхъ языкахъ, не исключая русскаго, хотя рекомендовала себя кровною русачкою.

Весь train дома былъ приличенъ до чинности. Маша съ удовольствіемъ чувствовала себя среди «аристократической обстановки». По приказанію Полины Кондратьевны, Адель показала Марьѣ Ивановнѣ всю квартиру—очень большую, старинно и богато отдѣланную, съ множествомъ бронзы, картинъ, objets d'art. Нѣкоторыя картины были затянуты зеленымъ сукномъ. Особенно много такихъ было въ роскошной и торжественной спальнѣ хозяйки, сіявшей, кромѣ того, множествомъ зеркалъ: даже уголъ около гигантской двухспальной кровати и квадратъ потолка надъ нею были зеркальные. Маша выразила удивленіе. Адель засмѣялась.

— Это вкусъ покойнаго супруга Полины Кондратьевны. Обстановка не мѣнялась послѣ его смерти. Полина Кондратьевна обожаетъ его память, хотя, говоря между нами, онъ былъ большой шалунъ и mauvais sujet... Напримѣръ, хотя бы эти зеркала... Или эти картины... Посмотрите...

Адель отдернула одинъ изъ чехловъ. Марья Ивановна взглянула и потупилась, заливаясь румянцемъ: картина изображала сатира и нимфу поведенія совершенно несомнѣннаго. Адель хохотала.

— Согласитесь, что такую прелесть нельзя держать на виду.

— И всѣ, которыя закрыты, такія?—спросила Маша.

— Всѣ. Это былъ вкусъ покойнаго генерала. Когда-нибудь приходите днемъ,—я вамъ покажу... Есть шедевры... Даже Рубенсъ... Только Полинѣ Кондратьевнѣ не говорите:

она ненавидитъ, чтобы ихъ открывали, говоритъ, что мерзость...

— Я бы на ея мѣстѣ просто велѣла вынести ихъ на чердакъ...

— А, милая, говорю же вамъ: она боготворитъ память мужа... Въ квартирѣ—вотъ уже пятнадцать лѣтъ—не тронута съ мѣста ни одна его вещь... Да, къ тому же, и жаль: иныя полотна чудно хороши, за нихъ плачены тысячи рублей... Вотъ, напримѣръ...

Адель отдернула другой чехолъ: Леда и лебедь...

— Это изъ миоологіи, знаете,—смѣясь, пояснила она.

Маша знала. Вещь была, дѣйствительно, художественная, чуть ли не майковской кисти. Любопытство преодолѣло стыдъ. Маша посмотрѣла картину, конфузясь, краснѣя, съ угрызеніемъ совѣсти, но и съ любопытствомъ.

— Тутъ Фрина съ невольницей... Тутъ Пазифаэ...—быстро отдергивала и сейчасъ же задергивала полотна Адель, такъ что онѣ едва успѣвали сверкнуть въ глазахъ Маши обиліемъ нагого тѣла и странными позами.—Это рубенсова семья сатировъ... Все очень пикантно... Да, вы заходите завтра днемъ... Часа въ два... Полины Кондратьевны не будетъ дома: поѣдетъ съ визитами... Я вамъ все покажу. Только ей—молчокъ, а то мнѣ достанется.

— Ну, что?—спросила, отходя ко сну, госпожа Рюлина свою наперсницу, когда Маша Лусьева и Ольга Брусакова отправились домой.

Адель ухмыльнулась.

— Да, ничего...Дѣвчонка чистенькая...Картинки, впрочемъ, смотритъ...

— Дичокъ очень... А хороша...

— Удивительно хороша... И приличпа... по-французски говоритъ...

— Можетъ быть очень шикарна. Есть за что взять деньги. Ты ужъ приложи стараніе... Подготовь...

*

— За мною дѣло не станетъ.

Адель фыркнула:

— А Эвелинка все рожи корчитъ?

— Дура. Я ее все время, покуда вы картины смотрѣли, отчитывала. Дура. Жалко очень, видите ли,—дѣвушка, дескать, хорошая...

— Какія нѣжности при нашей бѣдности!

Старуха зѣвнула.

— А сама Эвелинка уже сдавать начала... Линялая какая-то... Да еще, если въ добродѣтель играть начнетъ... Знаешь, ее сбыть надо...

— Что-жъ, и сбудемъ.

— А этой,— старуха кивнула на окно, подразумѣвая ушедшую Машу Лусьеву, — придется дать другую подружку.. Эвелинкѣ я не вѣрю: Эвелинка станетъ разбивать...

— Можно познакомить ее съ Жозею... Та оголтѣлая... Ей все равно...

— Пожалуй, хоть и Жозю...

Въ каретѣ, уносившей подругъ къ роднымъ пенатамъ, Маша трещала, какъ канарейка: ужъ такъ-то понравились ей госпожа Рюлина и, въ особенности, привѣтливая Адель. Ольга угрюмо молчала.

— А картины она тебѣ показывала?—спросила она, наконецъ, усталымъ, скучнымъ голосомъ.

— Да... Фу, какая гадость!.. Не понимаю, какъ ихъ можно держать въ домѣ...

— Нравятся инымъ...—съ насмѣшкою протянула Ольга.

— Да, Адель говорила мнѣ, что ихъ любилъ покойный генералъ... Бѣдная Полина Кондратьевна!..

Ольга промолчала.

Пріѣхали въ родной казенный дворъ.

— Да,—внезапно сказала Ольга, прощаясь съ Машею,—скверныя картины... Ненавижу ихъ... Не соблазняйся ими, Машенька...

— Ольга,—ты съ ума сошла!..—воскликнула изумленная Лусьева.—Неужели ты думаешь, что онѣ могутъ мнѣ нравиться?

Ольга горячо жала ей руку и говорила:

— Я, когда ихъ вижу, всегда объ одномъ думаю. Хорошо, что всѣ эти госпожи рисованныя—мертвыя, фантазія одна... А—если бы живыя?.. Ты вообрази только, поставь себя на мѣсто женщины, которая была бы такъ... и всѣ бы на нее смотрѣли...

— Помилуй, развѣ это можетъ быть?

Ольга смотрѣла на подругу такимъ взглядомъ, точно хотѣла сказать:

— Очень можетъ.

Но удержалась и сказала только:

— Да, вѣдь писано же съ кого-нибудь...

— Ну, ужъ, должно быть, съ какихъ-нибудь совсѣмъ безстыдныхъ...—горячо воскликнула Маша.

— Прощай,—сухо сказала Ольга и скрылась за дверью.

Машѣ спалось отлично, ей видѣлись очень веселые сны въ эту ночь.

II.

Вскорѣ времени Марья Ивановна стала въ домѣ госпожи Рюлиной своимъ человѣкомъ и, вопреки предостереженіямъ Ольги Брусаковой, особенно дружески сошлась съ красивою, умною Аделью. Лусьева еще не совсѣмъ вышла изъ того возраста, когда «обожаютъ» интересныхъ старшихъ дѣвицъ и дамъ. Кромѣ Адели, у Маши появилась новая пріятельница, нѣкая Анна Казиміровна Катушкина, по кличкѣ рюлинскаго дома — Жозя, молодая разводка полупольской крови, очень красивая и веселая блондинка, съ заманчиво туманными глазами, крупная, породистая, съ языкомъ циническимъ, но острымъ, — неистощимый источникъ каламбуровъ, анекдотовъ и афоризмовъ самой безпечальной философіи. Машѣ—впрочемъ, Рюлина успѣла уже и Лусьеву передѣлать въ Люлю, по первому слогу ея фамиліи,—Жозя казалась очень милою, доброю, немножко жалкою, а—что шальная, то съ нея и взыскать нельзя: жизнь несчастная.

— Влюбчива я, душки!—ахала про себя сама Жозя. Ахъ, если бы не моя проклятая влюбчивость! Ахъ!.. Ко мнѣ князь Свиноплясовъ, за красоту мою, безъ приданаго сватался,—десять милліоновъ, душки!—а меня чортъ дернулъ въ Катушкина врѣзаться: онъ у татка въ конторѣ за бухгалтера служилъ... глаза пронзительные, маслинами... ну, и кувыркомъ! и тайный плодъ любви несчастной!.. вотъ тебѣ, здравствуй, и княгиня!.. Спасибо еще, что хоть самъ-то Катушкинъ не спятился, соблаговолилъ жениться... Но и дулъ же онъ за то потомъ меня, душки,—вотъ дулъ!.. Съ Катушкинымъ Богъ развязалъ,—банкиръ Балановичъ,—знаете, на Невскомъ? У-у-у! его всѣ боятся, всѣхъ въ лапѣ держитъ, паучище,—бѣда!—звалъ меня жить за хозяйку... Собою еще молодецъ, усы, духи самые джентльмэнскіе, квартира, лошади, полторы тысячи въ мѣсяцъ на булавки.. Я было и съ лапочками, но тутъ подвернулся юнкеръ Шмидтъ. Выжимаетъ шестьдесятъ килограммовъ, въ рейтузахъ... Говоритъ: съ милымъ рай и въ шалашѣ, а то застрѣлюсь... Два мѣсяца голодала съ нимъ, какъ собака, да еще—отчаянный: полтора раза стрѣлялъ въ меня изъ револьвера, потому что имѣлъ товарища Шульца... вотъ зубы, душки! ахъ, милыя, шульцовыхъ зубовъ нельзя видѣть безъ восхищенія! Жемчугъ! У дантистовъ въ витринахъ не видала подобныхъ!

— Погоди, Жозя,—издѣвалась Адель,—какъ же это Шмидтъ стрѣлялъ въ тебя полтора раза?

— А во второй разъ осѣчка вышла. Впрочемъ, это ужъ не изъ-за Шульца. Къ Тартакову приревновалъ. Я портретъ Тартакова купила за гривенникъ и спрятала подъ подушку. А Шмидтъ мой, длинноносый, нашелъ, и сейчасъ же—за револьверъ. Это у него ужасно какъ скоро всегда начиналось. Потому что онъ, душки, такъ себя понималъ, что папаша у него пьяница, мамаша въ сумасшедшемъ домѣ сидитъ, а я, говоритъ, наслѣдственный декадентъ и психопатъ, и никакого суда на свѣтѣ не боюсь, потому

что, какого лихого прокурора на меня ни спусти, съ меня взятки гладки .. Чуть поругаемся, глядь, револьверъ уже въ рукахъ... И тебя,—говоритъ! И себя,—говоритъ! И его,—говоритъ! И всѣхъ,—говоритъ! А я съ Тартаковымъ и по это время не знакома... ей-Богу!

— А зачѣмъ покупала портретъ?

— Тутъ, въ аптекѣ сосѣдней, провизоръ былъ, очень похожъ: славный такой еврей, молоденькій, круглолицый, кудрявый... ужасно, какъ мнѣ нравился.

— И съ провизоромъ былъ романъ?

— Что! Не стоитъ вниманія: всего два рандеву, а послѣ его мамаша съ папашею въ Вильну выписали и женили на бакалейной вдовѣ... Да! Влюбчива, дѣти мои! Что дѣлать? Судьба. Погибаю отъ влюбчивости. Весь мой глупый характеръ: не могу. У кого голова кудрявая,—не могу. Усы холеные, въ кольцо вьются,—не могу. Сколько я отъ одного подлаго актерья горя претерпѣла, потому что, если мужчина среднихъ лѣтъ, очень аккуратно выбритъ, этого ужъ я никакъ не могу. Въ одного влюбилась за то, что пиджакъ синій носилъ, очень хорошо сидѣлъ на немъ. А онъ, дуракъ, возьми, да на свиданіе въ коричневомъ рединготѣ явился... ну, и никакой иллюзіи... потеряла настроеніе, прогнала...

— А теперь кто у тебя, Жозя?

— Инженеръ... преогромнѣйшій, душки, мужчина... и все шампанское хлещетъ...

И Жозя, захлебываясь, повѣствовала, какъ и гдѣ она познакомилась съ инженеромъ, и какія приключенія у нихъ затѣмъ вышли.

— Стой, Жозька, перестань,—хохоча, обрывала ее Адель.—Съ тобою договоришься. Въ головѣ у тебя дырки, вѣтеръ продуваетъ, языкъ безъ костей... Развѣ можно входить въ такія подробности? У, безстыдница! Тутъ барышня сидитъ, слушаетъ, ей этого нельзя...

— Ну-у-у-у?—отчаявалась Жозя,—Ахъ, я окаянная!

Всегда увлекусь, забудусь... Вы, Люлюшечка, простите не обижайтесь на меня, грѣшницу. Я вѣдь спроста.

— Ну, что вы, Жозя? Что это, право, какая вы, Адель?—обижалась Маша.—Развѣ я маленькая? Смѣшно не понимать.

Адель строила строгое лицо.

— Нѣтъ, нѣтъ... Полина Кондратьевна услышитъ, будетъ сердиться. Скажетъ, что мы васъ развращаемъ... Она на этотъ счетъ такая prude .. Женщина стараго воспитанія... Ей и генералъ покойный анекдотами подобными надоѣлъ...

— Ихъ дома нѣтъ,—спѣшитъ вмѣшаться любимая камеристка Рюлиной, русская красавица Люція, по паспорту ярославская крестьянка Лукерья Куцулупова, всегда фамильярно вертѣвшаяся въ комнатахъ при барышняхъ,—по фавору у хозяйки дома, почти что въ ровняхъ съ Аделью.—Ихъ дома нѣтъ, уѣхали съ визитами...

— Ну, развѣ, что дома нѣтъ.

Ольга Брусакова и этой Машиной дружбы не одобряла. О Жозѣ она выразилась кратко, но сильно.

— Хуже Адельки. Мерзавка и предательница.

Это было до того не похоже на правду, что Маша возмутилась.

— Господи! Что съ тобою дѣлается, Ольга? Ты мизантропкою становишься. Откуда это у тебя? Всѣхъ бранишь, ко всѣмъ дурныя подозрѣнія, злость, ненависть какая-то ..

— Какъ знаешь. Твоя знакомая, твое дѣло.

— Ты съ нею сама другъ, даже на «ты».

— Я! Мало ли, что я... Если Полина Кондратьевна мнѣ прикажетъ, я и съ Люською буду на ты... А ты человѣкъ свободный, у тебя должна быть своя воля, ты можешь выбирать себѣ подругъ...

— Что ты имѣешь противъ Жози?

— Она поганная.

— Что въ разводѣ съ мужемъ, такъ ужъ и поганая? Это, Ольга, надо знать, отчего.

— Дѣло не въ разводѣ, а... Ну, да поживешь,—сама оцѣнишь эту цацу. Что она, небось, все пакости свои тебѣ вретъ? И книженки скверныя навязываетъ? Вѣдь она безъ того жить не можетъ. Дрянь, вся дрянь. И тѣломъ, и душою. Да и ты, Маша, хороша, нечего сказать: какъ уши не вянутъ слушать?

Маша обидѣлась.

— Скажите, сколько нравственности! Ахъ!.. Угнетенная невинность или поросенокъ въ мѣшкѣ!..

— Вотъ и это, про поросенка, ты уже отъ нея, отъ Жозьки... Можно поздравить съ успѣхами... Способная ученица!..

— Въ чужомъ глазу сучекъ мы видимъ, въ своемъ не чувствуемъ бревна. А у самой—«Афродита» подъ подушкою.

— Я—что?—стихла сконфуженная Ольга.—Ты себя со мною, говорю тебѣ, не ровняй Я уже въ старыя дѣвы гляжу... И сложилось у меня все такъ... особенно... ты не знаешь... Я отравленная, человѣкъ пропащій. А ты, дѣвочка свѣжая, молодая... Тебѣ жить, да жить...

— И поживемъ,—хохотала Маша.—Еще какъ поживемъ-то. Что ты, право. Намъ съ тобою только время о женихахъ думать, а ты панихиды поешь. Поживемъ.

— Ну, давай Богъ, живи.

За мѣсяцъ, что Маша, какъ говорится, и легла, и встала у Полины Кондратьевны, она изрядно втянулась въ долги. Адель, Жозя, Ольга одѣвались шикарно. Лусьевой было стыдно оставаться рядомъ съ ними «чумичкою, хуже горничной», тѣмъ болѣе, что, въ данномъ случаѣ, эта фраза, столь обычная въ устахъ всѣхъ тоскующихъ отъ безденежья модницъ, звучала совершенною правдою: прислуга въ домѣ Рюлиной была одѣта очень хорошо, а Люція франтила, совсѣмъ, какъ барышня, по послѣдней модѣ. На одно хоро-

шее платье Маша выпросила денегъ у отца,—онъ далъ съ удовольствіемъ, потому что желалъ, чтобы дочь бывала часто у Рюлиной, воображая, что знакомство принесетъ ей покровительство и пользу. Но, въ то же время, предупредилъ:

— Больше не проси,—и радъ бы, да не осилю.

Поэтому другое платье Маша, скрѣпя сердце, заказала знакомой портнихѣ въ кредитъ, съ ея матеріей, принявъ обязательство уплатить черезъ мѣсяцъ, но сама не зная, на что разсчитываетъ, когда обязательство принимала. Срокъ приближался къ концу. Денегъ, конечно, не было. Маша съ трепетомъ ждала, что вотъ-вотъ портниха предъявитъ ей счетъ... надо либо виниться передъ отцомъ и выдержать жестокую сцену, либо извернуться, перехватить деньжонокъ... Спросила у Ольги: нѣтъ, сама на мели... и не въ ладахъ съ Полиною Кондратьевною, не смѣетъ просить. Маша совсѣмъ загрустила.

Тоску ея замѣтили у Рюлиной, и Адель, оставшись наединѣ съ дѣвушкою, легко выпытала, въ чемъ заключается ея печальная тайна.

— Вотъ пустяки,—воскликнула она.—Стоитъ горевать. А мы на что? Сколько вамъ?

— Тридцать два рубля, — съ ужасомъ призналась Маша.

— Ахъ, какъ страшно! — подумаешь, милліоны... О такой мелочи и Полинѣ Кондратьевнѣ не стоитъ говорить, я ссужу васъ изъ своихъ. Я ждала все-таки палочку съ двумя нулями...

— Что вы, что вы, Адель, какъ можно!.. Я ста рублей и въ рукахъ никогда не держала.

— Вотъ, возьмите, Люлю... укротите вашу свирѣпую кредиторшу... Какъ не стыдно было давно не сказать?.. Скрытная!.. А заказовъ ей впередъ не давайте. Между нами говоря, она шьетъ на васъ отвратительно. Прачкамъ такъ одѣваться прилично, но хорошенькой изящной ба-

рышнѣ непозволительно. Развѣ это туалетъ—на тридцать два рубля?

— У меня нѣтъ средствъ одѣваться дороже.

Адель ласково обняла Лусьеву.

— Зато у васъ есть друзья, которые заботятся о вашей красотѣ больше, чѣмъ вы сами. Полина Кондратьевна давно уже просила меня предложить вамъ ея кредитъ у madame Judith, но я все забывала... Ну, а теперь, разъ къ слову пришлось,—хотите?

— Въ долгъ? Нѣтъ, Адель, я не могу должать.

— Вотъ?! Почему?

— Долгъ платежемъ красенъ. Я бѣдная. Откуда возьму денегъ расплатиться?

— Съ кѣмъ? Съ madame Judith? Полина Кондратьевна платитъ ей два раза въ годъ.

— Нѣтъ, съ Полиною Кондратьевною.

Адель опять ударилась смѣяться и трепать Машу по плечу.

— Съ Полиною Кондратьевною? Полно, не смѣшите, Люлю. Когда она требуетъ долги? Съ кого? Это у нея страсть—баловать насъ, молодежь. Я, Жозя, Ольга—всѣ у нея по уши въ долгу, безъ отдачи. Развѣ мы, бѣдныя церковныя крысы, въ состояніи такъ франтить, если бы не она? Всѣ живемъ ея кредитомъ, и никогда ни у кого никакихъ непріятностей. А вы сейчасъ у нея въ особенной милости, фаворитка. Она рада будетъ, вы ее обяжете. Вѣдь ангелъ же, воплощенная доброта. Рада все отдать, если кого полюбитъ. Хорошо, что у нея нѣтъ близкихъ родныхъ. А то ее давно въ опеку взяли бы,—честное слово.

И, вскорѣ послѣ этого разговора, податливая Маша-Люлю была одѣта, какъ парижская картинка, одною изъ самыхъ дорогихъ модистокъ Петербурга. Поданный счетъ Адель все-таки попросила Машу подписать.

— Знаете, деликатнѣе... Старуха не любитъ, чтобы ее благодарили,—вообще, чтобы подарокъ имѣлъ видъ по-

дарка... Подарки безъ оплаты, по ея взглядамъ, немножко оскорбляютъ тѣхъ, кто принимаетъ; изъ-за подарковъ всегда потомъ начинаются непріятности, разладъ... Предразсудокъ, конечно... А, впрочемъ, можетъ быть, она и права... Во всякомъ случаѣ, декорацію эту, будто вы должны, красивѣе сохранить... вѣдь и для васъ удобнѣе... Мы всѣ такъ дѣлаемъ, и она очень довольна.

Маша подписала счетъ, причемъ цифру долга Адель прикрыла рукою.

— Не покажу. Вы еще въ обморокъ упадете.

— Ну, что вы, право... Покажите, Адель... Сколько?

Адель, съ обычнымъ своимъ хохотомъ, воскликнула:

— Тридцать два рубля!

— Ахъ, Адель, какая вы шалунья!

— А вы наша милочка, красавица! Для васъ—все на свѣтѣ.

Подарки — вообще, сила развращающая, но подарки кредитомъ опаснѣе другихъ, потому что при нихъ не такъ осязательно чувствуется благодарность къ дарителю, менѣе смущается совѣсть дароприпимателя. Что же молъ? Вѣдь не свое даетъ, ручается за меня только; я не подведу, ручательство оправдаю, расплачусь... Мало-по-малу, день за день, Маша Лусьева получила кредитъ въ нѣсколькихъ магазинахъ Гостинаго двора, у парфюмера на Морской, у фруктовщика въ Милютиныхъ рядахъ, у очень солиднаго, хотя и русскаго, ювелира на Невскомъ.

— Ахъ,—сама на себя ужасалась она,—какая я негодница!.. Должаю, должаю и удержаться не могу... Вотъ—какъ Жозя влюбляется, такъ я должаю... Словно демонъ меня обуялъ!.. Какъ буду отдавать?

— Отдадите, милая,—утѣшала Адель.—Вотъ, дастъ Богъ, выйдите замужъ за богача,—тогда мы съ васъ все и потребуемъ.

— Такъ и возьметъ меня богатый.

— Такую-то красотку? Да васъ у насъ съ руками оторвутъ. За милліонера отдамъ. Меньше,—не согласна.

— Скромничаетъ, невинность!—трунила и Жозя.—А на кого Ремешко смотритъ каждый вечеръ, какъ котъ на сало?

Ремешко, — молодой и довольно представительный, всегда безукоризненно одѣтый господинъ, съ драгоцѣннѣйшимъ солитеромъ въ булавкѣ галстуха,—бывалъ у Полины Кондратьевны довольно часто. Какъ-то разъ Маша упомянула его фамилію у себя дома. Отецъ ея оживился:

— Ремешко? Изъ какихъ Ремешковъ?

— Не знаю. Адель говоритъ, что съ юга откуда-то, овцеводство тамъ у него какое-то особенное... Очень богатый человѣкъ.

Старикъ такъ даже весь и встрепенулся.

— Какое-то? О-го-го! Дурочка! Если этотъ Ремешко тотъ самый, то—передъ нимъ всѣ шапки долой: архимилліонеръ. Понимаешь? О немъ вотъ что разсказываютъ. Встрѣчаетъ онъ гдѣ-то, въ клубѣ что ли, тоже овцевода одного, хвастуна великаго. А въ лицо его, Ремешко, хвастунъ не знаетъ, да и фамилію не разслышалъ, мимо ушей пустилъ.—Вы, спрашиваетъ, чѣмъ занимаетесь?—Я, скромно отвѣчаетъ Ремешко, имѣю свое хозяйство, овцою пробавляюсь... Хвастунъ давай, ему въ перебой, расписывать про свое хозяйство, какое оно превосходное. . Надоѣлъ. Ремешко спрашиваетъ:—И много у васъ овецъ?.. Хвастунъ говоритъ:—Двадцать тысячъ. А у васъ?.. Ремешко отвѣчаетъ:—Овецъ не считалъ, но собакъ при овцахъ у меня вдвое больше... Вотъ онъ каковъ, этотъ господинъ Ремешко!

Тотъ ли, не тотъ ли, но Ремешко, дѣйствительно, ухаживалъ за Машею очень скромно, почтительно, какъ человѣкъ хорошаго воспитанія и честныхъ правилъ. Хотя онъ Машѣ не нравился, однако, послѣ родительскаго анекдота объ овцахъ и собакахъ, Лусьева стала поглядывать на архи-

милліонера съ бо̀льшимъ вниманіемъ и подумывать о немъ съ бо̀льшимъ, чѣмъ прежде, интересомъ. Тѣмъ болѣе, что архимилліонеръ не разъ проговаривался многозначительными фразами, что жениться богатому на богатой безъ любви — преступленіе. «Я женюсь только по сильной страсти; мой идеалъ—дѣвушка, выросшая въ небогатой, честной семьѣ, не избалованная, со скромными вкусами и привычками»... Адель, при подобныхъ заявленіяхъ, толкала Машу подъ столомъ ногою, и Маша, мало-по-малу, выучилась, въ отвѣтъ на нихъ, краснѣть, словно бы они именно къ ней относились...

— Вотъ, будетъ у тебя сорокъ тысячъ собакъ,—ты намъ все собаками заплатишь,—острила Адель.

Острила Адель, острила Жозя, острила Полина Кондратьевна, острила сама Маша,—всѣ острили и смѣялись. Ужасно много было въ этомъ домѣ остротъ и смѣха, а подъ смѣхъ и остроты Маша все забиралась, да забиралась въ кредитѣ.

Ольга Брусакова вмѣшалась было:

— Не зарывайся, Марья! Серьезно тебѣ говорю: это скверно кончится. Ты Полины Кондратьевны не знаешь... Она съ большими капризами...

— Да, вѣдь, не у тебя беру,—выучилась уже огрызаться Маша.—Жаль тебѣ чужого? Что взяла, то и отдамъ...

— Когда? Чѣмъ?

— Ждутъ, не требуютъ, — чего же мнѣ заботиться? Я все помню, сколько куда, кому, на что... Отдамъ.

— То-то, надо помнить. Отдать, Машенька, придется. Будь ты Люлюша, Разлюлюша, а придется, – въ этомъ я тебя завѣряю. И заставятъ тебя заплатить гораздо скорѣе, чѣмъ ты надѣешься. Ты Аделькѣ не вѣрь, у нея свой разсчетъ въ головѣ.

Маша призадумалась было, посдержала себя, стала экономнѣе. Отъ Адели не укрылась ея новая осторож-

ность, она узнала причину и пришла въ страшное негодованіе.

— Охъ, ужъ эта мнѣ Ольга-Эвелина! — съ досадою кричала она.—Вѣчно суетъ свой носъ, куда не спрашиваютъ. Ревнива, какъ бѣсъ, жадная, злая... Ужъ, кажется, ей-то пора бы быть сытою и совѣсть знать: задарена выше головы, избалована, какъ принцесса... Нѣтъ, всего мало, все недовольна: зачѣмъ хоть что-нибудь достается не ей, а другимъ!.. Глаза завидущіе!.. А, главное, что за низость? Какое право имѣетъ она возстановлять васъ противъ Полины Кондратьевны? Ну, противъ меня,—я понимаю: меня она всегда ненавидѣла, потому что я ее вижу насквозь и не разъ выводила на свѣжую воду разныя ея подлыя штучки,—но противъ Полины Кондратьевны? Это гадко, это черная неблагодарность... это—предательство!

Слушая эти патетическія причитанія, произносимыя самымъ благороднымъ и горькимъ тономъ,—Адель, дѣйствительно, разсвирѣпѣла на Ольгу очень искренно,—Маша тоже вознегодовала. Отношенія между двумя подругами были, такимъ образомъ, что называется, подсалены. Когда въ тотъ же вечеръ пріѣхала къ Рюлиной Ольга, Полина Кондратьевна пригласила ее къ себѣ въ спальню для объясненій. Разговоръ былъ очень недолгій, но должно быть, слишкомъ выразительный. Ольга вышла отъ крестной, съ глазами, распухшими отъ слезъ, а щеки ея горѣли румянцемъ, какъ огонь.

Домой Ольга и Маша, по обыкновенію, ѣхали вмѣстѣ. Маша дулась на коварную подругу и молчала всю дорогу. А Ольга обмолвилась только одною фразою:

— Ты, Марья, такая дура, что больше я ничего тебѣ совѣтовать не стану. Богъ съ тобою. Изъ-за тебя сама въ бѣду попадешь.

— И очень рада,—сухо отрѣзала Маша. —Никогда въ твоихъ совѣтахъ не нуждалась.

* * *

Машу часто оставляли ночевать у Полины Кондратьевны, и она любила оставаться. Бывало очень весело. Обыкновенно, ночевала за компанію и Жозя. Адель укладывала подругъ въ своей комнатѣ, приходила вальяжная и фамильярная Люція, и молодое общество трещало, какъ пѣвчая стая, до бѣлаго свѣта, причемъ Жозя, по обыкновенію, сыпала анекдотами, стихами, амурными воспоминаніями; Адель ее подстрекала и ей подпѣвала, и такъ— покуда всѣхъ не сморитъ сномъ...

Поутру—ванна. Молодой визгъ, рѣзвыя шутки, хохотъ, шалости... Ванна у Полины Кондратьевны была устроена на-диво, послѣднее слово гигіены, даже съ приспособленіями въ комнатѣ для домашней гимнастики.

— Mesdames,—предложитъ Жозя.—Давайте представлять статуи...

— Живыя картины!

— Нѣтъ,—хохочетъ Адель.—Лучше, какъ въ циркѣ, составимъ пирамиду. Люлю, Жозя, становитесь, а Люська— къ вамъ на плечи...

Шалили опять-таки потихоньку: Боже сохрани, чтобы не услыхала Полина Кондратьевна!.. А Адель, бывало, смотритъ-смотритъ на разыгравшихся подругъ...

— Фу,—скажетъ,—какія, вы негодныя, всѣ красивыя!.. Заглядѣнье!.. Подождите... Стойте такъ, останьтесь: я васъ сниму... ужъ очень хорошо!..

Она усердно занималась фотографіей и имѣла превосходный аппаратъ, съ цейссовымъ объективомъ. Чуть не по цѣлымъ днямъ щелкала машинкою. Съ Маши, какъ новенькой въ домѣ, нащелкала особенно много негативовъ,— въ томъ числѣ, не малое количество «живыхъ картинъ» въ ванной комнатѣ.

Однажды съ Машею приключилось у Рюлиной довольно странное происшествіе. Сѣла она въ ванну, и вдругъ закружилась у нея голова, и она сразу потеряла сознаніе. Слышала, какъ сквозь сонъ, что ее какъ будто

куда-то несутъ. Очнулась,—въ ванной же, на диванчикѣ. Жозя, Адель, Люція хлопочутъ около, даютъ ей нюхать спиртъ.

— Охъ, какъ ты насъ напугала! Мы думали, ты умерла...

— Долго я была безъ чувствъ?

— Съ четверть часа.

— А зачѣмъ вы меня куда-то носили?

— Что вы бредите, Люлю!—удивилась Адель,—только и было, что перенесли васъ изъ ванны на диванъ...

— Никуда васъ не носили, барышня,—подтверждаетъ и Люція.—Это вамъ показалось въ обморокѣ...

Но глаза у всѣхъ трехъ были лживые... Посмотрѣла Маша на часы: половина двѣнадцатаго. А она хорошо помнила, что сѣла въ ванну въ пять минутъ одиннадцатаго. Стало быть, обморокъ ея продолжался не четверть часа, а часъ слишкомъ.

— Зачѣмъ вы меня обманываете?—разсердилась Маша.

Жозя покраснѣла и говоритъ:

— Мы боялись, чтобы ты не испугалась, что у тебя былъ такой долгій обморокъ.

— Знаете, Люлю,—поддакиваетъ Адель,—это не хорошо, вы обратите вниманіе, вамъ лечиться надо...

Тѣмъ дѣло и кончилось. У Маши поболѣла дня два голова, и затѣмъ все прошло и забылось.

Когда Лусьева разсказала про свой обморокъ Ольгѣ Брусаковой, та ужасно взволновалась.

— Обморокъ въ ваннѣ? Отчего?

— Сама не знаю, раньше никогда не бывало.

— Ты передъ тѣмъ ѣла что-нибудь? пила?

— Чай съ вареньемъ пила, въ постели...

— Ага!—съ какимъ-то злорадымъ отчаяніемъ промычала Ольга. И принялась уговаривать Машу:

— Слушай, Марья Ивановна, такими внезапными обмороками не шутятъ. Такъ начинается острое малокровіе, это опасно... Я по себѣ знаю. Я, въ твои же годы, отъ

обмороковъ этихъ чуть на тотъ свѣтъ не отправилась. Искренній мой тебѣ совѣтъ: посовѣтуйся съ женщиною-врачемъ...

Маша была жизнелюбива, за здоровье боялась,—струсила.

— Да, я съ радостью бы, но у меня нѣтъ знакомой.

— Я тебя отвезу, у меня есть... Анна Евграфовна, старая пріятельница...

— Отлично, поѣдемъ.

Женщина-врачъ, послѣ долгой и внимательной консультаціи, признала Машу совершенно здоровою и въ порядкѣ. Ольга, послѣ пріема, переговорила съ нею еще разъ наединѣ. Та повторила свой прежній діагнозъ, Ольга осталась въ большомъ удивленіи:

— Странно...—размышляла она, трясясь рядомъ съ Машею на плохомъ извозчикѣ.—Зачѣмъ же онѣ въ такомъ случаѣ опоили ее? Какую подлость еще мастерятъ? Очень странно...

III.

ыстро летѣло время. Маша все глубже и глубже входила въ рюлинскій домъ и его бытъ. Рюлинскіе домъ и бытъ все крѣпче и крѣпче впивались въ Машу, все острѣе и острѣе ее заражали. Перерожденіе дѣвушки изъ скромной, мелко-буржуазной куколки въ бойкую и вертлявую бабочку,—она думала, что большого свѣта, въ дѣйствительности—демимонда,—совершалось послѣдовательно и неуклонно. Разъ два или три Полина Кондратьевна допустила Машу на свои интимные вечерки для друзей, на которыхъ бывали только мужчины,—всегда понемногу, трое, четверо, все старички, притомъ истые тузы. Вечерки эти проходили опять-таки очень благопристойно, только тонъ старческой французской causerie держался невозможно скабрезный. Къ удивленію Маши, Полина Кондратьевна, вопреки своему обычному показному пуризму, выслушивала сквернословіе дряхлыхъ гаменовъ съ весьма благосклонною готовностью и зачастую даже сама давала имъ

толчекъ къ «милымъ мерзостямъ», какъ выражался одинъ изъ ея именитыхъ гостей, крупный биржевикъ и предприниматель на всѣ руки, Илья Никодимовичъ Сморчевскій. Еще казалось Машѣ страннымъ, что въ свои вечерки Рюлина ни за что не позволяла ей заночевывать и довольно рано отправляла ее домой, словно скрывая отъ нея какія-то домашнія таинства, которыя должны начаться послѣ ея ухода. Маша спросила Ольгу Брусакову.

— Очень натурально,—возразила та, брезгливо пожимая плечами.—Конечно, мы, молодыя, не къ мѣсту и только мѣшаемъ старичью. Вѣдь у нихъ тамъ чуть не восемнадцатый вѣкъ, ancien regime. Отставные Ловеласы въ подагрѣ и среди нихъ крестная въ роли сѣдой Клариссы.

— Я такъ полагаю,—язвила по тому же поводу Адель,—что старушка наша просто ревнуетъ насъ, молодежь, къ своимъ селадонамъ... каждому въ субботу сто лѣтъ! Ахъ, вѣдь сердце не камень! Я прекрасно знаю, что графъ Иринскій въ 1859 году предлагалъ Полинѣ Кондратьевнѣ свою сіятельную руку и сердце, а въ 189* онъ, коварный измѣнникъ, мнѣ глазки строитъ: полагайтесь послѣ этого на мужчинъ! Какой женщинѣ пріятно видѣть, что старый поклонникъ гуляетъ на сторону? Полина Кондратьевна оберегаетъ своихъ юношей отъ нашего легкомыслія и прекрасно дѣлаетъ.

И, дѣйствительно, Адель едва-едва показывалась на вечерки, Жозю и Ольгу Маша на нихъ тоже ни разу не встрѣтила. Кстати сказать,—когда Лусьева, неудовлетворенная отвѣтами Ольги и Адели, стала разспрашивать о рюлинскихъ вечеркахъ Жозю и Люцію, то первая фыркнула и, захлебываясь смѣхомъ, убѣжала отъ нея въ другую комнату, а степенная Люція, хотя тоже смѣясь, сказала нравоучительно:

— Много будете, барышня, знать,—скоро состаритесь. Всему свой чередъ. Придетъ ваше время, и вы попируете...

А что пировали на вечеркахъ сильно, было несомнѣнно. Послѣ каждаго сборища, запахъ вина и сигаръ долго не исчезалъ изъ нарядныхъ комнатъ Полины Кондратьевны, до спальни включительно, не поддаваясь куреньямъ, лѣсной водѣ и усиленной вентиляціи...

Должать Маша окончательно перестала опасаться, потому что, въ самомъ дѣлѣ, было очевидно, что Ремешко не сегодня-завтра будетъ просить ея руки. Онъ, влюбленною тѣнью, ходилъ за Машею по пятамъ, подносилъ ей конфекты, букеты, доставалъ дорогіе билеты въ театры, экипажи для прогулокъ, глядѣлъ въ глаза, ловилъ желанія и выражалъ всѣмъ лицомъ и всею фигурою:

— Прикажи,—и я твой, и овцы мои твои, и собаки, и пастухи, и страусы.

Ибо, ко всѣмъ великолѣпнымъ слухамъ о богатствахъ Ремешки, прибавилась еще легенда, будто въ его необозримыхъ поляхъ производятся опыты работъ верблюдами, ламами и страусами—въ первый разъ въ Европѣ.

— Правда, что у васъ въ имѣніи на страусахъ воду возятъ?—спрашивала его Адель.

Ремешко скромно улыбался.

— Да, вѣдь что такое страусъ? Только, что слово громкое... А то—какъ журавль или аистъ... Ну, конечно, ростомъ вышелъ... Но, все-таки,—кто привыкъ, ничего особеннаго: птица...

Милліонеръ давно уже познакомился съ отцомъ Маши, совсѣмъ его очаровалъ, пообѣщалъ стипендію брату ея, какъ скоро тотъ кончитъ гимназію,—словомъ, жениховствовалъ, сколько умѣлъ,—только вотъ все запинался съ предложеніемъ.

— Робокъ,—извиняла его г-жа Рюлина,—застѣнчивъ очень. Что же? Тѣмъ лучше для васъ, Люлечка. Скромность въ женихѣ не порокъ. Между нынѣшнею молодежью такіе смирные—рѣдкость. Изъ него, дѣточка моя, золотой мужъ выйдетъ... Да и куда вамъ спѣшить? Вы молоденькая.

Что ужъ такъ прытко—едва изъ коротенькаго платьица, и сейчасъ же въ мамаши? Надо поглядѣть на свѣтъ и людей, повеселиться, перебѣситься, какъ говорятъ мужчины... Вѣдь вы въ него не влюблены?

— Н-н-н-нѣтъ... не очень...

— А, если не очень, такъ и потерпите, пока будетъ очень... Нехорошо быть разборчивою невѣстой, но и выскакивать замужъ за перваго жениха, который навернулся навстрѣчу... знаете, — оно мескинно какъ-то... Можетъ быть, онъ и не судьба ваша, можетъ быть, Богъ вамъ еще лучшее счастье готовитъ... Les mariages se font aux cieux!.. Живите, Люлечка, веселитесь, пользуйтесь жизнью, пока вы такой рѣзвый, маленькій котенокъ. А онъ у васъ всегда останется въ запасѣ... Я ужъ вижу: у него это очень серьезно, онъ отъ васъ никогда не откажется...

— Ну, Полина Кондратьевна,—протестовала Адель,—философія ваша прекрасна, но воля ваша, если онъ думаетъ еще долго мямлить, я его возьму за ушенки, насильно приведу къ Люлюшѣ и на колѣнки поставлю!.. Мнѣ его влюбленные глаза опостылѣли... Милліонеръ, а тряпка какая!.. Это на нервы дѣйствуетъ...

— Ага, кажется, мы завидуемъ? — поддразнивала Рюлина.

— Еще бы, не завидовать: сорокъ тысячъ собакъ!.. И еще овчарокъ!.. Обожаю овчарокъ!.. Мохнатыя!..

Маша обѣщала:

— Я вамъ, Адель, половину подарю.

Подруги — Адель, Жозя, Маша, иногда Ольга — много выѣзжали вмѣстѣ по вечерамъ.

— Вы куда сегодня?—спроситъ Рюлина.

Адель чуть замѣтно подмигнетъ Машѣ и отвѣчаетъ спокойно:

— Въ консерваторію. «Демонъ» идетъ, съ Баттистини... Ремешко привезъ ложу.

— А,—одобряетъ старуха,—въ консерваторію—это

прекрасно. Туда совершенно прилично и однѣмъ... А то эти Акваріумы, Фарсы, Неметти... Фи!.. Не понимаю, какъ туда ѣздятъ порядочныя женщины?.. А Баттистини поетъ «Демона» очаровательно, я знаю, стоитъ послушать... Поѣзжайте, поѣзжайте, насладитесь... Только, ради Бога, мои дѣвочки, не волнуйте меня: послѣ спектакля прямо домой...

— Конечно, домой, Полина Кондратьевна. Куда же еще?

Рюлина лукаво щурилась, какъ старый котъ, и грозила пальцемъ:

— Знаю я васъ, плутовки, знаю! Вы думаете, что, если старуха въ постели съ одиннадцати часовъ, то ничего уже и не замѣчаетъ? Въ которомъ часу вернулись третьяго дня, негодныя? А? Свѣтало уже. Я слышала, знаю...

— Ну, Полина Кондратьевна,—шутливо извинялась Адель,—одинъ разъ не въ счетъ. Совсѣмъ исключительный случай. Если бы одинъ Ремешко звалъ, мы ни за что не поѣхали бы, а тутъ и Сморчевскій, и Фоббель, и инженеръ этотъ, поклонникъ Жози... неловко было отказать: всѣ просятъ, Сморчевскій на колѣни сталъ, всѣхъ надо обидѣть... Ну, нечего дѣлать, позволили себя уговорить, поѣхали на полчаса къ «Медвѣдю», да и—вотъ...

Она комически развела руками.

— Ужъ очень развеселились тамъ, у «Медвѣдя», не замѣтили, какъ пробѣжала ночь...

— Если со Сморчевскимъ и Фоббелемъ, это ничего,—примирялась старуха.—Они свои люди, почтенные. Сморчевскаго я съ дѣтства знаю...

Выбравшись изъ дома, подруги хохотали:

— Держи карманъ! Очень намъ нужны твоя консерваторія и Баттистини! Не слыхали скуки?

И ѣхали въ «Фарсъ». Тамъ ихъ окружало огромное знакомство: золотая молодежь и дѣйствительные статскіе папильоны, львы, онагры, мышиные жеребчики, бритые актеры, модные журналисты въ воротничкахъ á la Rostand

и блистательное офицерство. Ложа съ тремя-четырьмя красивыми головками привлекала всеобщее вниманіе.

— Кто такія?—услыхала однажды Маша вопросъ въ фойэ и отвѣтъ—какимъ-то, какъ показалось ей, и завистливымъ, и вмѣстѣ презрительнымъ тономъ:

— Рюлинскія...

— Ага!... Это извѣстная «генеральша»?

— Ну, да...

— Эффектныя штучки! Познакомиться бы?

— Ну, братъ, это—съ посконнымъ рыломъ въ калашный рядъ. Тутъ сотнями и тысячами пахнетъ...

Маша передала слышанный разговоръ Адели.

— Очень просто,—невозмутимо объяснила та,—эти господа принимаютъ насъ за кокотокъ... Очень лестно: доказываетъ, что мы хорошо одѣваемся... Вы говорите,—они сказали: «пахнетъ сотнями и тысячами»?.. Ну, вотъ, и поздравляю: теперь мы по крайней мѣрѣ знаемъ, сколько стоимъ, если намъ случится сдѣлаться кокотками...

Нѣкоторое недоумѣніе Маши: почему же эти господа приняли ее, Жозю и Адель за кокотокъ, разъ имъ извѣстно, что дамы—«рюлинскія»—, Адель умѣла ловко замять и заговорить такъ, что оно уже не всплывало на верхъ...

Почти послѣ каждаго спектакля знакомые увлекали подругъ ужинать къ Кюба или Медвѣдю, либо мчали ихъ на тройкахъ къ Эрнесту и Фелисьену.

— Чортъ знаетъ, что за жизнь мы ведемъ,—зѣвала на другой день часу во второмъ дня, въ постели, усталая Адель.—Право, даже ужъ и неестественно какъ-то стало—засыпать безъ шампанскаго и не слыхавъ румынскаго оркестра.

Первый ужинъ и тонъ, который господствовалъ за столомъ, очень смутилъ было Машу. Какъ ни «развила» ее Жозя, какъ ни испортили душу ея бездѣлье и пустословіе рюлинскаго дома, но, когда сальные намеки, распущенный флиртъ, грязные анекдоты, жесты, нелѣпѣй-

шія шансонетки, самый наглый канканъ—все, что до сихъ поръ говорилось и продѣлывалось наединѣ между подругами, интимно, запретной шалости ради,—когда все это пришлось увидать и услыхать, какъ нѣчто самое заурядное и общепринятое, въ кружкѣ смѣшанномъ, въ разговорѣ и обращеніи «порядочныхъ» мужчинъ съ молодыми дамами и барышнями,—тутъ Маша-Люлю растерялась и не сумѣла сразу попасть въ тонъ. И,—когда старый, наглый, гнусавый каботинъ Сморчевскій, другъ и покровитель невскихъ кокотокъ въ трехъ поколѣніяхъ, сообщилъ Лусьевой на argot парижскихъ бульваровъ каламбуръ, отъ котораго стошнило бы и сутенера,—Маша страшно оскорбилась, расплакалась и, оставивъ французскія тонкости, обругала нахала на простѣйшемъ и чистѣйшемъ русскомъ языкѣ «свиньею». На что забубенный старичина ни мало не обидѣлся, а, наоборотъ, пришелъ въ самый дикій и глупый восторгъ.

— Dame! Quelle verve! Hein?! Voila un tempérament!... А? И какимъ контральто!.. Какая сочность!.. «Свинья-а-а-а»... Avez vous entendu, messieurs: она тянетъ!... «Свинья-а-а!»... Поетъ... Une chanson de Wolga!.. Дичокъ... Черноземъ... «Свинья-а-а-а»... C'est pour la premiere fois que j'entends, чтобы ругались такъ красиво... Bast! En ce cas je me fais nationaliste! Ну, m'zelle Loulou. Ну, милая! Allons donc, ma chère! Allons donc! Encore un petit «свинья»! Je vous supplie... Я васъ умоляю, еще только одинъ разъ: свинья-а-а-а!

Всѣ смѣялись за столомъ, а Жозя, на которую сосѣдъ ея, бородатый и усатый, изъ опасной породы серьезныхъ и молчаливыхъ развратниковъ, шведъ Фоббель, надѣлъ рогатую тіару, свернутую изъ салфетки, кричала черезъ столъ:

— Не ругай его даромъ, Люлю! Если нравится, пусть за каждую «свинью» платитъ по большому золотому!

— Въ пользу моихъ бѣдныхъ!

И Адель, взявъ со стола тарелочку изъ-подъ фруктовъ, кокетливо протянула ее Сморчевскому.

— Ахъ, съ удовольствіемъ...—заторопился тотъ.— Когда я доволенъ, мнѣ не страшна никакая контрибуція... Сдѣлайте одолженіе, вотъ. . Eh bien: c'est payé. Allons donc, Loulou! J'attends mes dix beaux cochons de Wolga... Пожалуйте порцію «свиньи» на сто рублей!..

И онъ даже жмурился, предвкушая. Машѣ стало уже и смѣшно.

— А одиннадцатую и двѣнадцатую я вамъ, такъ и быть, говорю даромъ...—скокетничала она такъ ухарски, что Жозя зааплодировала съ своего конца стола.

Но на завтра и она, и Адель дружно напали на Машу за ея обидчивость.

— Стыдитесь, Люлю, милая. Нельзя, душечка, держать себя недотрогою. Вы ведете себя, comme une oie blanche. Времена, когда это нравилось мужчинамъ, прошли безвозвратно. C'est du moyen age. Нынѣшняя дѣвушка должна все понимать, ко всему быть готовою, на все умѣть отвѣтить... Въ модѣ демивьержки, а не Агнесы и бѣлыя гусыни...

— Но, право, стыдно, mesdames!.. Этотъ Сморчевскій такъ скверно вретъ, что я не могу, уши вянутъ...

— Да вамъ-то что? Вѣдь онъ вретъ, а не вы!.. Пусть вретъ. Развѣ вы слиняете отъ его словъ? Если бы онъ позволилъ себѣ по отношенію къ вамъ что-нибудь нехорошее,—ну, тогда еще я понимаю... Я сама терпѣть не могу, когда этакій мухоморъ вдругъ вздумаетъ давать волю рукамъ и лѣзетъ цѣловаться... Но—слова? что вамъ слова?

Адель съ недоумѣніемъ и даже какъ бы не безъ негодованія воздымала плечи къ ушамъ. Жозя скалила зубы:

— Оставьте старцу слова его... Въ возрастѣ Сморчевскаго,—знаете?—moralement on est physique, mais physiquement on est moral...

И завертѣлась мельница, пошла писать губернія, посыпались двусмысленности, дрянные анекдоты о разницѣ между словами и дѣломъ...

— Право же, онъ недурной человѣкъ, нашъ бѣдный

Сморчевскій,- —заступалась Адель.—Очень добрый, съ большимъ тактомъ. Хотя бы и вчера: вы наговорили ему дерзостей, а онъ премило обратилъ все въ шутку и еще пожертвовалъ для моихъ бѣдныхъ десять золотыхъ. C'est un vrai gentilhomme, это надо цѣнить. Нѣтъ, Люлю, вы его не обижайте: увидите, что когда-нибудь онъ очень и очень вамъ пригодится... Да и Полина Кондратьевна его уважаетъ и не будетъ довольна, что вы съ нимъ такъ рѣзко... Она ему тоже все позволяетъ... Это старый другъ дома, пріятель еще покойнаго генерала.

— Да мнѣ теперь ужъ и самой совѣстно, что не сдержалась, обидѣла его.

А Жозя хлопала Машу по спинѣ.

— Ничего! Это она у насъ по молодости и глупости! Утенокъ учится плавать. Дайте Люлюшечкѣ срокъ: стерпится-слюбится...

И, дѣйствительно, стерпѣлось и слюбилось. Ужина три оттерпѣвъ, Маша усвоила ихъ каботинный тонъ въ совершенствѣ. Пуститъ ей Сморчевскій грязную остроту, она, не сморгнувъ отвѣтитъ вдвое круче; либо, если, сконфузившись, не найдется, что отвѣтить, посмотритъ на стараго сатира мутнымъ, глупымъ, ничего не говорящимъ, но какъ будто веселымъ взглядомъ, которому выучилась у Жози.

— Oh-la-la!...

Или:

— Et patati, et patata!...

И захохочетъ. Безсмысленны восклицанія, безсмысленны глаза, безсмысленъ хохотъ, но—это методъ, политичный исходъ изъ щекотливаго положенія.

— Такъ, душечка, и кокотки,—поучала Жозя.—То ли имъ, бѣдняжкамъ, случается терпѣть отъ мужчинъ? А онѣ все смѣются. Надо трещать и смѣяться, смѣяться и трещать. А слушать и думать, какъ можно меньше, и все, что мужчины соврутъ ужъ очень подло, пропускать мимо ушей... И тогда всѣмъ очень пріятно и весело. По моему,

женщина, которая все замѣчаетъ и обижается словами, не имѣетъ такта, не умѣетъ себя вести. Она не на высотѣ своего положенія, душечка. Женщина для общества должна быть вся восторгъ. Надо, чтобы—розы и весело!.. смѣяться и трещать!...

На одномъ изъ ужиновъ появилась и Ольга Брусакова. Отъ присутствія Маши ей было сначала замѣтно не по себѣ: она хмурилась, смотрѣла на тарелку и едва отвѣчала Фоббелю, который за нею ухаживалъ. Но Адель вызвала ее на минутку въ уборную, и Ольга возвратилась преображенная: столь разбитная и веселая, столь «смѣясь и треща», что за нею померкла даже неунывающая Жозя.

— Наконецъ-то, я узнаю нашу милую Эвелину!..—гнусилъ Сморчевскій.—А что вы дѣлали тамъ въ уборной? Отчего такая перемѣна? Сафо объяснялась въ любви Фринѣ или получили подарокъ въ десять тысячъ?

Ольга думала:

— Перемѣнишься, когда Аделька грозитъ жаловаться старой стервѣ, чтобы та надавала мнѣ плюхъ...

— Но говорила, кривляясь:

— J'ai eu mal au ventre! C'est passé—etme voila! Connu? Oh-la-la! Va-t'en, gros pignouffe!

— Такъ вотъ ты какая!.. Не ожидала... Прелесть, лучше всѣхъ!..—съ веселымъ удивленіемъ говорила Ольгѣ Маша въ уборной же, собираясь уже къ отъѣзду съ пиршества.—Вотъ ты умѣешь быть какая!

Ольга красная, какъ кумачъ, съ мутными, безумными глазами, поправляла передъ зеркаломъ спутанную прическу, пошатывалась, присѣдала и хохотала:

— Да, я такая... А ты думала,—что? Ха-ха-ха!.. Есть о чемъ тужить!.. Дряни!.. Да!.. И Аделька дрянь, и всѣ!.. И я дрянь!..

— Тише ты! Какія слова? Развѣ можно?

— Не желаю тише. Имѣю право, чтобы громко. Кричи

во всю! Ругай! Бей! Ничего не будетъ! Это ничего... Сдѣлай твое одолженіе! Еще деньги заплатятъ.

— Ты ужъ очень много шампанскаго выпила.

— Еще бы съ поганцами трезвою сидѣть!.. А Аделькѣ я покажу, какъ меня въ морду...

— Оля!.. Богъ съ тобою!.. Что ты говоришь?

Ольга опомнилась, посмотрѣла на Машу пьяными, мрачными глазами, оправилась и спустила тонъ.

— И то... экъ, меня разобрало!..— съ усиліемъ засмѣялась она.—Невѣсть что плету... Фу-у-у!.. Налей мнѣ воды, пожалуйста.

— Надѣюсь, ты съ нами, къ Полинѣ Кондратьевнѣ?— спросила встревоженная Маша.

Ольга отрицательно замотала головою.

— Ой, Оля,—встрепенулась Маша,—ой, голубчикъ, поѣдемъ лучше съ нами! Ужъ мы тебя какъ-нибудь спрячемъ отъ крестной. А домой какъ ты покажешься такая? Всѣхъ перепугаешь... Не надо, Олечка!...

— Фю-ю-ю-ють!..— засвистала Ольга.— «Идѣ домувъ мой?»—слыхала, хоры поютъ? Когда еще я попаду домой-то?!.. меня Фоббель провѣтривать везетъ... За Лахту, въ охотничій домикъ... чай пить... у! Ненавижу! Кровь мою выпьетъ, шведъ проклятый!.. Ну, да ладно! погоди!..

И вдругъ насупилась.

— А Ольгою называть меня здѣсь не смѣй.. Я для кабака Эвелина, а не Ольга.. Ольга, Марья—это мы дома. А Эвелинка, Люлюшка—для кабака...

IV.

Какъ-то разъ Маша прихворнула на нѣсколько дней и, смертельно скучая, должна была отсидѣть ихъ въ полномъ одиночествѣ дома. Даже Ремешко не заѣзжалъ, потому что его не было въ Петербургѣ: онъ отправился по дѣламъ въ Москву. Прибывъ по выздоровленіи къ Полинѣ Кондратьевнѣ, Маша еще на подъѣздѣ, по перекошенному лицу красивой Люціи, которая вышла на ея звонокъ, замѣтила, что въ домѣ неладно.

— Не приним...—начала было Люція, но, узнавъ Машу, улыбнулась и махнула рукою.—Охъ, это вы, барышня! Вотъ до чего замоталась: своихъ не узнаю. Пожалуйте. Вамъ-то можно.—А то никого не принимаютъ—ни сама, ни Адель Григорьевна...

— Что случилось?—испугалась Маша.

— Сама больна... Третьи сутки... Сегодня съ утра пятую истерику закатываетъ. Швейцаръ за докторомъ Кранцемъ въ каретѣ усланъ... Такая тамаша идетъ третій день, что не дай Богъ лихому татарину...

И, наклонясь къ уху барышни, горничная прошептала:

— На биржѣ пробухалась. Сормовскія подкузьмили.

Адель, сидѣвшая въ своей комнатѣ за письменнымъ столомъ, мрачная, блѣдная, злая, обернулась на Машу тигрицею какою-то разъяренною, но, узнавъ ее, смягчила взглядъ.

— А, Люлю! Поправилась? Слава Богу, очень кстати. А то я одна просто съ ногъ сбилась. Слышали, старушка-то наша отличилась? Чтобъ ее чортъ побралъ, не говоря худого слова!.. На сорокъ одну тысячу! Можете себѣ вообразить?

Маша не могла вообразить. Про такія суммы она только въ романахъ читала.

— Главное, что досадно,—желчно продолжала Адель, роясь въ бумагахъ на столѣ,—что досадно... Если ты хочешь крупно играть, то умѣй владѣть собою. А то извольте радоваться: хлопнулась въ обморокъ въ банкирской конторѣ!.. ну, и скандалъ на весь Петербургъ! Сейчасъ же закричали: Рюлина разорилась, Рюлина банкротъ! А ничего подобнаго. Она не сорокъ одну тысячу, а четыреста десять тысячъ въ состояніи потерять, и все-таки у нея останутся прекрасныя средства на дожитіе... Да!.. Конечно, если не хлынутъ потопомъ вотъ этакія бумажки.

Адель бросила Машѣ голубой листокъ, въ которомъ m-me Iudith вѣжливо и сухо просила m-me Рюлину какъ можно скорѣе очистить счетъ по ея магазину.

— Понимаете? Мерзавка какая! Часа не прошло послѣ этого глупаго обморока, какъ мы уже получили эту прелесть... Я всегда говорила и говорю, что Петербургъ по сплетнямъ хуже всякаго захолустья... Часа не прошло, а

же слово даю вамъ, намъ не въ помощь!.. Сами посудите: у одной Judith вашъ долгъ на 1768 рублей...

— Что?.. Ахъ!..

Маша въ ужасѣ схватилась за голову. Адель сдѣлала гримасу: «а ты, молъ, легкомысленная дармоѣдка, какъ полагала?»—и продолжала:

— Да. Почти двѣ тысячи одной Judith. А Maurice? А Alexandre? А ювелиръ Карпушниковъ? Что же тутъ сто восемьдесятъ четыре рубля? По пятаку за рубль...

Маша рыдала.

— Вы убили меня, Адель! Я просто не знаю, какъ теперь глядѣть вамъ въ глаза... Я такъ несчастна, чувствую себя такою жалкою, неблагодарною... Но что же я могу еще сдѣлать? Ничего, ничего, ничего...

— Ну, это—положимъ.. —пробормотала Адель, устремляя на нее загадочный, предлагающій взглядъ.—Сдѣлать-то вы можете много, только захотите ли...

— Что? что? Скажите мнѣ,—обрадовалась Лусьева,—я все, что велите...

— Нѣтъ, уже велѣть я вамъ ничего не буду,—не то обидчиво, не то презрительно возразила Адель.—Я совсѣмъ не желаю предъявлять къ вамъ требованія, чтобы вы потомъ имѣли поводъ хоть въ чемъ-нибудь упрекать насъ съ Полиною Кондратьевною. Всякое требованіе съ моей стороны сейчасъ было бы нравственнымъ насиліемъ... Нѣтъ ужъ! Если хотите, ищите и догадывайтесь сами!.. Вонъ—Жозя догадалась... Она мнѣ три тысячи принесла...

— Три тысячи? Да кто же ей далъ?

— А ужъ это вы ее спросите, ея дѣло...

Маша бросилась къ Жозѣ, въ ея грязноватыя меблированныя комнаты, гдѣ она, какъ первая жилица, царила, окруженная чрезвычайнымъ уваженіемъ прислуги и обожаніемъ холостыхъ жильцовъ. Застала Жозю Лусьева за піанино, довольно сквернымъ и разбитымъ.

— Ахъ, душка?—воскликнула веселая особа, не отры-

*

ваясь отъ клавишей, выпѣвавшихъ фальшиво и не безъ запинокъ «Бурю на Волгѣ»: какъ всѣ женщины мажорнаго характера въ жизни, Жозя любила въ музыкѣ мрачный и сентиментальный миноръ,—ахъ, душка, нѣтъ ничего легче и проще!.. Я удивляюсь, почему Адель ломается, ничего вамъ не сказала... Вы не три, а пять, семь, десять, тысячъ можете достать... Пустяки!.. Вамъ стоитъ сказать одно слово...

Маша покраснѣла.

— Вы, можетъ быть, намекаете, Жозя, чтобы я попросила въ займы у Ремешко? но это такъ совѣстно, да его сейчасъ и нѣтъ въ городѣ.

Жозя перестала играть и круто повернулась къ Лусьевой на табуретѣ.

— Ремешко?..—воскликнула она, округляя голубые глаза.—Да что же это? Вы словно съ луны свалились, душечка!.. Развѣ Адель и про Ремешку вамъ ничего не сказала?

— Нѣтъ...

Жозя всплеснула руками.

— Ну, она чудачиха, совсѣмъ чудачиха!.. Ремешку, душечка, у Полины Кондратьевны не велѣно принимать.

— Почему?—блѣдная, едва выговорила Маша.

— Ахъ, душка!—затараторила, махая руками передъ своимъ лицомъ, проворная Жозя,— вы и вообразить себѣ не можете, какой онъ оказался ужасный мерзавецъ! Видите ли: все обнаружилось. И онъ, хотя Ремешко, совсѣмъ не Ремешко, то есть не Ремешко, у котораго собаки; а Ремешко, у котораго собаки, жаловался полиціи, что Ремешко называетъ себя Ремешко, а у Ремешки, душка, собакъ нѣтъ, и ничего нѣтъ, и онъ мѣщанинъ изъ Либавы, и кромѣ того арапъ.

— Жозя, Богъ съ вами!.. что вы?.. что вы?..

Но Жозя махала руками и мчалась впередъ, какъ Иматра.

— Арапъ, душка, арапъ!.. По всѣмъ клубамъ извѣстенъ!.. арапъ!

— Да онъ же бѣлый, Жозя!.. помилосердуйте!

Жозя только досадливо отряхнулась, точно собака, на которую брызнули водою.

— Ахъ, душка, я совсѣмъ не о томъ арапѣ, который черный! Онъ—въ высшемъ смыслѣ арапъ. Арапъ—это называется человѣкъ, который, когда въ клубахъ идетъ игра, примазывается къ крупнымъ игрокамъ. Увидитъ, кто ставитъ большіе куши и пристанетъ къ нему, будто бы въ долю. Если тотъ выигралъ, арапъ сейчасъ же тутъ какъ тутъ: позвольте, душечка, получить, я съ вами вмѣстѣ игралъ, душечка. Ну, а, когда тотъ, душка, проигрываетъ, арапъ прячется подъ столъ или въ какое-нибудь низкое мѣсто... пропадаетъ, душечка, какъ сатана или нечистая сила!.. И полицію, душечка, уже спрашивали, и полиція говоритъ, что Ремешко—арапъ, да и арапъ-то не простой, а самый, что ни есть, надъ арапами арапъ, и давно уже запримѣченъ, такъ что многіе на него жаловались, и хотѣли его даже просить выѣхать изъ Петербурга... Да, душка!.. И брильянтъ этотъ у него, который въ галстухѣ, тоже арапскій: у Alexandre за восемь съ полтиною купленъ. Вотъ онъ каковъ господинъ Ремешко. Да! А мы, дуры, ему вѣрили, васъ за него замужъ прочили!.. Это спасибо сказать Люціи, душка, она все открыла, потому что ея сестра служитъ въ судомойкахъ въ той самой гостинницѣ, гдѣ этотъ арапъ проживалъ. Да! За арапа васъ чуть-чуть не выдали, Люлечка бѣдная! И были бы вы теперь арапка... Да, что же вы блѣдная такая? Люлечка... Господи, да она падаетъ!.. Люлечка!.. Изъ-за арапа?! Стоитъ ли?.. Люлечка... Фу, глупая какая!..

Открытія о Ремешкѣ ввергнули Марью Ивановну въ обморокъ вовсе не по обманутымъ нѣжнымъ чувствамъ къ фальсифицированному магнату, но просто потому, что,

покуда Жозя изъясняла ей его продѣлки, Лусьевой съ необычайною рѣзкостью представлялась мысль, что, стало быть, весь ея долгъ, сдѣланный въ разсчетѣ на замужество за Ремешко, теперь ляжетъ на нее, какъ неотвратимая груда, быть можетъ, на много лѣтъ жизни... Когда она пришла въ себя, оттерпѣла хорошую истерику, выплакалась и успокоилась, Жозя заговорила о дѣлахъ. Достать денегъ, притомъ, въ количествѣ, какое угодно Машѣ, оказалось, дѣйствительно, очень легко: надо было только написать вексель на желаемую сумму, на имя Полины Кондратьевны Рюлиной, и подписать этотъ вексель именемъ Машина отца, Ивана Артемьевича Лусьева.

— По какому же праву я подпишу вексель именемъ отца?

— Ахъ, душка, кто же говоритъ, что по праву? Нѣтъ права... Но, видите ли, душка, это не вы виноваты, что такъ надо, а законъ такой глупый, потому что, душка, женскіе векселя, вообще, не охотно учитываютъ, а вы еще и вовсе не имѣете кредита и даже не можете выдавать векселей, потому что вы несовершеннолѣтняя...

— Я боюсь, Жозя... Я, конечно, ничего не понимаю въ дѣлахъ, но изъ этого, мнѣ кажется, легко можетъ выйти что-нибудь дурное...

— Ахъ, Люлечка, да что же можетъ выйти дурного изъ векселя, по которому никогда не придется платить? Вѣдь, Полина Кондратьевна его учтетъ, понимаете? — учтетъ...

— Нѣтъ, Жозя, не понимаю...

— Ахъ, душка, какъ же вы не понимаете, когда такъ просто, что я не знаю, какъ вамъ объяснить?! Это значитъ, душка, что она свезетъ вексель къ знакомому дисконтеру, въ банкирскую контору одну, и дисконтеръ ей дастъ денегъ, только вычтетъ тамъ сколько-то процентовъ, и потомъ вексель можетъ лежать у дисконтера, какъ вы хотите, много времени, душка, хоть тысячу лѣтъ, только его,

душка, надо часто переписывать и аккуратно платить проценты... Да! И, когда, душка, проценты дисконтеру платятся аккуратно, то ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ не можетъ знать, что есть такой, душка, вексель, и отецъ вашъ, душка, тоже никогда не узнаетъ. Никакъ, никакъ ему нельзя этого узнать, душка, потому что это коммерческая тайна, кто какіе пишетъ векселя, и если дисконтеръ кому-нибудь о васъ откроетъ, то его за это въ Сибирь!.. понимаете, душка?.. Нечего вамъ бояться, не знаю, чего вы боитесь. Я вотъ всегда такъ. Если Полина Кондратьевна велитъ, или самой нужны деньги, а у нея занять нѣту, я сейчасъ же беру за бока своего разведеннаго благовѣрнаго и катаю на него векселя,—я катаю, а Полина Кондратьевна учитываетъ!.. Тутъ нѣтъ ничего дурного, Люлечка. Что же особеннаго? И вы Лусьева, душка, и отецъ вашъ Лусьевъ, душка... Вы только именемъ пользуетесь... А что въ имени? Дисконтеру—что Лусьевъ, что Лусьева, все равно. Дисконтеръ, душка, даже не спроситъ, кто таковъ Лусьевъ, и есть ли онъ на свѣтѣ. Вѣдь, онъ не вамъ и не отцу вашему повѣритъ, а Полинѣ Кондратьевнѣ. Это ея кредитъ, и только такъ ужъ заведено, душечка, форма такая глупая, что кредитъ-то ея, а вексель нуженъ на ея имя отъ кого-нибудь другого, чтобы были двѣ подписи,—она поставитъ бланкъ и получитъ деньги... И всѣмъ очень пріятно, душка, и чрезвычайно просто!

Вдохновенное лганье Жози дурманило Машу. Перспектива достать кучу денегъ подъ залогъ клочка бумаги и нѣсколькихъ буквъ начала представляться ей заманчивою... Жозя говоритъ, что всѣ такъ дѣлаютъ. Если всѣ, то почему же и не попробовать?

— Только, все-таки, я не знаю, право... страшно какъ-то... сама не понимаю, чего, но чего-то боюсь...

— Ахъ, душка,—обидѣлась даже Жозя,—какъ будто я васъ уговариваю?!. Никто васъ не неволитъ, поступайте какъ знаете!.. Я только думала, что вы, какъ всѣ мы, хо-

тите помочь бѣдной Полинѣ Кондратьевнѣ, которая васъ такъ любитъ. Это у насъ, въ компаніи, самое обыкновенное: когда ей нужны деньги, мы всѣ пишемъ для нея векселя,— и я, и Адель, и Ольга...

— Какъ, и Ольга тоже?—живо переспросила Маша.

— Еще бы! И еще сколько! Спросите Адель: она вамъ покажетъ.

Лусьева вздохнула съ облегченіемъ.

— Ну, если ужъ Ольга,—хорошо, въ такомъ случаѣ я согласна...

— Ишь какая, нехорошая! — ревниво попрекнула Жозя.—Ольгѣ своей противной вѣритъ, а мнѣ нѣтъ!..

— Да не то, Жозенька,—какъ вы можете думать?.. Но она такая осторожная, благоразумная... Только ужъ вы, Жозя, научите меня, какъ что надо сдѣлать тамъ, съ векселемъ... Я вѣдь на этотъ счетъ круглая дура, ничего не знаю...

— Да вы обратитесь къ Адели!.. хотите, я сегодня же ей скажу, что вы желаете?.. Она вамъ все устроитъ...

Разумѣется, фантастическій шеститысячный вексель, выданный въ тотъ же самый день Марьею Ивановною Лусьевой, за подписью Ивана Артемьича Лусьева, очень изумилъ бы всякую банкирскую контору, въ которую былъ бы представленъ къ учету, но—онъ никогда ни въ какую банкирскую контору и не предназначался, а очень мирно и спокойно улегся въ несгораемомъ шкафу госпожи Рюлиной, въ плотный полотняный конвертъ большого формата, съ помѣткою лиловыми чернилами: «Люлю». Такихъ конвертовъ, плотно набитыхъ какими-то бумагами, покоилось довольно много въ шкафу. Были конверты Жози, Ольги, даже Люціи, — всѣхъ, кромѣ Адели. Хотя денегъ по векселю Рюлина, конечно, ни откуда не получала, тѣмъ не менѣе благодарность за то, что Маша «выручила», была разыграна очень трогательно, а счеты изъ магазиновъ, касавшіеся Машиныхъ заборовъ, были съ бла-

городствомъ изорваны на глазахъ дѣвушки. Надо ли говорить, что дѣйствительная сумма къ уплатѣ по счетамъ была впятеро меньше цифръ, проставленныхъ Аделью? Вмѣстѣ съ тѣмъ Машѣ дали понять что платить проценты по векселю—конечно, входитъ въ ея обязанности, и что процентовъ будетъ довольно много, а вексель придется переписывать часто, такъ какъ кредитъ-де—самый трудный и краткосрочный.

V.

рошло три мѣсяца, сильно двинувшихъ Марью Ивановну впередъ по пути «просвѣщенія». Каждый мѣсяцъ вексель ея переписывался, и каждый разъ надо было доставать денегъ для процентовъ—дѣйствительно, огромныхъ, звѣрскихъ процентовъ: сперва Адель потребовала двѣсти рублей, во второй разъ уже триста, а на третій мѣсяцъ пришлось найти и всѣ пятьсотъ. Минули тѣ времена, когда у Маши Лусьевой дрожала испугомъ душа при одномъ звукѣ такихъ цифръ. Теперь она знала, что рубли въ сотняхъ—очень небольшія деньги, для хорошенькой барышни, «которая не дура», и доставала ихъ очень легко.

— Стоитъ только поплакать, да надуться на цѣлый вечеръ,—Сморчевскій заплатитъ. А не Сморчевскій, такъ Фоббель. А не Фоббель, такъ Бажоевъ...

Измѣнился и тонъ, которымъ Адель спрашивала проценты. Въ первыхъ двухстахъ рубляхъ она извинялась, умоляла занять ихъ, сконфуженная, увѣряла, что охотно внесла бы свои, если бы стояли лучшія времена, а то все еще никакъ не соберется съ деньгами и не оправится отъ недавняго разгрома. На второй мѣсяцъ извиненія были уже гораздо слабѣе.

— Прямо несчастіе мнѣ съ вами, Люлю, по этому векселю: какъ ему срокъ, такъ у меня касса пуста!.. фатумъ какой-то!.. Ужъ нечего дѣлать, попросите опять у Сморчевскаго... старикъ выручитъ: онъ васъ любитъ!..

А въ третій платежъ она просто увѣдомила — почти что приказала:

— Люлю, черезъ четыре дня вамъ платить пятьсотъ... Старайтесь, дѣточка Люлюшечка, добывайте!..

И «дѣточка Люлюшечка» добывала: хныкала, капризничала, жаловалась на судьбу, на злыхъ людей, плакала, увѣряла, что «лучше отравиться», и «дѣточку Люлюшечку» спѣшили развеселить и утѣшить. А затѣмъ:

— Кажется, я заслужилъ поцѣлуй?

— Сморченька, миленькій! Да хоть двадцать!

— А Люлюша споетъ намъ «Connaissez vous l'histoire d'un vieux curé de pays»?

— Фи, Бажоевъ, вамъ бы только гадости слушать!.. Ну, да ужъ хорошо, спою, спою!.. для васъ!.. противный!..

Раздобывала Маша такими способами деньги для «процентовъ» Адели, раздобывала и для себя. При всемъ томъ, —хочется человѣку всегда хорошо о себѣ думать!— она и не воображала, что она продается, и очень бы удивилась и обидѣлась, если бы ее укорили въ томъ. Продаются кокотки, камеліи, проститутки. Продаваться — это значитъ принадлежать мужчинѣ тѣломъ за деньги, а два, три пьяныхъ поцѣлуя, даже объятія, скабрезная пѣсенка, фривольный жестъ... какая же тутъ самопродажа? Помилуйте! Что за невидаль при добрыхъ дружескихъ отношеніяхъ? И,

наконецъ это добрая воля Сморчевскаго — дать или не дать денегъ. Чѣмъ Маша виновата, если онъ такой нервный и щедрый человѣкъ, что согласенъ лучше заплатить за хорошенькую женщину всѣ маленькіе долги ея, чѣмъ видѣть ее въ слезахъ? А, когда выпадаетъ такое счастье, глупо имъ не пользоваться. Маша не милліонерка, Сморчевскій и прочіе доброхотные датели отъ того не обнищаютъ, а бѣдной дѣвушкѣ будетъ на что поправить свои обстоятельства и выполнить обязанности къ своимъ друзьямъ.

Впивая эту мораль, Маша, тѣмъ не менѣе, иногда смущалась втайнѣ своимъ поведеніемъ и испытывала угрызенія совѣсти. Стали появляться у нея и кое-какія подозрѣнія, что среда, гдѣ она увязла, не только веселящаяся, но и жуликоватая, и развратная. Рюлина и ея приспѣшницы еще скрывали отъ Маши кое что, и даже очень многое, и даже самое главное, но уже часто проговаривались словами и попадались на фактахъ, совсѣмъ несогласныхъ съ первоначальнымъ высокимъ тономъ, который Лусьева встрѣтила въ домѣ. Такъ, напримѣръ, узнала Маша, что, столь часто помянаемый всуе, покойный «генералъ» Полины Кондратьевны, якобы повинный въ безобразныхъ картинахъ ея спальни и во многихъ другихъ неприличіяхъ, никогда ни генераломъ, ни даже военнымъ не былъ, и по паспорту госпожа Рюлина писалась вдовою губернскаго секретаря. А, кромѣ того, никто и никогда этого таинственнаго губернскаго секретаря Рюлина при великолѣпной супругѣ его не видывалъ, и прозябалъ онъ, и умеръ невѣдомою смертью гдѣ-то за тридевять земель въ тридесятомъ царствѣ, не то въ Асхабадѣ, не то въ Благовѣщенскѣ. Полина же Кондратьевна смолоду существовала на иждивеніе того самаго графа Ирпнскаго, который и посейчасъ не оставляетъ ее, хотя уже старуху, своими милостями. Вся великолѣпная обстановка рюлинскихъ аппартаментовъ, до скверныхъ картинъ включительно,—отъ

графа и его друзей. Графъ этотъ — страшный потайной развратникъ, но онъ остороженъ и не довѣряетъ страстей своихъ никому, кромѣ Полины Кондратьевны; она, когда-то его любовница, теперь осталась его альковною поставщицею и вознаграждается за то огромными суммами. На таинственныхъ рюлинскихъ «вечеркахъ» графская компанія чувствуетъ себя гораздо болѣе дома, чѣмъ сама хозяйка, и безобразничаетъ такъ, что плюнуть хочется, — потому-то Полина Кондратьевна и выживаетъ изъ дома на это время лишніе глаза и уши... Объ Адели Жозя насплетничала Машѣ на ушко, что у той есть старикъ, къ которому она ѣздитъ въ Царское Село каждые вторникъ и субботу. Адель же, даже не на ушко, сообщила про Жозю, что у нея старики имѣются чуть ли не на всѣ дни недѣли, кромѣ воскресенья, оставленнаго для молодыхъ. Люція то и дѣло выходила изъ роли горничной, обмолвливалась на «ты» съ Жозею, съ Ольгою, даже съ Аделью... Однажды, когда Маша ночевала у Адели, Люція возвратилась откуда-то на разсвѣтѣ, вмѣстѣ съ Жозею и еще съ какою-то незнакомою Машѣ, но весьма фамильярною ко всѣмъ, дѣвицею. Всѣ три были мертво пьяны, а Люція даже до безпамятства. Жозю и фамильярную дѣвицу Адель быстро спрятала куда-то, но Люція бродила по всей квартирѣ, ругаясь площадными словами, усѣлась къ роялю и добрые полчаса колотила по клавіатурѣ кулаками, визжа фабричныя пѣсни. Никто — ни Адель, ни Полина Кондратьевна — не посмѣлъ къ ней подступиться, покуда ее самое не сморило сномъ. Тогда она безъ церемоніи повалилась на кровать Адели и захрапѣла. Маша была увѣрена, что негодяйку немедленно разсчитаютъ, но, день спустя, Люція, какъ ни въ чемъ не бывало, снова служила въ домѣ, и только щеки у нея какъ будто немножко поприпухли, да глаза покраснѣли, заплаканные... Вообще, правда дома начала сквозить изъ-за временныхъ декорацій его очень ярко: Лусьеву считали благопріобрѣтенною уже

настолько крѣпко, что очень-то далеко прятать карты отъ нея, молъ, и не стоитъ...

Въ одинъ роковой день, тоже послѣ ночевки въ домѣ Рюлиной, Маша, ненарокомъ, изъ сосѣдней комнаты, подслушала странный дѣловой разговоръ между Аделью и утреннимъ визитеромъ, нѣкіимъ господиномъ Криккелемъ,—пшютомъ и дѣльцомъ, всему Петербургу извѣстнымъ, необходимымъ въ каждомъ шикарномъ кружкѣ и клубѣ, въ каждомъ громкомъ предпріятіи, въ каждой модной забавѣ. Столица еще не успѣла разобрать, кто онъ—капиталистъ или мошенникъ. Въ газетахъ его величали «финансистомъ», а люди опытные усматривали въ немъ вызрѣвающій «прокурорскій фруктъ». Но онъ шелъ въ гору, и настоящіе финансовые тузы-дѣльцы смотрѣли на него, туза-аплике, уже довольно благосклонно. Ему очень хотѣлось проникнуть интимно въ тѣсный кружокъ Сморчевскаго и Фоббеля, и онъ дѣлалъ для того множество шаговъ, заигрываній, усилій.

— Не могу, Оттонъ Эдуардовичъ,—говорила Адель.— Честное слово, не могу. Вы знаете: я для васъ, по старой дружбѣ, готова на все, что угодно. Но вѣдь я не хозяйка. А Полина Кондратьевна — кремень: знаетъ только свой prix fixe. По полтораста на рыло, за Люлюшку три «сотерна». Entweder—oder. Если я сдѣлаю вамъ уступку, мнѣ придется доложить изъ своихъ: «генеральша» у насъ строгая...

— Дьявольски дорого, Адель.

— Что же дѣлать? На то мы рюлинскія. Буластиха или Перхунова устроятъ дешевле. Подите къ нимъ. А то Юдиѳь...

— Все это, Адель, я знаю, да — что пустяки болтать? Не тотъ шикъ...

— А, если шикъ нуженъ, не скупитесь.

— Да! не скупитесь! У меня милліоновъ нѣтъ.

— Будутъ.

что такъ вышло, наконецъ... Мнѣ смертельно надоѣло ломать передъ тобою комедіи... Это старуха велитъ кривляться, а по моему, давно пора съ тобою—карты на столъ и въ открытую.

— За что ты требовала съ Криккеля тысячу рублей?

— За то, что мы—ты, я, Жозя, Ольга, Люція,—сдѣлаемъ ему честь, поужинаемъ съ нимъ и съ его пріятелями.

— А больше... ничего?

Адель сухо улыбнулась.

— Vous avez un ésprit mal tourné. Больше, покуда, ничего.

Она ударила Машу по плечу.

— За больше, Люлюшенька, и сдеремъ больше.

Но Маша серьезно смотрѣла ей въ глаза.

— Потомъ—какъ же это? Насъ ужинать зовутъ—и Люцію съ нами? Горничную? Стало быть, мы на одной съ ней доскѣ?

Адель съ досадою тряхнула головою.

— Ахъ, какой аристократизмъ напалъ внезапный!.. Да тебѣ-то что? Если это *ихъ* капризъ? Вѣдь ты слышала какія деньги платятъ... И притомъ можешь успокоиться, Люцію зовутъ совсѣмъ не ужинать, а послѣ ужина—проплясать русскую и спѣть нѣсколько ея глупыхъ пѣсенъ...

— Но она не умѣетъ пѣть. У нея и голоса-то нѣтъ, визгъ какой-то...

Адель согласилась:

— Совершенно вѣрно, что не умѣетъ и визгъ... Но вотъ, поди же: находятся дураки, которымъ это нравится, и Люська сейчасъ положительно въ модѣ.

И прибавила нравоучительно:

— Мужчины вѣдь удивительно глупый народъ. Чортъ знаетъ, что иной разъ ихъ прельщаетъ. Ну, Люська хоть красивая,—и лицомъ, и фигурою вышла... А то жила тутъ у насъ, у Полины Кондратьевны гостила, одна киргизская

или бурятская, что ли, княжна... Да, врала, небось, что княжна, — такъ азіатка изъ опойковыхъ. Ростомъ—вершокъ, дура-дурой, по-русски едва бормочетъ, лицо желтое, какъ пупавка, глаза враскось... И что же ты думаешь? Отъ поклонниковъ отбоя не было. Первый же твой Сморчевскій съ ума сходилъ... «Ахъ,—кричитъ,—это изъ Пьера Лоти!.. «Дайте мнѣ женщину, женщину дикую»... Кризантэмъ!.. Раррагю!»... Много онъ тогда на нее денегъ ухлопалъ...

Маша, не слушая, рѣзко прервала:

— Ты и съ Сморчевскаго такъ берешь? И съ Фоббеля? И съ Бажоева?

— Конечно. Чѣмъ они святѣе другихъ? Со всѣхъ.

Маша подумала и всплеснула руками.

— Но, Адель! Мы бываемъ въ разныхъ компаніяхъ такъ часто... Если ты берешь за это деньги, значитъ, ты ужасъ сколько получаешь. .

— То есть, не я,—поправила Адель.—Я тутъ рѣшительно не причемъ... Получаетъ Полина Кондратьевна, а я только ея довѣренное лицо. Да, старуха зарабатываетъ очень хорошо.

— А мы?

— Что «мы»?

— Мы ничего не получаемъ?

— Какъ ничего?—засмѣялась Адель.—А это что?

Она дернула за рукавъ Машина платья, коснулась браслета на рукѣ, ткнула указательнымъ пальцемъ въ брошь.

— А это?.. это?.. это?.. А шесть тысячъ подъ вексель?.. Развѣ мало затратъ?.. Вотъ она ихъ и возвращаетъ,—и согласись, что очень деликатно: ты вотъ и сама не знала, какъ ей отрабатывала...

— Адель, ты поражаешь меня!.. я совсѣмъ растерялась въ мысляхъ... Я думала, что Полина Кондратьевна..

— Даромъ броситъ на тебя деньги? захохотала Адель.

За что же это? Гдѣ ты видывала такихъ благодѣтельницъ рода человѣческаго?

— Я думала, что она просто—потому, что мнѣ симпатизируетъ... А тутъ выходитъ какой-то промыселъ...

— Да, что ты—малолѣтняя что ли? Гдѣ и когда бывало, чтобы за симпатію давали тысячные кредиты? Если Полина Кондратьевна рискуетъ на тебя рублями, то, конечно, имѣетъ свой расчетъ, ищетъ получить съ тебя прибыль...

— Ужасно, ужасно, что ты говоришь, Адель!.. Это—какъ во снѣ!.. Тебя ли я слышу?.. Ты прежде мнѣ говорила не то, совсѣмъ не то...

— Мало ли что было прежде?—огрызнулась Адель. То—прежде, а то—теперь. Да и что тутъ—во всемъ, что ты слышала, удивительнаго? И изъ-за чего ты такъ кипятишься? Кабы мы заставляли тебя дѣлать что-либо постыдное... А то вѣдь, сознайся, ни къ чему такому мы тебя не приглашали и не принуждали... И не намѣрены...

— Извини меня, Адель, но, все-таки, наши ужины, разъ они за деньги, это—что-то очень нехорошее... Если бы я знала, что всѣ эти камни и платья пріобрѣтаются такою цѣною, то лучше бы ихъ не было...

— Ну, милая,—холодно возразила Адель,—объ этотъ было нужно раньше думать и спрашивать, а теперь вонъ сколько на тебѣ понавѣшано... Да, и что ты въ самомъ дѣлѣ—все на меня, да на Полину Кондратьевну? А сама ты? Развѣ не брала денегъ у Сморчевскаго съ Бажоевымъ? Вѣдь знаю я...

Маша бормотала, разводя руками:

— Я просто не знаю... Что же это? Я теперь буду стыдиться въ глаза смотрѣть Сморчевскому... и тѣмъ другимъ... Если наше общество можно покупать за деньги, кто же мы для нихъ оказываемся? Что они о насъ думаютъ? Какая же разница между нами и кокотками?

Адель зло закусила губу.

*

— Та разница,—язвительно сказала она,—что, если бы ты была кокотка, тебѣ не платили бы триста рублей только за то, чтобы ты сидѣла за ужиномъ въ cabinet particulier и плела пьянымъ дуракамъ демивьержные разговоры. Ты, покуда, порядочная барышня изъ общества, за это ты и въ цѣнѣ.

— А почему же для себя, для Ольги, для Жози ты выговариваешь только половину.

Лицо Адели исказилось невеселою усмѣшкою.

— Вѣроятно, потому, что мы не имѣли счастія такъ хорошо сохраниться, какъ ты.

— Адель!

— «Будто мы кокотки»,—передразнила Адель.—Ну, и, конечно, кокотки!.. А кто же еще? Это я не знаю, какою дурою надо быть, чтобы не разобрать, что мы кокотки!..

— Ты просто съ ума сошла и не знаешь, что говоришь.

— Нѣтъ, я-то въ своемъ умѣ, а вотъ ты — удивительно наивная... особа.

— Можешь врать, что угодно. Я дѣвушка. Я знаю, что я не кокотка.

Адель насмѣшливо присѣла.

— Съ чѣмъ и поздравляю. Честь вамъ и мѣсто.

— Да и на себя, и на нихъ, на Жозю и Ольгу,—я ума не приложу,—зачѣмъ ты взводишь такое страшное? Вѣдь клевещешь!..

— Кой чортъ, я клевещу? — и озлилась, и захохотала Адель.—Нѣтъ, Люлюшка!—Думала я, что ты глупа, но все же не до такой степени.

И быстрымъ, рѣзкимъ, циническимъ языкомъ своимъ она пустилась разоблачать передъ Машею до конца всю подноготную страшнаго дома...

VI.

Бросилась Маша къ Ольгѣ Брусаковой и, къ счастью, застала ее дома и одну. Та, съ первыхъ же словъ, даже съ удовольствіемъ и облегченно какъ-то, подтвердила ей всѣ разсказы и признанія Адели.

— Ничего, Машенька, не подѣлаешь,—говорила она, лежа на кушеткѣ въ полутемной своей комнаткѣ и попыхивая папироскою.—Это петля. Тебя такъ захлестнули, что не вырваться. Ты у нихъ вся въ рукахъ: что хотятъ, то съ тобою и сотворятъ. Вотъ—попробуй, откажись ѣхать на ужинъ къ Криккелю...

— Да, и не поѣду! Неужели ты можешь думать, что поѣду... послѣ всего, что теперь знаю?—стиснувъ зубы, мотая головою, твердила Маша...

Ольга уныло возразила:

— Ну, и скрутятъ тебя въ бараній рогъ.

— Да чѣмъ же, наконецъ? Что онѣ могутъ мнѣ сдѣлать?

Ольга только рукою махнула.

— Все. Говорю тебѣ: все. Вексель твой, ты сказывала, у Полины лежитъ?

— Я не знаю... У нея, или въ банкѣ, что ли, какомъ-то...

— Вретъ: у нея. Ну, вотъ тебѣ и—чѣмъ.

— Я несовершеннолѣтняя, съ меня искать нельзя. Я Сморчевскаго—такъ, обиняками—выпытывала, а онъ, сама знаешь, какой знаменитый юристъ... Онъ говоритъ, что не только векселя несовершеннолѣтнихъ недѣйствительны, но еще, если ты берешь вексель съ завѣдомо несовершеннолѣтней, то тебя можно судить. Стало быть, по векселю имъ съ меня ничего взять нельзя.

— Да, деньгами нельзя... Но вѣдь ты забыла: вексельто твой—не твой, а отцовскій.

— Ну?

— Значитъ, онъ фальшивый.

— Какъ ты странно выражаешься... Развѣ я стала бы писать фальшивые векселя? Неужели я способна? Адель и Жозя увѣряли меня, что вексель никогда не будетъ представленъ ко взысканію. Такъ что—отецъ ли подписалъ, я ли,—это все равно... только форма...

— Очень вѣрю, что никогда не будетъ представленъ ко взысканію, но лишь въ томъ случаѣ, если ты будешь слушаться Полину и Адель во всемъ, что онѣ тебѣ прикажутъ. А если ты вздумаешь сопротивляться, вексель увидитъ свѣтъ. И тогда судъ не станетъ разбирать, почему онъ фальшивый, довольно и того, что фальшивый. А это уголовщина, за это въ Сибирь. Ну, засудить-то тебя, по молодости и глупости твоей, пожалуй, не засудятъ,—но все равно: куда ты послѣ такого дѣла годишься? Скандалъ, срамъ, газеты разславятъ... Одно средство: можетъ быть, отцу признаешься? Можетъ быть, онъ заплатитъ, не доводя дѣла до огласки?

Маша съ ужасомъ покачала головою:

— Откуда ему взять такія деньги? Да, никогда и не признаюсь я ему... что ты!.. Онъ меня убьетъ!.. Какъ я смѣю? Не одна я у него: два брата... Заплатить—значитъ нищими стать, въ конецъ, до послѣдней нитки разориться.

Ольга согласно кивала въ тактъ ея словамъ.

— Я такъ и понимала. Конечно, разореніе и скандалъ. Изсрамятъ тебя, а срамъ на семью падетъ. Пожалуй, отцу и должности пришлось бы лишиться... А ужъ о тебѣ самой,—повторяю тебѣ,—нечего и говорить: если и оправданная выйдешь изъ суда, дорогъ тебѣ, «подсудимой», дальше нѣтъ,—ни службы, ни занятій, ни замужества порядочнаго... Слѣдовательно, одинъ выборъ: въ кокотки же,—больше некуда!.. Ну, и, стало быть, какъ ты тогда не вертись, а опять къ нимъ же придешь,—къ Полинѣ Кондратьевнѣ съ Аделью, либо того хуже—къ Буластихѣ какой-нибудь или Перхунихѣ... либо запутаетъ тебя, одинокую и безъ грошика, какая-нибудь простая факторша, отъ нихъ же ходебщица... Я, Машенька, знаю: у меня самой съ Полиною другіе счеты, моя кабала по иному строена, а видать, какъ онѣ съ другими такое мастерили, видала не разъ... Комаръ носа не подточитъ,—вотъ какъ! Да! Связана ты, голубчикъ, этимъ векселемъ проклятымъ по рукамъ и ногамъ!.. Да, и однимъ ли векселемъ? Видѣла я: хвасталась мнѣ Аделька, въ какихъ позахъ она тебя наснимала!.. Хороша и ты тоже, Марья,—нечего сказать, есть за что тебя хвалить: такую мерзость надъ собою допустила!..

— Да, что же я могла? И какъ было мнѣ ожидать?

— Ну, милая,—строго возразила Ольга,—какая ни будь ты наивность, а есть же у женщины и природный стыдъ. Настолько-то соображенія должна имѣть дѣвушка и сама, безъ чужой указки, чтобы понимать, что, если ее фотографируютъ, чортъ знаетъ какъ, съ мужчиною, то добра изъ этого не выйдетъ...

Маша широко раскрыла глаза.

— Съ мужчиною? Я фотографировалась съ мужчиною?

— Съ Мутовкинымъ. Видѣла снимки своими глазами.

— Съ Мутовкинымъ? Ольга, ты бредишь! Я никогда никакого Мутовкина не знала.

— Ну, какъ не знала? Даже замужъ за него собиралась...

— Ремешко?

— Ну, да, по паспорту, Ремешко. А по нашему, по рюлинскому, по буластовскому и такъ далѣе, Мутовкинъ... Кличка его такая въ этомъ міркѣ...

— И ты видѣла мой портретъ съ нимъ вмѣстѣ?

— Да еще какой,—смотрѣть стыдно!..

— Ольга, я клянусь тебѣ всѣмъ, что свято: я никогда не снималась вмѣстѣ съ Ремешко. Даже и въ мысляхъ не имѣла подобнаго!.. Даже и разговора о томъ между нами не было!..

Ольга воззрилась на подругу съ любопытствомъ.

— Тѣмъ хуже,—протяжно сказала она.—Значитъ, васъ, голубчиковъ, Аделька фотографировала,—конечно, по уговору съ тѣмъ мерзавцемъ,—когда ты не подозрѣвала... Тѣмъ опаснѣе... Эхъ, Маша, Маша!.. Не ждала я отъ тебя, что ты такъ легко скрутишься!.. И какъ только угораздило тебя унизиться? Вѣдь прохвостъ же онъ, на рожѣ у него написано, что прохвостъ!..

— Ольга,—кричала Маша, хватаясь за виски,—что ты говоришь? Объяснись! Какъ унизиться? Что тамъ у нихъ на карточкѣ? Я ничего,—ну, слышишь ли ты: ровно ничего изъ всѣхъ твоихъ словъ не понимаю!.. Никогда,—вѣришь?!—никогда между мною и Ремешко не было ничего стыднаго и неприличнаго!

— Ты не врешь?

Глаза Ольги загорѣлись тревожнымъ любопытствомъ.

— Никогда!.. Никакой близости, интимности!.. Нельзя было, нечего было фотографировать съ насъ компрометтантнаго!

— Откуда же взялась фотографія?

— Я не знаю, но—чѣмъ хочешь буду божиться!.. Да, и зачѣмъ мнѣ теперь врать?.. И, наконецъ, самъ онъ, Ремешко, хотя оказался потомъ дурнымъ чѣловѣкомъ, но я рѣшительно не могу на него жаловаться: онъ велъ себя совсѣмъ не такимъ,—былъ всегда очень приличный, скромный, почтительный...

Ольга нахмурилась.

— Ну, а на портретѣ вашемъ этотъ скромный и почтительный сидитъ на кровати, безъ сюртука, въ разстегнутомъ жилетѣ, а ты—лежишь у него на колѣняхъ, въ костюмѣ праматери Евы...

Маша остолбенѣла.

— Это безуміе какое-то!..—сказала она такъ искренно, что Ольга сразу увѣрилась въ ея правдивости.—Я? я? Ты увѣрена, что я?

— Какъ въ томъ, что сейчасъ тебя вижу.

— Можетъ быть, похожая на меня какая-нибудь?

— Ну, вотъ! Не знаю я тебя? Ты, Маша! Даже родимыя пятнышки твои всѣ обозначены, чтобы и сомнѣнія не оставалось.

Маша, усталая отъ волненія, присѣла у ногъ Ольги, почти въ суевѣрномъ трепетѣ какомъ-то.

— Я не знаю, что... Это колдовство!—воплемъ вырвалось у нея.—Онѣ волшебницы!.. такъ просто, человѣческими средствами, нельзя этого сдѣлать...

— Поддѣлать-то, положимъ, можно,—возразила Ольга.—Даже очень легко. Обыкновенное средство, которымъ разные негодяи-лоботрясы дурачатъ ревнивыхъ мужей: берутъ неприличную карточку подходящаго размѣра, приклеиваютъ женской фигурѣ голову съ портрета дамы, которую хотятъ компрометировать, переснимаютъ на новую пластинку, ретушируютъ,—и готово... Но это уже старая штука, на это, кромѣ сумасшедшихъ отъ ревности, теперь никого не поймаешь. И экспертизы не надо, чтобы разо-

брать, что фотографировано съ натуры, что переснято съ рисунка или фотографіи... Я бы сразу отличила. И вотъ то и ужасно, и удивительно выходитъ, что, какъ ты ни спорь, а фотографіи дѣланы съ тебя, съ живой тебя...

— Волшебницы! Волшебницы!—шептала Маша.

Ольга что-то соображала.

— Нѣтъ, не волшебницы,—медленно сказала она, наконецъ,—а это—твой обморокъ, вотъ что. Помнишь?

— Да, да...—пролепетала Маша. Мысли ея прояснились. Она вспомнила и свое долгое безпамятство, и странное общее смущеніе, когда она очнулась.

— Несомнѣнно! Въ обморокѣ сняли. То-то у тебя тамъ глаза полузакрыты!.. Да! Въ обморокѣ! Ловки, нечего сказать!

Ольга въ волненіи вскочила съ кушетки.

— Я думала тогда, что тебя опоили для еще худшаго. Оказалось, нѣтъ. Онѣ тебя для кого-то берегли и берегутъ. Потому такъ долго и комедіи съ тобою тянули. А безпамятство твое понадобилось именно для того, чтобы нахлопать съ тебя компрометтантныхъ снимковъ...

— Но, значитъ, этотъ Ремешко... или — какъ ты его?—Мутовкинъ... тоже изъ ихъ компаніи и заодно съ ними?

— Еще бы! А ты какъ думала? Давній прихвостень. На жалованьи и сдѣльную плату получаетъ. Извѣстный «пробочникъ».

— Какъ?

— «Пробочникъ». Такъ эти господа у госпожъ Рюлиныхъ называются. Онъ-де пробку изъ бутылки вытягиваетъ, а мы вино выпьемъ... Его обязанность—заманить въ долгъ или опозорить дѣвушку такъ, чтобы ей потомъ выхода не осталось, чтобы она вся очутилась въ лапахъ у Полины Кондратьевны. Ты думаешь, я умнѣе тебя? не считалась когда-то въ его невѣстахъ? Было, другъ?.. Тебя вотъ ругаю, а сама во дни оны въ такую лужу, по его

милости, сѣла, что страшно вспомнить!.. куда хуже твоего! Было, всего было... Это его должность, Мутовкина, по генеральшиной методѣ, разыгрывать богатаго влюбленнаго, чтобы мы, дуры, не боялись ей должать... Ну, что же? Мастеръ! Разыгрываетъ джентльмэна и креза,—лучше невозможно, надо къ чести приписать!.. Но, какъ только заберется наша сестра у Полины выше ушей своихъ, да выдастъ какой-нибудь красивый документикъ, вродѣ твоего, тутъ и конецъ его роли: онъ исчезаетъ, яко воскъ отъ лица огня... Онъ нуженъ, чтобы петлю надѣть, а затягиваютъ уже безъ него. Ему даютъ сотню, двѣ, три—и отправляютъ изъ дома, подальше отъ скандала... Ты не безпокойся: еще насладишься обществомъ этого душеньки!.. Не тебя первую, не тебя послѣднюю «генеральша» ловитъ... увидитесь!..

— Я плюну ему въ глаза,—сказала Маша.

Ольга горько засмѣялась.

— А онъ скажетъ: Божья роса. Удивишь его!.. Самый подлый звѣрь.

Маша рыдала.

— Оля, Оля!.. Какъ же тебѣ-то не грѣхъ и не совѣстно? Какъ же ты-то—все знала о нихъ и меня не остерегла?

— Я ли тебя не предупреждала?—грустно отозвалась Брусакова.—Что ты говоришь? Я вся извертѣлась передъ тобою въ намекахъ, а ты,—нѣтъ, все не хочешь понимать, всѣмъ вѣришь больше, чѣмъ мнѣ. Въ старуху влюбилась, въ Адель влюбилась, въ Жозьку-поганку... На меня же за нихъ кошкою фыркала! Развѣ я виновата, что тебя Богъ догадливостью обидѣлъ, а чортъ тебѣ глаза слѣпотою застлалъ?

— Но зачѣмъ же было намеками и обиняками? Ты бы прямо, на чистоту...

— То есть, такъ-таки вотъ сразу и признаться тебѣ: бѣги, Машенька, отъ насъ, куда глаза глядятъ, мы всѣ

здѣсь распутныя и тебя ловимъ, чтобы сдѣлать такою же, какъ мы?.. Ну, голубчикъ, духа не хватило!.. Я тебя очень люблю, но пожертвовать собою, чтобы ты такъ ужъ все знала про меня... нѣтъ, этого я не могу!.. стыдно очень, себя жаль!..

— Да, вѣдь, Оля,—теперь же вотъ, все равно, открылись всѣ ужасы эти...

— Э, теперь!—страдальчески морща лобъ, отозвалась Ольга.—Теперь мнѣ все равно!.. Обѣ въ одной ловушкѣ сидимъ... теперь мнѣ тебя не стыдно... Примѣряй по себѣ: въ состояніи бы ты была признаться во всемъ, что съ тобою сейчасъ происходитъ,—кого бы назвать изъ нашихъ порядочныхъ подругъ?—ну, хоть Катѣ Заряновой?

— Ни за что на свѣтѣ!.. Сохрани Богъ! . Лучше умереть!..

— Ну, а со мною ты говоришь очень просто, по дѣловому... и съ Аделью будешь говорить, и съ Жозькою, и съ Люською... и съ другими. Да! Порядочная ты очень была, стыдилась я тебя безмѣрно... и никакъ этого стыда не одолѣешь. Жалость сильна, а онъ и жалости сильнѣе. Ну, а потомъ, если ужъ всю правду до конца говорить, то я, Маша, милая, и за намеки-то мои тебѣ сколько разъ бита!

— Бита?!

— Да, бита...—всхлипнула Ольга.—Ты не удивляйся: у насъ это часто и скоро. Я и пригласить-то тебя въ домъ къ «генеральшѣ» согласилась только съ битья; цѣлыя двѣ недѣли отвиливала, отговаривалась, врала небылицы и на тебя, и на себя, почему ты не можешь придти... Ну, Адель-ка,—вѣдь все это несчастье началось съ той нашей встрѣчи на Невскомъ,—выслѣдила какъ-то, что я плутую, подвела, наябедничала,—отъ старухи сейчасъ же мнѣ таска!.. А помнишь, какъ ты провралась, что я отговаривала тебя входить въ долги? «Генеральша» тогда полчаса истязала меня у себя въ спальнѣ .. У нея система: сама съ комфортомъ

въ кресла сядетъ, тебя на колѣни передъ собою поставитъ, кольца съ пальцевъ своихъ поснимаетъ, — чтобы убойныхъ знаковъ не дѣлать, — и пошла лупить со щеки на щеку...

— И ты давалась?

— Да—что же я могу? Ужъ лучше пусть бьетъ наединѣ... А то позоветъ Адельку, Люську, велитъ держать... еще хуже!.. и срамъ...

— Я бы скорѣе ее убила, себя!..

Ольга взглянула на Лусьеву съ сомнѣніемъ.

— Не убьешь...—проворчала она.

— Нѣтъ, убью!

— Не убьешь! слыхали мы! Это только говорить, дружокъ, легко, что убью. И я когда-то кричала: ее зарѣжу, сама утоплюсь! Ты думаешь, однѣ мы съ тобою у нея? Мало другихъ, такихъ же закабаленныхъ? Погоди, теперь отъ тебя прятаться перестанутъ,—перезнакомитесь!.. И всѣ-то —всѣ до единой—вопили въ свое время: убью!.. убьюсь!.. Но ни въ каторгу, ни на позоръ судебный, ни на тотъ свѣтъ раньше времени, какъ видно, идти никому не въ охоту... Такъ что убила-то себя покуда только одна Розя Пантормова... Помнишь Розю? Въ Озеркахъ, на вокзалѣ блистала... Навѣрное, помнишь!.. Впрочемъ, тому уже года четыре... Ты тогда еще дѣвочкою была...

— Въ Озеркахъ? Позволь... Брюнетка?.. Помню!.. Говорили, что она отравилась отъ несчастной любви...

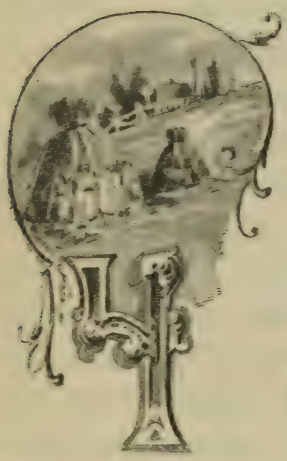
— Никакой несчастной любви не было. Просто, попала въ силокъ къ «генеральшѣ», какъ и мы, грѣшныя. Розя хорошенькая была, живая, съ образованіемъ, неглупая, нравилась мужчинамъ ужасно. Торговала ею Полина широко... А та пылкая, гордая, гнѣвная. Неволю-то нести надоѣло... ну, да и зазналась: думала, что очень ужъ необходима она генеральшѣ, можетъ пошвыривать ею, какъ хочетъ. Адели страшно грубила, ненавидѣла та ее. Въ одинъ прекрасный день Розя совсѣмъ взбунтовалась. До-

вольно, говоритъ, вы мою кровь пили, хочу на волю, больше я вамъ не слуга! . Старуха съ Аделью на нее съ кулаками, съ дреколіемъ, а Розя револьверъ вынула .. онѣ и осѣли... Ушла побѣдительницею. А, дней десять спустя, пришлось фосфоромъ отравиться... Потому, что вдругъ начинаютъ получать знакомые ихъ, Пантормовыхъ, анонимныя письма о Розиномъ поведеніи... потомъ, какъ бы въ доказательство, пакетики съ портретами Розочки, —вотъ въ томъ же миломъ духѣ и съ такими же откровенностями, какъ ты съ Ремешкою... И директоръ гимназіи тоже получилъ, гдѣ ея братъ учился... И родители многихъ товарищей брата... Наконецъ директоръ вызываетъ старика Пантормова: —Какъ, говоритъ, вамъ угодно, а берите отъ насъ сына. Малый учится превосходно и поведенія прекраснаго, но сестрица у него оказывается вотъ и вотъ какою особою. Мнѣ отцы и матери учениковъ покоя не даютъ, письмами меня атакуютъ, попечителю грозятъ жаловаться, министру: не желаемъ-де, чтобы дѣти наши сидѣли на одной скамьѣ съ братомъ... вы понимаете?.. Старикъ, какъ передъ директоромъ въ креслахъ сидѣлъ, такъ и безъ языка остался... А братъ, узнавъ, какая причина, Розочкѣ, ничего не разспрашивая, не разслѣдуя, въ лицо плюнулъ... Теперь въ Мервѣ гдѣ-то служитъ или въ Дагестанѣ, телеграфистомъ что ли... Розочка, обезумѣвши, не знаетъ, куда ей метнуться .. А тутъ ей горничная шепчетъ миленькую новость:—Знаете, барышня,—сыщикъ къ вамъ приставленъ... и дворникамъ нашимъ велѣно слѣдить за вами, какого вы поведенія, куда съ кѣмъ ходите, когда и какая домой ворочаетесь .. Ну,— съ суевѣрною дрожью въ голосѣ и съ кривою улыбкою пояснила Ольга,—а это ужъ, понимаешь, самое послѣднее, что можетъ угрожать нашей сестрѣ... хуже этого ничего не бываетъ... Розочка, какъ услыхала, не сказала ничего... пошла, затворилась въ своей комнатѣ, да къ слѣдующему утру душу Богу и отдала... Да! Вотъ что!

— И ты на такой же цѣпи, какъ я... и всѣ?—тихо и робко спросила Марья Ивановна.

Ольга угрюмо поникла головою.

— Больше, чѣмъ всѣ. Она меня хоть въ ступѣ толки, хоть масло изъ меня жми,—я бороться не смѣю. Я изъ рабынь рабыня. Ну, да объ этомъ лучше и не разспрашивай!.. Велитъ воровать,—буду воровать; велитъ сводничать,—должна сводничать!.. У меня сердце кровью обливалось, когда ты пошла на ихъ удочку, а раскрыть тебѣ весь планъ и ужасъ ихній, я, все-таки, не смогла... страшно!.. Ужъ очень тоже одинъ мой секретъ у нея въ шкафу запаянъ.. И—вотъ что, Маша: до сихъ поръ я, хоть и робко, но все возстановляла тебя противъ нихъ. Ты не слушала, завязла... Ну, а теперь я сама тебѣ говорю, первая: не убереглась ты,—такъ лучше повинуйся, дѣлай, что велятъ.. сопротивляться ты опоздала! Если ты озлишь «генеральшу», она погубитъ тебя, какъ муху,—раздавитъ, и мокро не останется. Если же слушаться ея, не фордыбачить, то она—пожалуй, еще и не изъ худшихъ мерзавокъ по своей части. Секретъ держитъ хорошо,—объ Аделькѣ нечего и говорить: могила!—и обращается недурно. Безъ толка не дерется,—вѣдь, другія бываютъ ужасныя, словно не люди, а звѣри ихъ родили!—въ деньгахъ карманныхъ, въ кредитѣ, въ вещахъ никогда отказа нѣтъ. Но, чуть ты вздумала явить передъ нею свою волю,—шабашъ: за малую вину изобьетъ смертнымъ боемъ, за серьезный бунтъ загубитъ, какъ Розу Пантормову... Она, когда молоденькая была, то, говорятъ, у графа Иринскаго, покровителя своего, въ имѣніи крѣпостныхъ собственноручно порола, а теперь мы у нея вмѣсто крѣпостныхъ. Она одной Адели только и боится, потому что—одного поля ягоды, и та, по натурѣ, сама чортъ хуже ея...



VII.

То же?—признавалась своимъ слушателямъ Марья Ивановна.—Я не героиня... характера у меня нѣтъ, трусиха я, дрянь!.. отстоять себя не сумѣла! Всему, чего отъ меня потребовали, покорилась, на все пошла и сдалась,—а тогда очутилась уже совсѣмъ въ ихъ рукахъ... Да, надо правду говорить—не скрывать: мало-по-малу и сама опустилась, втянулась въ эту подлую жизнь... Натуришка у меня слабая... аппетиты развернулись: и съѣсть я хорошо люблю, и вина отличать стала мастерица, и туалеты изящные мнѣ подай, и шляпу-модель, и камушки... Безъ этого уже досадно и скучно: что за жизнь, если нѣтъ?—какъ это—у другихъ все есть, а у меня вдругъ не будетъ?

Къ тому же развратъ, какъ его продавала «генеральша», былъ тонкій, подкрашенный, даже раззолоченный: кліенты ея принадлежали къ самому блестящему кругу Петербурга,—значитъ, были люди негрубые,—по крайней мѣрѣ,

въ большинствѣ,—хотя поношенные, но элегантные, съ пріятными манерами и кроткимъ обращеніемъ, ищущіе и въ продажной любви нѣкоторой иллюзіи флирта; такъ что ужасъ своего положенія жертвы госпожи Рюлиной, если не очень грызла собственная совѣсть, не ощущали очень назойливо и рѣзко. Ужъ болѣе полгода будучи «живымъ товаромъ», Лусьева физически оставалась дѣвушкою: «главнаго» условія женскаго торга собою отъ нея не требовали очень долго, покуда въ Петербургъ не пріѣхалъ человѣкъ, которому ее именно въ этомъ «главномъ смыслѣ» предназначали. То былъ «стальной король» изъ Германіи, архимилліонеръ, личность, по розсказамъ Лусьевой, мрачная, жалкая и трагическая. Марья Ивановна вспоминала о немъ съ ужасомъ.

— Жестокъ что ли былъ? Бѣзобразничалъ очень?

— Нѣтъ, довольно сдержанный, даже изъ смирныхъ... Но маньякъ. Я съ нимъ сама чуть съ ума не сошла... Вы представьте себѣ: одержимъ боязнью мѣстности!..

— То есть пространства?—поправилъ Лусьеву чиновникъ особыхъ порученій.

— Нѣтъ, нѣтъ. Не пространства, а именно мѣстности. Онъ не въ состояніи оставаться въ одномъ и томъ же городѣ больше недѣли: страхи на него нападаютъ. У него на родинѣ, говорятъ, и дворцы, и виллы чудеснѣйшія. парки, охоты, а онъ мечется метеоромъ безпривязнымъ по земному шару, обогощая отели и промышленницъ вродѣ Полины Кондратьевны... Болѣзнь свою онъ скрываетъ довольно ловко. Всѣ думаютъ, что вѣчные разъѣзды его—дѣловая горячка: кипитъ-де человѣкъ энергіей, самъ во всѣ свои аферы вникаетъ Ну, а мы-то, его женщины, знаемъ, какая у него энергія! Первые три-четыре дня онъ—ничего себѣ, совсѣмъ въ здравомъ умѣ и твердой памяти, а потомъ, глядь, и пошелъ отъ своего козла бѣгать.

— Это терминъ что ли какой-нибудь особенный изъ вашей... профессіи?—брезгливо освѣдомился полиціймейстеръ.

— Нѣтъ, какой терминъ? Просто—галлюцинатъ онъ, маньякъ: козла видитъ—самаго обыкновеннаго козла, чернаго, съ бородою. Куда онъ, туда за нимъ и козелъ. Вотъ, вы улыбаетесь... А я сколько слезъ приняла изъ-за этого козла! Издрожалась вся отъ страха...

— Тоже начали его видѣть?

— Нѣтъ, но ужасно это на нервы дѣйствуетъ—долго быть съ человѣкомъ, которому такъ постоянно, упрямо мерещится!.. Онъ видитъ, а вы не видите... это противно и жутко, если часто Сперва, правда, только смѣшно, а потомъ начинаютъ мысли приходить: а вдругъ ему не чудится, но онъ, въ самомъ дѣлѣ, что-то такое настоящее видитъ?.. Ну, и скандала тоже вѣчно ждешь, нервы въ постоянномъ напряженіи,—страшно!..

— Скандалъ-то откуда же?

— Ахъ, мало ли этотъ козелъ проклятый штукъ съ нами выкидывалъ?!. Помню: повезли мы съ Аделью его въ Петергофъ—показывать фонтаны... Остались обѣдать у тамошняго «Медвѣдя»... Татары блюда подаютъ, а мой Herr Augustus имъ на ноги косится и глаза кровью налилъ: это значитъ,—уже привидѣлось ему, козелъ за татарами бѣгаетъ... А то ночью вдругъ зарѣветъ, какъ волъ. Просыпаюсь, ни жива, ни мертва: пожаръ что ли или рѣжутъ его?..—Что съ вами? Что случилось?.. Сидитъ на кровати, таращится въ одну точку, весь въ холодномъ поту, брыкаетъ въ воздухъ голыми ногами... Der Bock!.. Der Bock!.. Оказывается, козелъ въ гостяхъ былъ, на кровать лѣзъ и чуть было его не забодалъ... На Иматрѣ онъ у меня, отъ козла удирая, чуть въ водопадѣ не очутился. Едва-едва мы съ Люціей успѣли поймать его за фалды ..

— Однако!

— Мучительный человѣкъ!

— Вы долго его знали?

— Нѣтъ, гдѣ же? Съ Иматрою, шхерами, съ Ялтою, всего три недѣли. И то его главный секретарь, который

съ нами ѣздилъ, удивлялся, что такъ долго. Это рѣдкость, чтобы онъ взялъ женщину съ собою въ путешествіе. Вѣдь ему во всѣхъ городахъ, по маршруту, куда онъ направляется заранѣе готовятъ новую. И непремѣнно, чтобы дѣвушка. Онъ живетъ съ нею нѣсколько дней, а потомъ возненавидитъ и уже лица ея выносить не можетъ Меня тоже чуть не задушилъ.

— Даже? За что?

Марья Ивановна, какъ ни была разстроена, а улыбнулась.

— За козла принялъ!

— Чортъ знаетъ что!

— Мало, что не убилъ, дуракъ!.. И—главное: гдѣ его угораздило, — на Учанъ-Су. Наконьячился по дорогѣ и пошелъ юродствовать. Придрался: почему въ Учанъ-Су воды мало? Это не хорошій видъ, если въ водопадѣ воды нѣтъ, это недобросовѣстность противъ путешественниковъ!.. Я, сдуру, и пошути ему: должно быть, говорю, вашъ козелъ здѣсь былъ и, на зло вамъ, всю воду выпилъ!.. А онъ осатанѣлъ: хвать меня за горло и къ обрыву тащитъ!.. Я кричу: — Was machen Sie, Excellenz? Lassen Sie mich! Ich bin kein Bock, ich bin Ihr keines Schätzchen!..—Врешь, всѣ вы одна шайка!.. Ты съ нимъ сговорилась! . Спасибо, проводники отняли!.. И больше,—какъ отрѣзало,—уже не захотѣлъ меня видѣть. Въ тотъ же вечеръ отчалилъ на своей яхтѣ въ Константинополь.

— А зачѣмъ это вы съ нимъ все по водопадамъ скитались? То на Имагру, то на Учанъ-Су?

— Тоже страсть. Какъ же? Помилуйте, — въ Африкѣ на Замбези былъ, въ Полинезію нарочно ѣздилъ смотрѣть какіе-то горячіе каскады .. Должно быть, потому нашъ Учанъ-Су такъ его и разобидѣлъ...

— Какая, однако, ваша жизнь!— съ нѣкоторымъ содроганіемъ сказалъ Mathieu le beau.—Зависѣть отъ подобнаго субъекта!..

Полиціймейстеръ поддакнулъ:

— Н-да-съ. Профессія енотовая.

До появленія въ Петербургѣ, гонимаго козломъ, нѣмецкаго милліонера, участіе Маріи Ивановны въ операціяхъ госпожи Рюлиной ограничивалось попрежнему ролью soupeuse,—ужинающей и прожигающей жизнь демивьержки, для богатыхъ холостыхъ компаній и—новенькое,—фигурантки для «живыхъ картинъ» въ аѳинскихъ вечерахъ, которыми развлекались графъ Иринскій и другіе маститые гости генеральши.

— Что же вы представляли?—съ оживленными глазами заинтересовался Mathieu.

Марья Ивановна посмотрѣла на него съ презрительною злостью и нетерпѣливо дернула плечомъ.

— Что я вамъ буду расписывать,—что? Разумѣется, не «Постриженіе монахини» и не «Первый разъ въ школѣ»!.. Вѣдь, разсказывала я вамъ, какая живопись висѣла по стѣнамъ у Рюлиной... Ну, эти самые милые сюжеты и воспроизводились.

— Ахъ, это—какъ намекала вамъ ваша подруга?

— Да, Ольга Брусакова... Если бы я тогда понимала!

— Неловко это?—съ дѣловою прямолинейностью задалъ вопросъ полиціймейстеръ.

Марья Лусьева бросила на него уничтожающій взглядъ и сказала сквозь зубы:

— Попробуйте.

Полиціймейстеръ крякнулъ и не нашелся отвѣтомъ.

— Нѣтъ, что же?—выручилъ его Mathieu le beau.—Тигрій Львовичъ данныхъ для того не имѣетъ... Вы ужъ лучше про себя!..

При первомъ своемъ «дебютѣ», Маша участвовала въ группѣ «Трехъ Грацій»—съ Люціей и съ какою-то, совершенно безмолвною на всѣхъ языкахъ, не исключая роднаго, шведкою, которую Лусьева видѣла только однажды въ жизни,—именно вотъ въ этотъ вечеръ и на этомъ «спектаклѣ».

— Я не имѣла духа выйти: такъ было ужасно, позорно, скверно... Стою, уже убранная и причесанная по-гречески, какъ надо,—сама Полина Кондратьевна голову убирала,—стою передъ дверью этою проклятою, зубами стучу, лихорадка колотитъ. Ну, вотъ не могу перешагнуть въ ту комнату и не могу!. Полина Кондратьевна, Адель стараются около меня—просятъ, приказываютъ, злятся, грозятъ... не могу! А бить не смѣютъ... зубами старуха скрипитъ, а ни щипнуть, ни ударить нельзя: если зареву,—гостямъ будетъ слышно, графъ губу оттопыритъ, что mauvais genre,—дерутся! Да и какъ же потомъ будетъ меня выпустить — заплаканную? Вѣдь комната—не сцена: все видно, каждый синякъ, всякая царапина на тѣлѣ обозначится; а, если за волосы,—прическу смять должны... Ольга тутъ тоже,—она въ тотъ вечеръ «Запарилась» изображала, картину художника Матвѣева,—сама въ три ручья плачетъ надо мною, а умоляетъ:—Все равно ужъ, Машенька: если ты на это пошла, то судьба такая... надо начать! Ободрись,—что тянуть-то? Передъ смертью не надышишься!.. Ступай!.. Нѣтъ, не могу. Ноги — точно ватныя, колѣни гнутся... Онѣ меня—валерьяномъ, онѣ меня—шампанскимъ, онѣ меня—коньякомъ... Ничего не помогаетъ: нѣтъ силъ, и шабашъ!.. И вдругъ—Люція влетѣла!.. Злая, красная, огромная...—«Долго еще,—кричитъ,—эта невинность ломаться намѣрена? До утра, что ли, я, по ея милости, мерзнуть буду?»... И затопотала на меня пятками... Никто еще въ жизни на меня не оралъ... У меня кровь такъ къ вискамъ и хлынула! Свѣта я не взвидѣла! Ни стыда, ни страха не осталось въ глазахъ! Завизжала что-то ей въ отвѣтъ и сама не помню, какъ выскочила за дверь, какъ очутилась въ той комнатѣ, передъ занавѣскою, какъ стала въ позу...—вся въ электричествѣ... Люція послѣ удивлялась:—Ну, и обругала же ты меня, дѣвушка! Откуда слова взяла?.. А я не помню... Потомъ легче стало, привыкла, нѣкоторыя картины даже самой нравились... Я больше въ Тиціанѣ имѣла успѣхъ...

Ужъ очень захвалили меня: и богиня-то я, и статуя, и мраморъ живой... Что же? Со всѣмъ освоиться можно. Балерины привыкаютъ же, актрисы тоже, которыя въ опереткѣ и въ феерiяхъ... Разница не велика. И публика у насъ бывала та же самая,—только, что меньше ея, да въ комнатѣ, а то весь балетный первый рядъ!..

— И часто мучили васъ подобными спектаклями?— спросилъ полиціймейстеръ.

— Въ мѣсяцъ разъ пять или шесть, не больше... это очень дорогая забава.

— И все было шито-крыто? Полиція не безпокопла?

Лусьева пожала плечами.

— Какое можетъ быть дѣло полиціи до маленькаго семейнаго вечера въ частной квартирѣ? Откуда подозрѣнія? Рюлина никогда не была на дурномъ замѣчаніи. Ни доносовъ, ни жалобъ на нее не поступало, скандаловъ никакихъ у нея не случалось. Что же полиціи? Часть города, гдѣ былъ нашъ домъ, — самая аристократическая. Пять-шесть человѣкъ гостей—не сборище какое-нибудь, даже если бы и каждый вечеръ. Журъ-фиксы тоже у всѣхъ бываютъ: не на что полиціи обратить вниманіе, хотя бы и нѣсколько каретъ у подъѣзда!.. Да, и не такіе люди насъ посѣщали, чтобы очень бояться полиціи.

— Ну, а если бы, все-таки, доносъ и внезапная облава?

Лусьева съ увѣренностью возразила:

— Ничего не нашли бы. Развѣ что — перевернуть вверхъ дномъ весь домъ, разобрать нѣсколько перегородокъ, ободрать обои, сломать двѣ - три стѣны. Эта комната,—гобеленовая,—гдѣ мы давали представленія, была такъ хорошо замаскирована, что мы сами, дѣвушки,—безъ Полины Кондратьевны, Адели и еще одной,—днемъ не находили въ нее входа...

— А пресловутыя картины на стѣнахъ?

— Онѣ висѣли въ другой части дома: то была совсѣмъ

особая квартира, снятая на чужое имя... Нашъ домъ былъ небольшой, трехъ-этажный, всего въ восемь квартиръ. И всѣ онѣ были заняты Рюлиною на разные имена, и во всѣхъ жили подставные хозяева... тотъ же Ремешко, напримѣръ, факторша одна изъ свѣтскихъ, вообще, господа и госпожи въ такомъ родѣ... На имя же самой генеральши было записано только небольшое помѣщеніе нижняго этажа съ окнами во дворъ,—очень простенькое, небогатое: обыскивайте его, сколько хотите! Тамъ она принимала людей, которые приходили къ ней не по торговлѣ, и не зачѣмъ имъ было видѣть верха... Мой отецъ, напримѣръ, былъ очень удивленъ, когда побывалъ съ визитомъ у Рюлиной. — Что же ты, Маша, говорила, будто Полина Кондратьевна ужъ очень хорошо живетъ? Ничего особеннаго, мнѣ у нея показалось почти бѣдно.

— Однако, сколько видно, она рисковала огромными расходами.

— Да. Я знаю навѣрное, что эти восемь квартиръ стоили ей тринадцать тысячъ рублей въ годъ, и, если бы домохозяинъ набавилъ вдвое, пришлось бы заплатить. Хозяйкою той квартиры, гдѣ давались «живыя картины», считалась старушка, дальняя родственница Адели... даже и не помню уже, какъ ее звали!.. Я долго—до тѣхъ самыхъ поръ, пока не поселилась у Рюлиной совсѣмъ, принимала ее за экономку или, какъ говорится, «чуланную приживалку»: хрюзьба, изъ ума выжившая!.. Вотъ ей бы и пришлось отвѣчать въ первую голову, если бы случился доносъ и обыскъ. Тоже очень хорошее жалованье имѣла.

VIII

Захваченная рюлинскою мышеловкою, Лусьева утонула въ странномъ, смутномъ міркѣ. Спеціальностью «генеральши» была торговля исключительно «порядочными» женщинами хорошей репутаціи, стоящими внѣ подозрѣній въ продажности. Главнымъ орудіемъ вовлеченія ихъ въ развратъ являлся систематическій шантажъ,—разнообразный, вкрадчивый, повелительный, безпощадный. Агентовъ, агентокъ, факторшъ, «ходебщицъ», собственныхъ сыщиковъ и сыщицъ имѣлась въ распоряженіи Рюлиной очень изрядная армія,—и дорогая. Были у нея слуги на постоянномъ жалованьи, были на сдѣльной платѣ. Однѣ жертвы ловились на любовь, на обманы обѣщаніемъ жениться, другія затягивались въ тенета деньгами, кредитомъ, векселями, третьи порабощались какимъ-либо уголовнымъ секретомъ, четвертыя, наконецъ, просто приводились къ убѣжденію, что, при условіи мертвой тайны, которую обѣщала имъ и,

дѣйствительно, сохраняла Полина Кондратьевна, ремесло продажной женщины не трудно и доходно. Къ такимъ принадлежала Жозя. Но ихъ въ рюлинскомъ гаремѣ было меньшинство, и «генеральша» не цѣнила ихъ высоко.

— Подобныя особы слишкомъ легко перескакиваютъ въ откровенныя кокотки. А мнѣ кокотка—ни къ чему: она только цѣну сбиваетъ и моихъ компрометтируетъ. Я съ кокотками рукъ марать не хочу: я работаю порядочнымъ товаромъ.

Старая вѣдьма была положительно геніальна по умѣнію создавать «порядочныя» обстановки и условія даже для самаго шальнаго, разнузданно-продажнаго разврата: угостить и утѣшить кліента, и оберечь свою рабыню.

— Ужъ у меня этого быть не можетъ, какъ у другихъ,—гордилась она, — чтобы мужъ жену сюрпризомъ встрѣтилъ, или знакомый знакомую опозналъ. Никакихъ дурацкихъ альбомовъ и смотринъ на удачу! Я все заранѣе въ расчетъ принимаю. Мнѣ о каждой моей и о всякомъ кліентѣ всегда вся подноготная до послѣдней порошинки извѣстна.

Всего въ кабалѣ у нея было отъ пятнадцати до двадцати женщинъ, разсѣянныхъ въ разныхъ концахъ Петербурга и разсыпанныхъ по разнымъ общественнымъ слоямъ. Имѣлись подъ ея командою сбитыя съ толка деревенскія дѣвки, вродѣ «модной» Люціи,—Адель подхватила ее и впрямь чуть ли не на Никольскомъ рынкѣ,—имѣлась и супруга довольно виднаго чиновника, извѣстнаго своею неподкупною честностью и бѣднаго не по мѣсту, которое онъ занималъ. Супруга очень любила мужа, имѣла на него большое вліяніе, но аристидовыхъ правилъ его не раздѣляла и тайкомъ побирала взятки, паче всего на свѣтѣ трепеща, что мужъ когда-нибудь и какъ-нибудь о томъ прослышитъ. На этомъ именно и поймала ее одна изъ довѣренныхъ факторшъ Рюлиной. Чиновницѣ дали крупную взятку за дѣло, о которомъ знали заранѣе навѣрное, что

она будетъ безсильна его провести; затѣмъ выждали, когда она профинтитъ деньги и окажется безъ гроша.—и тутъ-то приступили: либо подай немедленно всю сумму, либо будемъ жаловаться мужу. Перетрусившая дама заметалась по Петербургу въ поискахъ кредита и тотчасъ же нашла его: благодѣтельная рука другой факторши направила ее къ Полинѣ Кондратьевнѣ, а та уже сумѣла окружить рыбку со всѣхъ сторонъ своею крѣпкою, шелковою сѣтью. Съ тѣхъ поръ чиновница,—вотъ уже который годъ,—получаетъ время отъ времени отъ Рюлиной любезно-условныя предписанія и, въ отвѣтъ на нихъ, не смѣя и пикнуть противъ, садится въ карету и скачетъ, куда велѣно, съ такою же исполнительностью, какъ Ольга, Жозя, Люція, Маша.

Хозяйки и приказчицы нѣкоторыхъ модныхъ магазиновъ, мелкіе дисконтеры и ростовщицы, проходимцы изъ биржевыхъ зайцевъ, аукціонныхъ и ломбардныхъ маклаковъ, состояли въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Рюлиною, хотя въ великолѣпномъ домѣ ея никогда никто изъ этой братіи не появлялся, а иные даже, быть можетъ, не знали, кто она въ дѣйствительности и гдѣ живетъ, хотя вели съ нею дѣла годами. Для черной работы по своей куплѣ-продажѣ «генеральша» имѣла особую квартиру — гдѣ-то въ людныхъ и толкучихъ улицахъ, кишащихъ мѣшаннымъ народомъ, не то у Чернышева моста, не то на Вознесенскомъ проспектѣ. Эту декоративную «контору» прикрывала своимъ именемъ и жалкимъ положеніемъ больная сестра Полины Кондратьевны, глупая, дряхлая, безногая старуха, которую Адель и Полина Кондратьевна ежедневно навѣщали, встрѣчаясь у нея съ нужными людьми и обдѣлывая текущія дѣла-дѣлишки. Для видимости старуха вела какую-то маленькую торговлю и занималась некрупнымъ дисконтомъ. Орава пособниковъ доставляла Рюлиной свѣдѣнія о женщинахъ, запутавшихся денежно съ зарѣзомъ крайней нужды—до ножа у горла или револьвера къ виску. «Использовать сюжетъ» было дѣломъ ея самой, Адели или

какой-нибудь довѣренной факторши. Между акушерками, содержательницами секретныхъ родильныхъ пріютовъ, бабками, знахарками, врачами, не брезгающими абортною практикою, Рюлина тоже была богата своими людьми.

— Потому что,—откровенничала она,—это—лучше чего не надо, если у хорошей дѣвушки останется позади ангельская душка. А ежели еще и съ могилкою не очень правильною,—тогда ужъ совсѣмъ, какъ есть, благодать Божья.

Именно такимъ страшнымъ узломъ была завязана въ грозномъ шкафу Полины Кондратьевны Ольга Брусакова. Въ средѣ бракоразводныхъ адвокатовъ, свахъ, консисторскихъ ходатаевъ по семейнымъ дѣламъ,—всюду водились ищейки. Ловля женщинъ практиковалась не только въ одномъ Петербургѣ, но и по провинціи. Одну изъ самыхъ успѣшныхъ и выгодныхъ своихъ красавицъ Рюлина получила изъ Закавказья: обольщенная гувернантка, она отбывала срокъ тюремнаго заключенія за покушеніе на убійство новой любовницы своего любовника; тюрьма сдѣлала ее мертвою для родной окраины,—впереди, по выходѣ изъ заключенія, предвидѣлась безпомощная нужда... никто не поддержитъ «уголовную подсудимую», всѣ будутъ только пальцами показывать!.. Нашлась, однако, и при тюрьмѣ старательная особа: ссудила бѣдняжкѣ денегъ на проѣздъ въ Петербургъ и снабдила ее рекомендаціей къ Полинѣ Кондратьевнѣ. Одна рюлинская факторша болѣе высокаго полета была даже небезызвѣстна и уважаема въ филантропическихъ кружкахъ. Ея спеціальностью было выслѣживать красивыхъ женщинъ, выздоравливающихъ по больницамъ.

— Я для своихъ душечекъ денегъ не жалѣла,—хвасталась «генеральша».—Я Фани прямо изъ клиники взяла, съ койки, послѣ тифа, кости да кожа, голова бритая, уродъ уродомъ, даже глаза желтые. Но вижу: откормить ее,—будетъ прокъ изъ дѣвки,—ну, и сдѣлай твое одолженіе! Къ

знаменитости ее возила. Говоритъ: хорошо на Кавказъ,— превосходно! послала съ довѣренною на Кавказъ. Мало понравилась. Велѣла ей проѣхать въ Сухумъ къ самому Остроумову. Этотъ говоритъ: хорошо на Принцевы Острова. Отлично: выдержала ее два мѣсяца на Принцевыхъ Островахъ! Въ моемъ деликатномъ дѣлѣ,— расходовъ бояться— доходовъ не видать. Я убытковъ отъ моихъ душечекъ не надѣюсь: отработаютъ! Есть съ кого!

И, дѣйствительно, кліентура «генеральши» была огромнѣйшая, такъ что весьма часто у нея не доставало своихъ «бѣлыхъ невольницъ», и надо было занимать ихъ у другихъ промышленницъ тѣмъ же товаромъ, у Буластовой, Перхуновой, Юдиои, о которыхъ раньше сообщали Машѣ Адель и Ольга. Въ то время, какъ Рюлина обслуживала по своей темной спеціальности самые верхи и сливки столичнаго общества, кліентура этихъ другихъ госпожъ была много сѣрѣе, работали онѣ откровеннѣе, мельче и шире, кокотками не брезговали; сводничество ихъ было грубѣе въ пріемахъ, а рабство у нихъ было много жестче и тяжелѣе. О самодурствѣ Буластихи ходили грозные разсказы. Она довольно часто посѣщала Рюлину,—и даже не въ ея «конторѣ», а въ самомъ домѣ: двухъ промышленницъ связывали не только нѣкоторыя общія аферы по живому товару, но еще и лютая страсть къ игрѣ: обѣ были завзятыя картежницы и постоянныя партнерши... Про женщинъ, закабаленныхъ Буластовою, даже Полина Кондратьевна говорила не безъ жалости:

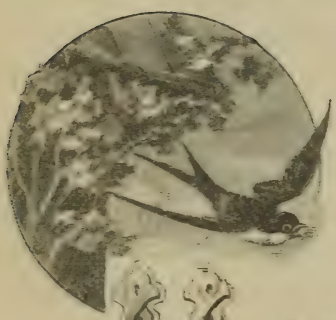
— Я понимаю: чтобы женщина работала,—заставь ее. Если она лѣнится, упрямится, носъ подымаетъ, капризничаетъ, сплетничаетъ, дерзитъ, доноситъ,—не жалѣй, накажи! Но зачѣмъ безъ вины издѣваться надъ человѣкомъ? зачѣмъ безъ надобности тиранить и обижать? А у Прасковьи Семеновны ужъ характеръ такой злобный: безъ всякой пользы для себя, такъ, по пристрастію одному, портитъ жизнь дѣвкамъ... Мучительница, полачиха!.. Положимъ, что

съ нея добраго и взять? Отъ роду хамка, да еще и пьяница!..

Разумѣется, всѣ женщины Рюлиной очень скоро дѣлались извѣстными одна другой, но не только считалось неловкимъ, а и строго запрещалось показывать знакомство внѣ стѣнъ рюлинскаго дома; чтобы дружить, требовалось разрѣшеніе «генеральши». Это правило соблюдалось очень тщательно. Рюлина находила, что, если жертвы ея начнутъ интимничать между собою, то изъ пріязни ихъ не выйдетъ никакой прибыли для нея, а другъ друга онѣ могутъ компрометировать какою-нибудь неосторожностью.

— Знаете, душечки,—философствовала она,—гдѣ бабьи дружбы, тамъ и бабьи ссоры. А, если двѣ бабы хорошо поссорятся, то и оглянуться не успѣешь, какъ такого наговорятъ, что въ болтовнѣ ихней не только я, грѣшная,—цѣлый совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ завязнетъ!..

Машѣ и Ольгѣ случилось быть приглашенными на одну свадьбу,—и въ великолѣпной начальницѣ, посаженой матери молодыхъ, онѣ узнали свою товарку-чиновницу. Еще вчера она, подъ именемъ Фаустины, позировала вмѣстѣ съ ними для какихъ-то не то турецкихъ, не то персидскихъ, дипломатовъ въ картинѣ подъ поэтическимъ названіемъ «Бахчисарайскій фонтанъ». У величавой матроны даже бровь не дрогнула, когда ей представили барышень; Ольга съ Машею тоже отлично выдержали роль, будто имѣли счастье встрѣтить чиновницу въ первый разъ. Имя и фамилію ея онѣ, и въ самомъ дѣлѣ, только при этомъ капризномъ случаѣ узнали. Въ рюлинской компаніи считалось очень нечестнымъ и предательскимъ находясь «на работѣ», назвать подругу не условнымъ ея, но настоящимъ именемъ и, наоборотъ, при встрѣчѣ въ обществѣ, окликнуть ее не настоящимъ именемъ, а условнымъ. Да!.. «И у ада есть законъ»... «Die Hölle selbst hat ihre Rechte».



IX.

На второй годъ крѣпостной зависимости отъ Рюлиной, Машѣ суждено было пережить большое несчастіе: отецъ ея, возвращаясь домой со службы,—когда переходилъ Симеоновскую,—былъ сбитъ шальнымъ велосипедистомъ подъ конку и не всталъ уже. Смерть старика, конечно, вызвала жестокій семейный разгромъ, но Маша, со стыдомъ за себя, сознавала, что въ наступившемъ ужасѣ есть для нея и одна радостная точка: отецъ умеръ, не узнавъ о дочери позорной правды, которую было такъ трудно отъ него скрывать.

— Твое положеніе, Марья, было еще подлѣе моего,— говорила Ольга Брусакова.—Мнѣ хоть не надо играть комедій дома, при своихъ. Мать моя давно все знаетъ... потатчица и соучастница! Ей что? Было бы въ карманѣ пять рублей на «мушку» въ Нѣмецкомъ клубѣ, а то—я хоть гуляй нагишомъ по Невскому!.. Отецъ... кажется, въ одной квартирѣ живетъ, а, ей-Богу, я его вотъ уже лѣтъ десять не видала по человѣчески... въ семьѣ то есть. Если онъ не на службѣ, значитъ, въ биллiардной, въ трактирѣ Соловьева.

Если не въ трактирѣ, значитъ, лежитъ безъ заднихъ ногъ, пьяный, въ своемъ чуланчикѣ, спитъ. А твой старикъ—настоящій былъ, хорошій, честный, довѣрчивый... стыдно такого!.. И хотѣлось же ему счастья для тебя, и вѣровалъ же онъ въ «генеральшу» нашу, что она,—благодѣтельница,—тебѣ, какъ кладъ нашлась!.. нечего сказать, умѣла очки втереть!.. Нѣтъ, это—скажи слава Богу, что его такъ внезапно зашибло!.. Это Господня милость къ вамъ обоимъ.

По просьбѣ Рюлиной, графъ Иринскій оказалъ давленіе на какую-то важную питерскую пружину, и младшія сироты были приняты въ закрытое учебное заведеніе на казенный счетъ, но не въ Петербургѣ. что для Лусьевой было и къ лучшему. А Машу Полина Кондратьевна заставила поселиться у нея. Положеніе дѣвушки стало хуже—не по дурному обращенію и не по увеличенной требовательности, но—съ большею ощутительностью почувствовала она теперь свое превращеніе изъ свободнаго человѣка въ живую вещь Машѣ не на что было жаловаться въ матеріальномъ отношеніи, жила она въ довольствѣ, ни въ чемъ не получая отказа. Ипогда Рюлина даже баловала ее маленькими подарками—настоящими, которые не ставились въ счетъ. Но зато, съ переѣздомъ къ Полинѣ Кондратьевнѣ, на рукахъ у Лусьевой никогда не оставалось много карманныхъ денегъ; паспортъ ея, послѣ того, какъ былъ отданъ для прописки, Рюлина тоже не возвратила ей, а заперла въ свою знаменитую шкатулку; какъ-то само собою сдѣлалось, что Маша перестала уходить изъ дома безъ спроса, когда ей хотѣлось, а, отпрашиваясь, должна была говорить, куда идетъ, зачѣмъ и надолго ли, и, если опаздывала противъ обѣщаннаго срока, то получала жесточайшія головомойки. Ей велѣно было отстать отъ всѣхъ знакомствъ ея прежняго, не-рюлинскаго круга, и понятно, что къ себѣ въ гости, въ домъ Полины Кондратьевны, она никого изъ постороннихъ не могла, да, впрочемъ, и не рѣ-

шилась бы пригласить. Мало-по-малу, тоже какъ-то незамѣтно, ввелось, что, чуть соберется Маша на прогулку,—глядь, и Адель съ нею, либо Люція, либо Жозя, либо кто-нибудь изъ факторшъ и довѣренной прислуги, а, если некому отлучиться, то старуха и Машу оставляетъ дома.

— Берегутъ тебя очень, Люлюшка,—откровенничала Люція, съ которою Маша, тоже съ тѣхъ поръ, какъ жила у Рюлиной, сошлась пріятельски. Лусьева, какъ большинство женщинъ, не умѣла жить безъ «друга», а Ольгу она теперь видѣла рѣдко, Жозю ненавидѣла, какъ ловушку-предательницу, Адели же боялась. На «ты» Люція сама заговорила съ нею, давая понять, что здѣсь и теперь онѣ—въ ровняхъ, и чтобы Маша не вздумала обращаться съ нею, какъ съ прислугою. Впрочемъ, о томъ же и Адель предупредила:

— Ты, Люлюшка, конечно, сумѣешь поставить себя въ хорошія отношенія съ Люціей?.. Надѣюсь, ты понимаешь, что она остается на положеніи горничной исключительно по своей доброй волѣ: только потому, что ей удается эта роль. Она сама отлично знаетъ, что превратиться въ барышню для нея значитъ потерять успѣхъ... Удивительно много стало въ Петербургѣ охотниковъ s'encanailler, какъ говорится!.. Но, среди насъ, между своими, она, само собою разумѣется, не слуга, а—какъ всѣ... Полина Кондратьевна очень высоко ее ставитъ... совѣтую это соображать!.

Къ счастію Маши, Люція оказалась дѣвкою довольно кроткаго нрава,—одною изъ тѣхъ лѣнивыхъ русскихъ натуръ, въ которыхъ странно но отлично уживаются доброта и распутство, одинаково развиваясь изъ неспособности къ «прозрѣнью внутрь себя», то-есть полнаго невниманія къ внутренней жизни.

— Очень берегутъ тебя, Люлюшка,—разсказывала она.—Боятся, не стали бы сбивать тебя отъ насъ, переманивать... Ну, и любовишка чтобы не завелась на сто-

ронѣ,—потому, что наша сестра въ такомъ разѣ дѣлается дура!.. Очень ужъ ты на точкѣ: сейчасъ,—Адель прямо такъ и говоритъ,—вся ихъ коммерція только и держится, что нами—ты да я, остальныя не въ спросѣ...

Въ одинъ зимній день Полину Кондратьевну неожиданно посѣтила, не въ обычай утромъ, а не вечеромъ,—ея «коллега по профессіи», Прасковья Семеновна Буластова. Тутъ Маша впервые разглядѣла эту легендарную особу по близости. На видъ Буластиха показалась ей не столько страшною, сколько вульгарною: огромная, толстѣйшая бабища-купчиха, лѣтъ сорока восьми, разряженная безумно дорого и чрезвычайно безвкусно, въ камняхъ всюду, гдѣ только можно было приткнуть или повѣсить камушекъ. Она долго бесѣдовала съ Рюлиною и съ Аделью, запершись втроемъ, но, должно быть, не особенно пріятно, потому что уѣхала недовольная, надутая.

— Знаешь, зачѣмъ была?—шепнула потомъ Машѣ Люція. — Я подслушала: ко мнѣ въ комнату изъ кабинета, черезъ вентиляторъ, звучитъ... Тебя торговать хотѣла.

— Какъ—меня торговать?—изумилась и встревожилась Маша.

— Обыкновенно, какъ: чтобы отдать тебя къ ней, въ ея дѣло, на ея полное распоряженіе.

— Да, я не хочу!..—совсѣмъ уже испугалась Лусьева.—Что ты! Богъ съ тобою! Я къ ней не пойду...

— Отдадутъ, такъ пойдешь,—равнодушно возразила Люція.

— Да какъ же можно?

— А почему нельзя? Предложитъ Буластиха нашей хорошаго отступного, та и продастъ.

— Какъ это—продавать?—волновалась Лусьева.—Не вещи мы! Я не корова, не лошадь, чтобы такъ, будто на базарѣ!.. Это—когда крѣпостные были, тогда людьми торговали, а теперь ихъ не покупаютъ и не продаютъ!

Люція, валяясь на Машиной кровати, зѣвнула и сказала протяжно и поучительно:

— Да не тебя, дура!—пакетъ твой продадутъ.

Маша озадачилась.

— Пакетъ?

— Твой пакетъ—тотъ самый, который о тебѣ у старухи составленъ и въ шкатулкѣ лежитъ. Понимаешь? Буластиха ей—деньги, а наша Буластихѣ—пакетъ... только и всего! Ну, а ты, извѣстное дѣло,—къ пакету этому прилипшая, потому что тамъ въ пакетѣ вся твоя жизнь... «Права» твои продадутъ,—смекаешь? Всю аттестацію! . Теперь ты зависимая отъ нашей, потому, что у нея твой пакетъ, и должна ты по пакету дѣлать все, что она прикажетъ. А, когда у нашей твоего пакета не станетъ, тебѣ на нее уже плевать, потому что въ пакетѣ сила, и слушаться ты будешь уже той толсторожей, Буластихи...

Она тяжело ударила Машу по спинѣ и захохотала.

— Что? обробѣла? Вонъ она, какая машина-механика!.. Только ты не бойся! Наша Буластихѣ отказала наотрѣзъ. Та большія тысячи предлагала, старуха было и подаваться начала, да Адель пошла дыбками въ разбивъ, что самимъ дороже.

Маша улучила случай переговорить о новомъ своемъ страхѣ съ Ольгою Брусаковою.

— Да, это бываетъ,—хмуро подтвердила та.—Перепродажа шантажа... частая исторія? И Буластихѣ сейчасъ ты, дѣйствительно, была бы очень къ рукѣ... Она безъ примадонны осталась... Ея знаменитая «Княжна» заболѣла: женское что-то, въ Еленинской больницѣ лежитъ...

— А чѣмъ она знаменитая?

— Тѣмъ, что заправская княжна, съ родословною чуть не отъ Гостомысла.

— Красивая?

— Никогда не случалось встрѣчаться. Говорятъ, что нѣтъ... Да врутъ, должно быть, потому что въ буластов-

скомъ дѣлѣ «Княжна» — вотъ какъ ты у Рюлиной — идетъ ссегда въ первую голову... Ты не опасайся: тебя не продадутъ. Тобой здѣсь очень дорожатъ. Я не запомню, чтобы «генеральша» носилась съ кѣмъ-либо изъ насъ, какъ съ тобою. Она изъ-за тебя даже и ко мнѣ стала любезнѣе... Право!

— Ужъ очень страшно, Оля!.. Про эту Буластиху ходятъ такія легенды...

— Да у Рюлиной — надзоръ, а тамъ — острогъ, да еще и съ застѣнкомъ!.. Всѣ въ одинъ голосъ говорятъ. У насъ бывали дѣвушки, перекупленныя отъ Буластихи. Онѣ и вспоминать боялись, каково имъ сладко жилось. — Одна изъ казачекъ, Фіаметтою звали, — богатаго купца дочь, только отъ родителей проклята за офицера, — такъ вотъ эта Фіаметта, бывало, очень смѣшила насъ за ужинами: если на столѣ стоитъ зернистая икра, — она и къ закускѣ не подойдетъ; видѣть зернистой икры не могла, не то что ѣсть... Адель даже и кавалеровъ такъ предупреждала: ежели Фіаметта въ компаніи, то уговоръ, — чтобы зернистой икры не было...

— А Буластиха при чемъ?

— А вотъ видишь ли: пошалили однажды буластовскія дѣвушки, захотѣли подразнить хозяйку, — вытащили у нея изъ буфета два фунта зернистой икры и съѣли. Прасковья Семеновна хватилась: — Гдѣ икра? кто взялъ?.. Подружки струсили, — говорятъ Фіаметтѣ: — Ты зачинщица, ты на себя и бери!.. Отвѣтъ не великъ: зернистая икра сейчасъ два рубля фунтъ... Фіаметта заявляетъ: — Виновата, Прасковья Семеновна, мой грѣхъ!.. А той не икра и дорога, всего только того и надо, чтобы къ жертвѣ придраться... Обрадовалась, тиранство-то въ ней разыгралось... — Ахъ, — пищитъ, — это ты, Фіаметточка? Вотъ не ожидала!.. Что же? Ты развѣ такъ любишь зернистую икру? — Очень люблю, Прасковья Семеновна... — Дурочка, такъ ты бы давно сказала! Я тебя угощу!.. И приказываетъ

*

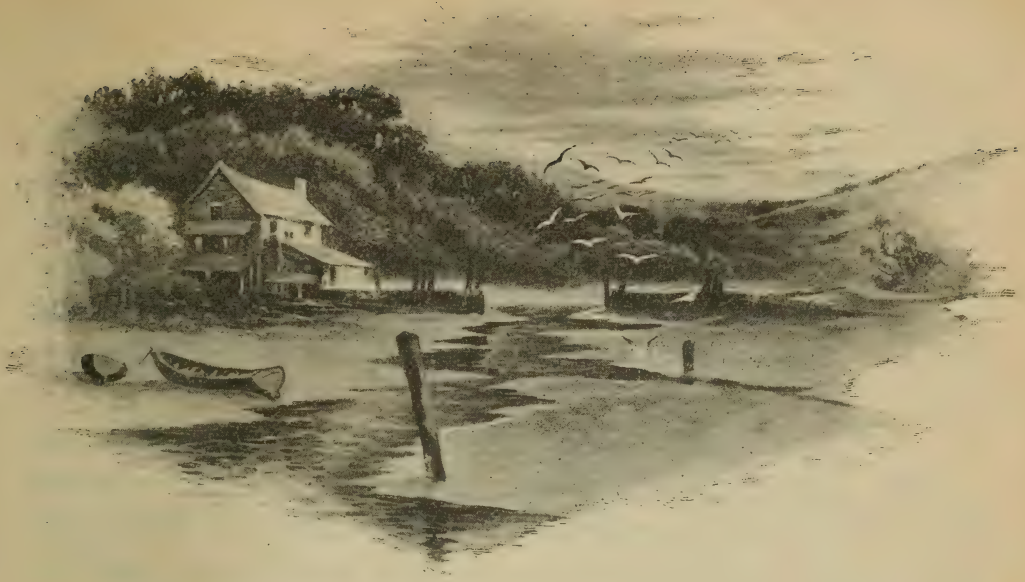
своей Ѳедосьѣ Гавриловнѣ,—это у нея управляющая, какъ у насъ Адель, только совсѣмъ простая баба, и характеромъ, говорятъ, Иродъ, да и видомъ ужаснѣйшая .. вчуже смотрѣть жутко!— приказываетъ принести еще два фунта икры.. Та приноситъ... Вали на полъ!.. Вывалила .. Прасковья Семеновна—туфли съ себя долой и становится въ икру босыми ножищами:—Ѣшь!.. Фіаметта такъ и вскочила:—Что вы? Очумѣли?.. А Ѳедосья Гавриловна ее сзади кулачищемъ по затылку—разъ!.. Фіаметта и съ ногъ долой, прямо къ икрѣ носомъ...—Помилуйте!..—Два!!..—Никогда больше не буду! простите, миленькія! — Тогда прощу, когда отъ икры ни зернышка не останется! А покуда не доѣшь, бить будемъ!.. Вотъ какіе дьяволы!.. — Жри! — кричитъ,— да безъ передышки! И ничего не подѣлаешь: сожрала!.. Потому что, едва голову подыметъ, Ѳедосья ее трахъ!.. Не диво, что послѣ такого угощенія на икру смотрѣть не захочешь!..

Адель тоже повѣствовала!

— Жила у насъ одна буластовская, Клавдинька... Та, бывало, все по ночамъ съ постели срывалась. — Куда ты?.. — Прасковья Семеновна кличутъ!.. — Очнись, глупая...—Пусти, пусти!.. щипать станетъ!..

Рюлина узнала о смущеніи Марьи Ивановны и лично ее успокоила.

— Слово тебѣ даю, что этого не будетъ. Зачѣмъ? Я совершенно тобою довольна. Если бы я хотѣла съ тобою разстаться, то уже разсталась бы: Буластова мнѣ за тебя пятнадцать тысячъ надавала.



X.

Есть натуры, женскія въ особенности, которымъ всякая властность, хотя бы и самая порочная, нравится и импонируетъ, въ которыхъ чувство принадлежности быстро переходитъ въ привычку и, при не совсѣмъ дурномъ обращеніи, даже во что-то вродѣ привязанности. Лусьева была изъ такихъ. Она поработилась Рюлиной съ дѣтскою легкостью и вскорѣ стала въ ея домѣ настолько же позорно своею, какъ Адель и Люція. Ея давно уже не стерегли, слѣдить за нею внѣ дома тоже перестали, — мало того: когда въ домѣ появилась новая «крестница» Полины Кондратьевны, бѣленькая и глупенькая нѣмочка, едва перешагнувшая за шестнадцать лѣтъ, Рюлина поручила надзоръ за нею Машѣ,—такъ увѣрилась старуха, что загубленной до конца дѣвушкѣ некуда идти, да уже и нѣтъ у нея воли на уходъ. Нельзя человѣку, очутившемуся въ позорномъ и

гибельномъ положеніи, жить безъ надежды, выйти изъ него когда-нибудь. Хранили этотъ миражъ будущаго и невольницы «генеральши». Онѣ не разъ слыхали отъ своей повелительницы и вѣрили, что Полина Кондратьевна уже устала вести свое огромное и трудное предпріятіе и намѣрена вскорѣ забастовать, а при забастовкѣ сломаетъ свой роковой шкафъ, сожжетъ въ каминѣ роковые пакеты и отпуститъ всѣхъ на волю.

— Она бы давно ликвидировала, да все проигрываетъ.

Въ самомъ дѣлѣ,—умная, ловкая, властная старуха имѣла чуть ли не единственную слабую струнку въ характерѣ,—зато и господствовала же надъ нею струна эта! Демонъ игры владѣлъ Рюлиной безпрекословно. Не смотря на очень значительный доходъ, она никакъ не могла собрать капитала для жизни рентою, о которой мечтала уже лѣтъ пятнадцать. То разоряла ее биржа, то обижали карты и тотализаторъ, то ощипывала рулетка.

— Хоть бы вы любовника завели на старости лѣтъ,— язвила ее Адель,—чтобы билъ васъ и не позволялъ вамъ просвистываться!

И старуха, которая въ другихъ случаяхъ не терпѣла— куда ужъ насмѣшекъ надъ собою!—взгляда безъ почтенія, жеста неуважительнаго,—на этотъ выговоръ конфузилась, отмалчивалась, отсмѣивалась.

— Не надо ворчать, Адель! Если выиграю, пойдетъ тебѣ же на приданое.

— Смотрите: монхъ не продуйте!—безнадежно возражала Адель.

Ей искренно хотѣлось, чтобы игра не сбивала старуху съ пути къ ликвидаціи. Она находила, что пора имъ сойти съ опасной сцены.

— Не всегда счастье. Такъ нельзя надѣяться, что можно процвѣтать вѣчно. Столько конкурренток, каждый день новыя... Положимъ, по дѣлу, намъ никто изъ нихъ не опасенъ. Но въ профессію начинаетъ влѣзать такая шваль...

отъ нихъ всего сквернаго слѣдуетъ ждать!.. Каждый день возможенъ доносъ, скандалъ, и все полетитъ къ чорту!.. Да, наконецъ, надо же когда-нибудь и просто остепениться! Я совсѣмъ не намѣрена покончить свою жизнь въ этихъ милыхъ трудахъ... Я отдала имъ болѣе двадцати лѣтъ жизни... Въ день моего четверть-вѣкового юбилея, я говорю: баста!—и складываю оружіе... Пора жить!—жить, чортъ возьми, а не прокисать въ работѣ!

Маша долго не могла повѣрить, что Адели уже сорокъ лѣтъ: до того казалась моложава, крѣпка и здорова эта красивая женщина, скованная лѣтъ на девяносто жизни.

— Бываютъ же такія желѣзныя!—завидовали ей всѣ.—Она и спитъ-то въ полглаза, точно кошка,—право!

— Если надо, хоть трое сутокъ могу не спать!—похвалялась сама Адель.

Она была педантично воздержанна въ своемъ общемъ житейскомъ режимѣ,—сколько позволяла профессія, разумѣется. Вина она выпивала обязательно поллитра въ день, одного и того же, краснаго, довольно высокой марки, и ужъ больше нельзя было заставить ее выпить никакими просьбами,—хоть насильно въ ротъ лей. Но спаивать цѣлыя компаніи и самой среди нихъ разыгрывать полупьяную—была великая мастерица. Рестораторы ее обожали, потому что не было въ Петербургѣ равной искусницы опустошить всѣ, близъ стоящія бутылки на столѣ, не выпивъ изъ нихъ ни глотка... Совершенно исключительная физическая сила, ловкость и гибкость ея приводили рюлинскихъ женщинъ въ изумленіе.

— Мнѣ бы въ циркѣ гимнасткою быть или наѣздницею,—говорила она.—Жалѣю, что съ молоду не занялась..

— Это она закалилась, подмерзая въ корзинѣ на моемъ крыльцѣ!..—объясняла Полина Кондратьевна, вспоминая, что нѣкогда нашла Адель, трехнедѣльнымъ ребен-

комъ, на подъѣздѣ барскаго дворца въ подмосковной усадьбѣ графа Принскаго. Происхожденіе подкидыша, однако, было выслѣжено, и родители Адели приведены въ извѣстность.

— Порода хорошая!—хвалилась собою Адель —Здоровая, южная кровь!

— Но вѣдь маменька ваша, сказываютъ, была изъ волоколамокъ,—вотъ, что лѣтомъ приходятъ малину убирать?—язвила ее Ольга Брусакова.

Адель невозмутимо возражала:

— Зато родитель французъ, провансалецъ. Онъ до сихъ поръ служитъ главнымъ управляющимъ у графини Лотосовой... то есть числится и жалованье отличнѣйшее получаетъ, а ужъ какая можетъ быть въ его годы служба! Графинѣ восемьдесятъ пять, ему семьдесятъ... развалины!.. Такъ,—награжденъ свыше мѣръ въ воздаяніе за прежнюю любовь и заслуги. Она его, говорятъ, у самой Ригольбошъ отбила и въ Россію увезла!.. Замужъ за него хотѣла выйти, да графъ развода не далъ, а, когда онъ померъ, уже и охота прошла.

Адель выросла у Полины Кондратьевны за дочь и, кажется, никогда съ нею не разставалась. Она была единственною привязанностью Рюлиной, женщины безъ родственниковъ, совершенно одинокой. Старуха даже ревновала ее, если у Адели заводилась какая-нибудь не дѣловая дружба. Влюблена Адель, по собственному своему признанію, не была ни разу и ко всякому амурному томленію относилась съ большимъ презрѣніемъ.

— Блажь!

— Ну, а вдругъ влюбишься?

— Нельзя влюбиться. Глупое слово! Можетъ только блажь найти.

— Ну, хорошо, пускай блажь!.. Какъ ты будешь, если блажь найдетъ?

Адель усмѣхалась.

— Переселюсь на нѣсколько дней въ шестой номеръ и не вернусь, покуда не просвѣтлѣютъ мозги... Такъ, знаешь, чтобы о мужчинѣ и думать противно было... Вотъ,— какъ Фіаметтѣ про икру...

Въ шестомъ номерѣ жилъ Ремешко и два его товарища, тоже причастныхъ къ дѣлу госпожи Рюлиной.

При всей своей нелюбви дѣлиться Аделью съ кѣмъ-либо, старуха, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, посылала ее въ Москву къ отцу, о которомъ былъ слухъ, что онъ очень денежный человѣкъ.

— Старикъ,—разсказывала Адель,—очень удивился и обрадовался, что у него такая красивая дочь. Сразу мнѣ повѣрилъ, да нельзя и не повѣрить: я вылитый его портретъ... Но — вотъ матери моей никакъ не могъ припомнить.—Ахъ,—говоритъ,—chèrie! ихъ у меня тогда столько было!..—Да тряхните памятью: Аленой звали...—Mais oui, mon enfant! Toujours, comme ça: les Alionas et les Axinias... une grosse foule de pauvres creatures!..

— Такъ и не знаете?

— Помилуй, ma petite, какъ ты хочешь, чтобы я зналъ? Вѣдь я управлялъ вотчиною въ десять тысячъ душъ!.. Да! И обо мнѣ даже одинъ вашъ извѣстный сочинитель драму написалъ!.. Про меня и про графиню! Ба! Я самъ видѣлъ: въ театрѣ представляли,—и очень хорошо. Вотъ какой я былъ молодецъ!.. Гдѣ же было считать ихъ всѣхъ, les Alionas et les Axinias?!..

— Подарилъ мнѣ, однако, образъ Святой Цециліи и локонъ волосъ: это, говоритъ, кудри моей матери, а твоей бабушки... une déesse! une sainte! á genoux, mon enfant! Это принесетъ тебѣ счастье... И плачетъ... Бонна его или лектрисса, что ли, все мимо насъ шныритъ, разряженная такая, морда надутая, съѣсть меня хочетъ... Я было подластиться къ ней хотѣла:—Что вы, миленькая, противъ меня имѣете? Вы не бойтесь: я, какъ пріѣхала, такъ и уѣду... не отбивать хочу вашего старика: я дочь!..—Вижу, отвѣчаетъ,

что дочь, обличье обозначаетъ... да ужъ больно много васъ, сыновей-дочерей, къ нему шляется.... Я свой хабаръ оберегать должна, — пускать перестану. Кто васъ знаетъ, зачѣмъ? Онъ старикъ слабый... Ну, а потомъ мы съ нею очень сошлись. Преумная баба оказалась и теперь даже помогаетъ намъ немножко по дѣламъ, когда случаются въ Москвѣ... И вообразите: сколько насъ, «дочерей-сыновей», къ старику не являлось, онъ всѣмъ, оказывается, дарилъ по Святой Цециліи и по локону своей матери... Надо полагать, бабушка моя была вродѣ Анны Чилягъ,— вотъ, которая въ газетахъ рекламы своимъ волосамъ печатаетъ, а то и сама Юлія Пастрана!..

У Адели былъ женихъ—настоящій женихъ, дѣловой, un vrai homme d'affaires: изящный и довольно красивый, тоже лѣтъ сорока, французъ, коммивояжеръ крупной парфюмерной фирмы, очень хорошо освѣдомленный о профессіи своей невѣсты, потому что былъ давнимъ поставщикомъ на знаменитую модистку Юдифь, поставщицу Рюлиной. Но французскій буржуа, покуда дѣлаетъ карьеру, не имѣетъ предразсудковъ на счетъ происхожденія капитала. Цѣломудренныя негодованія осѣняютъ его вмѣстѣ съ рентою. А до тѣхъ поръ—les affaires sont les affaires.

— Когда у меня будетъ сто тысячъ рублей,—мечтала Адель,—я скажу всѣмъ вамъ mes adieux!.. Мы съ Этьеномъ обвѣнчаемся и уѣдемъ жить въ Монпелье; это его родной городъ, и онъ надѣется пріобрѣсти тамъ очень выгодно превосходную фабрику душистаго мыла... Современемъ онъ будетъ депутатомъ, а я первою дамою въ округѣ!..

Но надежды ея то и дѣло разбивались проигрышами Рюлиной, какъ о подводные камни.

— Ахъ, если бы не эта проклятая страсть! — вздыхала Адель.—Полина Кондратьевна—я не знаю, на что способна!.. просто, кажется, міръ покорила бы! Я выросла при ней, воспитана ею, съ пятнадцати лѣтъ работаю съ нею вмѣстѣ, и,—кромѣ игры проклятой: биржи, рулетки,

тотализатора, картъ, — не могу назвать ни одного ея ложнаго шага!.. Вина она не пьетъ, ѣстъ — не гурманствуетъ, мужчины для нея не существуютъ... самый восхитительный темпераментъ, идеальный характеръ для дѣлъ!.. Но вотъ — все грабитъ игра!.. И, притомъ, какая несчастная игра!.. Бываетъ, что ей мѣсяцами не везетъ... Случалось, что мы закладывали брильянты!.. Да!.. У Юдиѳи — состояніе, у Перхуновой — капиталъ, Буластиху можно считать въ сотняхъ тысячъ, а у насъ самая шикарная кліентура и дѣла идутъ блестящѣе всѣхъ, но мы закладываемъ брильянты!

Картежные вечера, и по очень крупной, устраивались довольно часто въ домѣ самой Рюлиной — въ одной изъ квартиръ нижняго этажа, обращенныхъ во дворъ. Буластиха, Перхунова, Юдиѳь и наиболѣе фаворитныя факторши Рюлиной бывали при этомъ частыми, а иныя и непремѣнными участницами.

* * *

Въ одну изъ такихъ игорныхъ ночей, Машу, поздно вернувшуюся съ бѣленькою нѣмочкою изъ театра и давно уже спавшую крѣпкимъ сномъ въ своей «каютѣ», разбудила заспанная, зѣвающая Люція.

— Вставай, одѣвайся... тебя требуетъ Полина Кондратьевна.

— Чего ей?—недовольная, сонная, зѣвала въ отвѣтъ Маша.

— Песъ ее знаетъ, зачѣмъ... Приказываетъ Аделька по слуховой трубѣ, чтобы ты одѣлась получше и шла внизъ, въ восьмой номеръ... Надо быть, графскіе нагрянули...

— Шляются... безсонные черти!

Когда Марья Ивановна, принарядившись, явилась на зовъ, ее прежде всего ошибъ пьяный, дымный воздухъ комнаты, словно тутъ кутила цѣлая команда пожарныхъ. Ей бросился въ глаза рядъ развернутыхъ, исписанныхъ мѣ-

ломъ, ломберныхъ столовъ и, въ особенности, одинъ, у котораго стояла Адель,—съ двумя электрическими лампами-шандалами, съ грудою картъ на немъ и подъ нимъ. Надъ богатымъ, но уже очень опустошеннымъ, закусочнымъ столомъ возвышалась, въ табачномъ туманѣ, какъ нѣкое красное облако, широкая выпуклая спина тучной женщины въ пунцовомъ шелку. Марья Ивановна, съ обычнымъ испугомъ, узнала Буластову. Та,—на шумъ платья Лусьевой,—повернула къ ней красное, въ тонъ туалета, толстое лицо, заулыбалась, закивала. Сердце у Маши дрогнуло... Адель, хмурая и блѣдная, стоя у карточнаго стола, злобно чертила по сукну мѣломъ. На Машу она не подняла глазъ, только, заслышавъ ее, нервно передернула плечами. Были тутъ и Перхунова, и Юдиѳь, и еще нѣсколько женщинъ, незнакомыхъ Машѣ. Всѣ онѣ казались полупьяными и утомленными. Но всѣхъ страшнѣе была сама хозяйка—Полина Кондратьевна. Она сидѣла въ глубокомъ креслѣ, совсѣмъ обезсилѣвшая, точно разваренная, даже свинцовая какая-то съ лица; полусѣдой чубъ ея развился на лбу и налипъ мокрыми косичками, по румянамъ на щекахъ проползли черныя борозды, глаза тупо и тускло таращились въ одну точку.

— Марья,—сказала она сиплымъ, не своимъ голосомъ, впервые за всѣ три года называя Лусьеву по имени — Я, Марья, того... Ну, да что ужъ тутъ!.. не везетъ! Вотъ, Прасковья Семеновна, извольте получить... при свидѣтеляхъ...

— Такъ точно, душечка Полина Кондратьевна, при свидѣтеляхъ!..—отозвалась Буластова тонкимъ и веселымъ голосомъ, ловя съ тарелки вилкою румяный кусокъ семги. Все по чести и въ аккуратѣ!..

— Какъ слѣдствуетъ!..—сипло поддакнула какая-то изъ «дамъ»...

Полина Кондратьевна обвела всѣхъ своимъ мертвымъ взглядомъ и продолжала:

— Такъ вотъ... я, Марья, отъ тебя отказываюсь, ты мнѣ больше не слуга... Теперь будетъ твоя госпожа Прасковья Семеновна... цѣлуй ручку.

Кровь хлынула въ голову Машѣ. Такъ и шатнуло ее... Буластиха улыбалась ей, жуя семгу, маслянистымъ ртомъ и протягивала тяжеловѣсную, мяспстую, въ кольцахъ лапу.

— Цѣлуй, скорѣе цѣлуй...—послышался за спиною Маши быстрый, трепетный шепотъ взволнованной Адели.

Маша едва, соображая, что̀ съ нею сдѣлали, что̀ она сама дѣлаетъ, нагнулась къ протянутой рукѣ.

— Испужались?—сказала Буластова, съ тою же торжествующею и жеманною улыбкою, голосомъ сдобнымъ, звонкимъ и пѣвучимъ, какъ у охтенки.—А вы не пужайтесь. У меня вамъ, душенька, будетъ оченно—какъ прекрасно... Бумаженки и причандалы ейныя у васъ, Аделичка, будутъ?—обратилась она къ Адели.

— Ключи дайте!—грубо крикнула та на безпомощную Полину Кондратьевну. Старуха, молча, трясущеюся рукою, вынула изъ сумочки на поясѣ связку ключей.

— Пожалуйте, примите!..—отрывисто и мрачно обратилась Адель къ Буластовой.

— Ѳедосья Гавриловна,—хозяйски приказала Буластова одной гостьѣ, высокой и плечистой бабѣ-гренадеру, угрюмой съ виду и даже не безъ усовъ.—Сядь, голубушка, рядомъ съ барышней, возьми ея за ручку, покуда мы не вернемся...

— Не отнимемъ ее у васъ,—обидѣлась Адель.—Что это вы, право, Прасковья Семеновна.

Ты возражала уже на ходу.

— Ахъ, милая, какъ вы могли подумать?—развѣ я отъ васъ надѣюсь? А бываетъ, что бѣгаютъ...

— Куда отъ насъ бѣжать? Ей бѣжать совсѣмъ некуда.

— Конечное дѣло, что некуда. Да, вѣдь глупы онѣ, дѣвки, соображенія не имѣютъ. Мало ли что имъ въ фантазію вступитъ? Домъ же у васъ огромаднѣйшій, имѣетъ

многіе выходы, богатѣйшее помѣщеніе... Выскочитъ барышня на улицу,—возись съ нею!.. Другія тоже, случается, стекла бьютъ, скандалы дѣлаютъ...

— Не таковская.

— Ахъ, не скажите! Ахъ, ангелъ мой, и очень вы мнѣ этого не говорите! Ни одна дѣвушка сама характера своего не знаетъ, и, чего вы можете отъ нея съ большою внезапностью ожидать, этого вы напередъ знать никакъ не въ своемъ состояніи.

Баба-гренадеръ исполнила повелѣніе хозяйки въ точности и, для вѣрности, даже обняла Машу за талію, такъ что, сидя съ нею плечемъ къ плечу, перепуганная, ошалѣвшая дѣвушка чувствовала себя въ желѣзномъ обручѣ. Рюлина смотрѣла на Машу, качала головою и говорила:

— Ужъ извини, Марья,—никогда я не думала такъ съ тобою разстаться, но, видно, такая твоя судьба... Жаль мнѣ тебя отдавать, ужасно жаль!.. Не будетъ у меня другой такой слуги... Бить меня некому, старую дуру!..

— Зачѣмъ вы меня продали, Полина Кондратьевна?—зарыдала дѣвушка.

Старуха сконфузилась и ничего не отвѣтила,—только развела руками.

— Онѣ васъ не продали,—толсто кашлянувъ, сказала басомъ баба-гренадеръ,—мы васъ въ карты выиграли...

Маша обомлѣла. Женщины захохотали. Рюлина посизѣла вся въ лицѣ и еще глубже осунулась въ своемъ креслѣ.

Въ каретѣ увозившей Машу навсегда отъ Рюлиной, среди двухъ мощныхъ ея тѣлохранительницъ, Буластова опять повторила:

— Не пужайтесь, убѣдительно васъ прошу! Ежели вы будете противъ меня разсудительная и аккуратная,—какъ въ раю проживете, непріятностевъ отъ меня не узнаете. Я васъ, Марья Ивановна, оченно цѣню. Я за васъ,—

вотъ какъ вы есть, въ однѣхъ шубкѣ-платьишкѣ, безъ всякаго приданаго, на девятнадцать тыщъ шла. Кабы вышла не моя карта, я должна была платить девятнадцать тыщъ... Опосля того васъ оченно можно сберегать... Вы не пужайтесь...

XI.

Дѣло Прасковьи Семеновны Буластовой было устроено на совсѣмъ иныхъ основаніяхъ, чѣмъ у Рюлиной. Она не признавала женщину своею, покуда не забирала ее къ себѣ въ домъ, подъ прямой гаремный надзоръ.

— Вся должна быть у меня въ кулакѣ! Нѣтъ у тебя своего! Кускомъ моя!

Дѣло было мельче рюлинскаго, но шире. Домовъ, то-есть квартиръ, населенныхъ невольницами, Буластова имѣла въ городѣ множество: по словамъ Лусьевой, не меньше пятнадцати,—все маленькія, рублей по четыреста, по шестисотъ годовыхъ. Болѣе обширную, но опять-таки не цѣлый особнякъ, какъ Рюлина, но лишь длинный бель-этажъ занимала только сама Прасковья Семеновна,—это называлось «корпусъ». Помѣщеніе было выбрано очень ловко: подвалъ и нижній этажъ подъ «корпусомъ» были заняты рядомъ нежилыхъ торговыхъ складовъ и магазиновъ, въ третьемъ этажѣ угнѣздилось, по долгосрочному

контракту правленіе какого то «Анонимнаго общества Пережиганія Печорскихъ Лѣсовъ въ Древесный Уголь», пустовавшее съ пяти часовъ дня до одиннадцати утра, да и въ пріемные часы свои не слишкомъ посѣщаемое. Выше обитала хозяйка моднаго заведенія, рабски связанная съ Буластовою постоянною на нее работою, а въ пятомъ этажѣ ютились захудалыя меблированныя комнаты, близость которыхъ была Буластовой даже и на руку. Другой «корпусъ», поменьше, находился совсѣмъ въ противоположной части города и управлялся сестрою Буластовой — Пелагеей Семеновной; третьимъ, маленькимъ особнякомъ на Петербургской сторонѣ, командовала та самая Анна Тихоновна, что впослѣдствіи привезла Машу Лусьеву, подъ эгидою баронессы Ландіо, въ городъ К. Въ маленькихъ квартиркахъ жило по двѣ, много по три женщины, подъ фирмою какой-либо, приличной на видъ и по паспорту, дуэньи, вродѣ той же баронесы Ландіо,—на нее писалось помѣщеніе по домовой книгѣ. Для услугъ давались кухарка, горничная и особа, игравшая въ квартирахъ получше роль экономки, а гдѣ попроще—дальней родственницы—сожительницы: обыкновенно, эта госпожа бывала дѣйствительною распорядительницею квартиры, отвѣтственною передъ Буластихою, приказчицею на отчетѣ. Наконецъ, защита всѣхъ этихъ женщинъ противъ случайностей ихъ опаснаго промысла выражалась въ «жильцѣ» или «жильцахъ»—колоссальныхъ парняхъ, которые будто бы нанимали въ квартирахъ «свободную комнату съ мебелью», въ дѣйствительности же сами еще получали жалованье и обязаны были, когда въ квартиркахъ появлялись гости, исполнять обязанности лакеевъ, а въ случаѣ дебоша и буйства переходить на роли тѣлохранителей-вышибайлъ.

— Помните, дьяволы, уговоръ: чтобы у меня ни грабежа, ни кражъ!.. а—ни-ни!—грозила Буластиха.—Ежели даже гость твоихъ фокусовъ-мошенствъ не примѣтитъ, но я провѣдаю, то въ Сибири сгніешь!.. А ужъ отъ меня-то,

братъ, не спрячешься: я васъ всѣхъ насквозь, да еще на три аршина подъ тобою въ землю вижу!.. И не за кражу свою сгніешь, а за то—*за свое*... за другое, прежнее... Понялъ? У каждаго изъ васъ, голубчики, довольно есть такого, чтобы въ тюрьмѣ сидѣть. Моими милостями отъ кандаловъ бѣгаете. Когда счета подаешь,—приписывай, сколько влѣзетъ: что сверхъ моихъ марокъ возьмешь, первое счастье—экономкино, второе—хозяйкино, третье—твое. А воровать—Боже сохрани! У меня служи по чисту, по благородну...

Трепетали ея всѣ, потому что мясистый кулакъ ея, въ случаѣ провинности, не разбиралъ возраста и пола, и усатыя лица «жильцовъ» обливались кровью изъ «хрюкала» такъ же легко и покорно, какъ и нѣжное личико беззащитной семнадцатилѣтней дѣвочки, не угодившей своему «гостю».

— У меня, батюшка, отецъ родной, для гостя—рай,—убѣждала Буластиха своихъ пріятелей-кліентовъ,—ни тебя опоятъ, ни тебя окурятъ, часовъ-кольцовъ не снимутъ, бумажника въ карманѣ не тронутъ...

— Это хорошо, мать командирша, что совѣсть помнишь!

— Буластова ухмылялась.

— Ну, совѣсть!.. Гдѣ въ нашемъ дѣлѣ совѣстью заниматься?!.. Не то, чтобы совѣсть, а—не разсчетъ. Съ очень толстымъ бумажникомъ ты, купецъ милый, какъ будучи человѣкъ торговой души, ко мнѣ въ большой разгулъ не поѣдешь. А тыщу, другую съ тебя снять—рукъ марать не стоитъ: коли въ задоръ войдешь, самъ больше оставишь!.. Кабы на сто тысячъ, на пятьдесятъ, ну—на двадцать на пять,—это еще куда бы ни шло руку закинуть! А, что менѣ,—скандалъ на тое же сумму влетитъ... Полиція, да судъ, да гезетишки... погибель!

Шантажныя оковы, которыми удерживала своихъ невольницъ Рюлина, Буластова цѣнила очень мало.

— Барская затѣя, и страхъ отъ нея барскій,—объясняла она.—Когда дѣвица въ моихъ рукахъ, я ее завсегда такъ расположить могу, что, окромя энтого самого, никакой другой угрозы супротивъ нея уже и не требуется. Чего ее старымъ страмомъ стращать? Живетъ у меня, вотъ те и весь страмъ... довольно! Энто у Рюлиной субтильности-миндальности, потому—графы, бароны, калегварды... А меня, батюшки, кормятъ Калашниковская пристань, да Гостинный дворъ. Моя публика—хо-хо-хо!.. Уходи отъ меня, пожалуй: Рюлина со всѣми своими пакетами того не сдѣлаетъ, какъ я тебя безъ пакета по всей Рассеѣ затравлю!.. Отъ меня—ежели не на выкупъ, такъ—на бланку, въ разрядъ, по книжкѣ... другихъ ходовъ нѣтъ.

По этому разсужденію, невольницъ на «пакетѣ» у нея подъ началомъ имѣлось, дѣйствительно, немного. Преобладающее большинство составляли просто тайныя проститутки, по ремеслу, скрываемыя и скрывающіяся отъ полиціи. Элементъ, которымъ Рюлина брезговала, здѣсь почитался главнымъ въ дѣлѣ.

Затворничество соблюдалось строжайшее. Шпіонство было развито стихійно. Хозяйки шпіонили за экономками, экономки за хозяйками, «жильцы», прислуга, женщины—всѣ были связаны взаимнымъ наблюденіемъ и доносами. Буластиха знала всегда и все по всей своей сѣти. Память у нея была огромная,—точно губка, всасывающая сплетни. На невольницъ она принимала жалобы ото всѣхъ, невольницы жаловались съ успѣхомъ лишь, когда ихъ дурно кормили: на этотъ счетъ Буластиха была очень внимательна и предусмотрительна,—всѣ остальныя претензіи она пропускала мимо ушей, а надъ иными прямо издѣвалась:

— Говоришь,—экономка по щекамъ тебя прибила? Больно?

— Ужасно больно, Прасковья Семеновна.

Трахъ!!!.. у дѣвушки сыпятся искры изъ глазъ отъ неожиданной оглушительной пощечины.

*

— Такъ больно или еще больнѣе?—хохочетъ Буластиха.

— Прасковья Семеновна! — бросается къ ней дѣвушка,—не велите «жильцу» ко мнѣ приставать... Я его видѣть не могу, а онъ бить грозится, насильно приказываетъ...

— Дуракъ, что еще не бьетъ,—хладнокровно возражала Буластиха. Дура! Убудетъ тебя, что ли?

— Заступитесь!.. Противенъ онъ мнѣ!..

— Ну, да! Только и есть мнѣ дѣла, что твои капризы разбирать. Ты, дѣвушка, съ «жильцомъ» не вздорь. Жилецъ вашей сестрѣ человѣкъ завсегда самый нужный. Жильцу угоди.

Невольницы въ корпусахъ считались болѣе почетными, чѣмъ невольницы мелкихъ квартирокъ. При себѣ Прасковья Семеновна поселяла тѣхъ, которыми наиболѣе дорожила, но ея отвратительный, свирѣпый характеръ дѣлалъ это нерадостное отличіе почти-что наказаніемъ. При вступленіи Маши, въ корпусѣ жило пять дѣвушекъ, изъ нихъ ни одной интеллигентной. Роль примадонны за отсутствіемъ «Княжны», разыгрывала великолѣпная волжская красавица Нимфодора, бѣлотѣлое созданіе, съ глазами рѣпою, которое никакъ не могло запомнить собственнаго своего имени. При первомъ знакомствѣ съ нею Маши, Нимфодора была въ слезахъ: ей только-что досталось отъ хозяйки,—зачѣмъ была дура-дурою при великатномъ гостѣ?..

— И гритъ этто онъ, злодѣй,—всхлипывала Нимфодора предъ Машею и хорошенькою, какъ молодой хищный звѣрь, гибкою, черною, глазастою, знойною и опасною еврейкою Фраскитою,—и гриттъ онъ этто мнѣ, голубушки моп:—Такъ, стало быть, гритъ, сударыня, должонъ я понимать васъ изъ благородныхъ?.. Я ему все, какъ Ѳедосья Гавриловна учила, сичасъ объясняю:—А вотъ вамъ, кавалеръ, какъ Богъ святъ, Мать Пречистая Богородица, что тятенька у меня майоръ, а маменька... какъ ее, песъ-дья-

волъ?—адъютанша...—Удивительно! гритъ. Я ему на то:—А, какъ есть, ничего не удивительно, потому что, стало быть, у мово родителя лента черезъ всее плечо и, выходитъ, остаюсь я теперича предъ вами полковницкая дочь...

— Это,—про ленту-то,—тоже Ѳедосья Гавриловна тебя учила?—язвила и хохотала хорошенькая Фраскита.

Нимфодора уставила на нее свои унылые глаза, какъ телка, созерцающая новый заборъ.

— Н-н-не... про ленту я сама...

— Зачѣмъ же?

— А гадала, что баско... Мать-кормилица! Что-жъ мнѣ?—ужъ и слова своего не скажи? Чать, я не для худого, своей же хозяйкѣ стараюсь...

— Ну! ну!—наслаждалась злорадствомъ Фраскита.

— Ну... онъ, аспидъ холодный, все вида не подаетъ, въ сурьезѣ сидитъ, комедь ломаетъ...—А образованіе, гритъ, свое—вы, я въ томъ увѣренный, въ ниверситетѣ имѣли?.. Я,—какъ и что въ томъ разѣ сказать, не ученная,—политично отвѣчаю ему въ обинякъ, съ учтивостью:—Это милосливый государь, не отъ насъ зависимое, а какъ тятенька съ маменькою предѣлятъ...—Очень похвально, гритъ, милосливая государыня, правильное имѣете разсужденіе, одобряю. А имечко ваше святое какъ? Я, сдѣламши ему съ пріятностью глазки, натурально запрошаю:—А вамъ на что? Можетъ, это мой тайный секретъ?—Да все же, гритъ. —Ну, зовите хучь Олею...—Ну, что Оля: врете все... хороша Оля, да съ ней недоля!.. вы заправское имя скажите!..—А ужъ ежели хотите знать заправское, то зовутъ Помидора... А онъ, что же, чортъ зѣвластый? Какъ загогочетъ... ровно боевой гусакъ! И сейчасъ же экономку, Раису Михайловну, кличетъ.—Вы бы, гритъ, плутовки, поддѣльщицы питерскія, свою полковницкую дочь хоть врать складно выучили!.. одно съ вашей стороны ко мнѣ невниманіе и мошенство! Такъ ужъ только за красоту не увѣчу, да что деньги впередъ заданы.

Двѣ дѣвушки были изъ безличныхъ, но красивыхъ и бойкихъ петербургскихъ нѣмокъ. Пятая и послѣдняя— особа уже лѣтъ тридцати пяти, или казавшаяся на столько по старообразію, превосходно сложенная, хотя и сильно ожирѣлая,—была очень некрасива грубымъ, что называется, носорожьимъ лицомъ «кожевеннаго товара», съ большими бѣлесоватыми глазами и носомъ, изучавшимъ движеніе планетъ на небеси.

— Нѣтъ ничего, чтобы Антонина не могла рискнуть! А ругается она какъ органъ! Если заведетъ, будетъ сыпать четверть часа, не передыхая, и все разныя слова!.. Купцы ее за это страсть обожаютъ!

Столь исключительными данными объяснялось, почетное не по наружности, мѣсто Антонины въ буластовскомъ дѣлѣ. Кромѣ того у нея былъ чудеснѣйшій контральто, которымъ она мастерски пѣла подъ гитару цыганскія пѣсни. За этотъ талантъ и за грубую, мужественную развязность, Антонина и между товарокъ занимала привиллегированное, господствующее мѣсто. Нѣмки ее обожали и чуть не дрались между собою за близость къ ней: кто дружнѣе? А Антонина обходилась съ ними небрежно и повелительно.

Эта женская компанія приняла Машу не то, чтобы враждебно, но съ тѣмъ насмѣшливымъ злорадствомъ, какимъ люди въ скверномъ положеніи сами встрѣчаютъ падающихъ въ него новичковъ: была рюлинская, стала буластовская, значитъ, не въ гору, а подъ гору, не на поверхность, а ко дну.

— Ты угости барышень на новоселье — посовѣтовала Лусьевой въ первый же день звѣроподобная Ѳедосья Гавриловна.—Скорѣе подружишь.

— Я рада, но денегъ нѣтъ.

— Пустое дѣло: отпущу всего, что спросишь, проставлю на счетъ. Хоть на сто рублевъ!

Огромною выгодою обитательницъ корпуса передъ квартирными было отсутствіе «жильцовъ». Мужское на-

селеніе корпуса представляли кучеръ и, по жаргону дома, «слоны»—два гиганта-лакея, одинъ лѣтъ тридцати пяти, другой уже къ пятидесяти. Кучеръ былъ женатъ на одной изъ горничныхъ корпуса, а гиганта оба,—хотя могли бы поставить себя въ отношеніи невольницъ на ту же ногу, что и жильцы по квартирамъ, и ужъ, конечно, не Прасковья бы Семеновна имъ запретила, — пренебрегали своими возможными привиллегіями. Младшій — потому, что былъ безумно и безъ всякаго успѣха влюбленъ въ Фраскиту и, перенося отъ нея тысячи обидъ, насмѣшекъ и непріятностей, не поднималъ даже взгляда на другихъ женщинъ.

— Отъ Федора — Фраскиткина смерть! — пророчила густымъ своимъ голосомъ опытная Антонина.

— Развести бы ихъ?—рекомендовала Ѳедосья Гавриловна.

Прасковья Семеновна презрительно фыркала:

— На кой лядъ? Чтобы энтотъ буйволъ вовсе рехнулся отъ ревности, да разъ по десяти на день бѣгалъ ее провѣдывать? Забыла, какъ онъ въ прошлую зиму изломалъ Ваньку Кривулю? Того еще не хватало, чтобы «жильцы» другъ на дружку смертнымъ боемъ шли!

Лусьева никогда ни раньше, ни позже не видала человѣка, такъ страстно влюбленнаго, какъ Федоръ. Это было настоящее сумасшествіе отъ любви. Онъ совсѣмъ разучился говорить, цѣлыми днями молчалъ и все думалъ. Если Фраскита была у него на виду, онъ не отводилъ отъ нея глазъ. Въ остальное время сидѣлъ въ передней на скамьѣ и тупо смотрѣлъ на носки своихъ сапоговъ, гвоздя мозги одною и тою же больною мыслью.

— Зарѣжетъ тебя Федька! — всѣ въ одинъ голосъ остерегали Фраскиту.

Она, гордо раздувая сильныя ноздри типичнаго еврейскаго носа, говорила:

— А ну?!

Буластова, дорожа Федоромъ, увѣщевала его:

— На кой дьяволъ она тебѣ далась?

— Жениться... желаю...

— Нашелъ на комъ! Лучше не выберешь?

— Не желаю.

— Да и какъ женишься? Ты русскій, она еврейка.

— Выкрещу.

— А если не захочетъ.

— Въ Турцію увезу, тамъ есть городъ Солоника... Я ужъ знаю, былъ. Тамъ греческіе попы за лиру кого съ кѣмъ хошь...

— Однако, парень, у тебя это обмозговано!.. — съ почтительнымъ любопытствомъ разсматривала его Буластова.—А вдругъ не перевѣнчаютъ?

— Ейную вѣру приму.

— Н-ну-у?!

Буластиха только качала головою.

— А лучше бы ты свое это баловство прекратилъ. Такой прекраснѣйшій молодой человѣкъ и изъ себя картина... Плюнь! Одна она что ли? Среди какихъ красавицъ живешь...

— Не желаю... — угрюмо мурчалъ Федоръ, изучая носки сапоговъ.

— Ахъ, чортъ бровастый! Ну, хочешь: прикажу, чтобы жила съ тобою?

— Не желаю... чтобы приказывать...

— Тьфу!

Къ «гостямъ» Федоръ Фраскиту не ревновалъ, а, если ревновалъ, то хорошо скрывалъ скрипѣніе своего сердца: ремесло вѣдь!—но ни одинъ «жиленъ», никто изъ мужчинъ-завсегдатаевъ, часто вхожихъ въ буластовскій вертепъ, не смѣлъ и подумать объ ухаживаніи за Фраскитою. Классическая трепка, которую корпусной «слонъ» задалъ жильцу Ванькѣ Кривулѣ, легендарнымъ предостереженіемъ огласилась по всѣмъ квартирамъ.

— Я у васъ бывать не стану!—оралъ на самое Буластиху чопорный и франтовитый нѣмецъ, домовый годовой врачъ ея, докторъ Либесвортъ: популярнѣйшій въ своемъ родѣ на весь Петербургъ спеціалистъ, съ которымъ, однако, пацієнтки избѣгали раскланиваться при встрѣчахъ. Медицинскимъ надзоромъ этого генія особаго рода буластовскія затворницы были окружены едва ли не съ большею тщательностью, чѣмъ подвергаются ему настоящія регистрованныя проститутки.. Его же услугами предотвращались, рѣдкія въ средѣ этой—невыгодныя для хозяйки,—беременности.—Я не могу! Вашъ «слонъ» дѣйствуетъ мнѣ на не-е-е-ервы!.. Ну, что особеннаго въ томъ, если я даже и увлекся? Ну, разумно васъ спрашиваю,—ну что?! А онъ... этакое грубое (докторъ съ отвращеніемъ произнесъ: «грррэбое») животное!.. Нѣтъ! Я... я... я и гэвэрить о немъ не хочу!.. Однако, мой цилиндръ стоилъ двадцать пять рублей. Вы, madame Буластова, можете вычесть тамъ съ него или какъ вамъ угодно... но я ставлю вамъ въ счетъ двадцать пять рублей! Да-съ!

— Ты что же, обломъ?!—налетала Прасковья Семеновна на Федора.

Тотъ смиренно принималъ плюходѣйствіе, но повторялъ:

— Не желаю... чтобы...

— Хоть бы вы, чертовки, отбили его у Фраскитки которая-нибудь!—озлилась Прасковья Семеновна.—Я, Федоръ, если ты не образумишься, кажись, тряхну стариною, сама за тебя примусь...

— Ваша воля хозяйская,—уныло басилъ созерцатель своихъ сапоговъ,—но токмо я... чтобы въ законный бракъ... желаю...

Другой «слонъ»,—звали его Артамономъ,—былъ человѣкъ дѣлового характера, солидной лакейской складки, читатель газетъ, знатокъ биржевой хроники, скупецъ, мелкій ростовщикъ и въ домѣ, и внѣ дома, человѣкъ съ капиталомъ и съ будущимъ. Онъ уже четвертый годъ жилъ

въ постоянной связи съ «Княжной», о которой Маша еще у Рюлиной слыхала, какъ о главномъ буластовскомъ козырѣ, держалъ ее въ большомъ повиновеніи и новыхъ побѣдъ не искалъ. Когда Маша вступала въ корпусъ, «Княжна» была въ отлучкѣ—подъ охраною все той же Анны Тихоновны, украшала своимъ присутствіемъ Ирбитскую ярмарку.

— Кажную зиму посылаемъ, — повѣствовала Машѣ Ѳедосья Гавриловна.—Прошлый годъ одиннадцать тысячъ хозяйкиной пользы вышло, да Артамонъ четыре билета купилъ... а, чѣмъ Анна Тихоновна и Зоя Маркеловна попользовались, это ужъ ихъ счастье: не разскажутъ! Тоже небось сотъ по семи въ чулкѣ подъ пяткою привезли, а то и всее тыщу!.. Вещи «Княжна» получила... очень значительныя: браслеты, кольца... шубку песцовую... мнѣ чуднѣйшихъ соболей подарила... Потому—такое серединное мѣсто имѣютое купечество!.. Сибиряки рассейскихъ перешибить хотятъ, а рассейскимъ въ капиталѣ уступить амбиція не позволяетъ...

По портрету «Княжна» Машѣ совсѣмъ не понравилась: узкое, длинное лицо малокровной и ужъ не очень молодой блондинки, съ носомъ, тонкимъ, какъ лезвіе ножа, съ маленькими, неласковыми глазами и слащавою, лживою улыбкою на растянутыхъ губахъ.

— Да! — многозначительно подмигнула Ѳедосья Гавриловна, прочитавъ на лицѣ Маши полное разочарованіе.— Рожа не рожа, а таки мордальонъ!.. Одинъ носъ на троихъ росъ, — Княжнѣ весь достался... А зарабатываетъ лучше всѣхъ. Потому что — «Княжна»!.. Нашей публикѣ оно, понимаешь, лестно...

Княжна занимала въ корпусѣ недурную комнату съ маленькой прихожею и альковомъ, красиво отдѣланную,— впрочемъ, за ея личный счетъ. Другія женщины ютились въ грязныхъ, тѣсныхъ каморкахъ-спальняхъ, не видавшихъ ремонта чуть ли не съ легендарныхъ грессеровыхъ временъ. Впрочемъ лучшихъ логовищъ для сна онѣ—лѣ-

нивыя, зажирѣлыя, распущенныя—и не требовали. Нужно было именно логовище, а не жилье: постель, чтобы валяться на ней по цѣлымъ днямъ—«до востребованія» и туалетный столикъ. Никогда ни одна изъ этихъ женщинъ не развлекала себя ни чтеніемъ, ни работою. Надъ рукодѣльницами издѣвались,—и, первая, сама хозяйка. Шить, вязать, вымыть что-либо изъ бѣлья для самой себя считалось позоромъ, униженіемъ: на то горничныя, прачки—паріи ручного труда; аристократки труда поломъ смотрѣли на нихъ съ неизмѣримаго высока, полныя трагикомическаго презрѣнія. Лѣнь и неряшество обстановки отражались неряшествомъ лѣнивыхъ, холеныхъ тѣлъ. Подъ бархатомъ и шелкомъ скрывались грязныя юбки; шею мыли подъ большое или малое декольте, глядя по случаю; въ великолѣпныхъ прическахъ не въ диво были насѣкомыя. Все въ притонѣ было красиво вечеромъ, все грязно и унизительно днемъ. «Гостей» здѣсь, въ комнатахъ барышенъ, конечно, не принимали. Для нихъ имѣлся въ передней и парадной части бель-этажа обширный залъ, убранный съ трактирнымъ шикомъ, и три соотвѣтственныхъ, боковыхъ къ нему покоя, по востребованію превращаемые въ спальни. Если ихъ оказывалось недостаточно лишнія пары переселялась въ меблированныя комнаты пятаго этажа. Притомъ въ смыслѣ «пріема гостей», корпусъ сравнительно мало работалъ, открывая свое большое помѣщеніе лишь для крупныхъ и многолюдныхъ оргій. Маленькія свиданія Буластова предпочитала устраивать по квартирамъ. Маша сперва осталась вовсе безъ комнаты.

— Ужъ я тебя, Машенька, попрошу на первыхъ порахъ, покуда отдѣлается помѣщеніе, потѣснись, поживи у Ѳедосьи Гавриловны.

Буластиха врала: помѣщеніе было, притомъ отличное, и со временемъ Маша именно его и получила. Но хозяйка, по первоначалу, боялась оставить ее жить одну въ отдѣльной комнатѣ.

— А вдругъ удавится? вдругъ убѣжитъ? вдругъ расшибетъ стекла, бросится изъ окна, либо просто устроитъ скандалъ на цѣлую улицу?

Осторожности ради, Машѣ не было поставлено въ комнатѣ Ѳедосьи Гавриловны даже особой кровати. Экономка, какъ нѣкій церберъ, укладывала Машу на огромный двухспальный одръ къ стѣнѣ и затѣмъ отрѣзывала ее отъ всего міра своею колоссальною тушею, поразительно чуткою во снѣ. Туша храпѣла, видѣла сны, даже бредила, но—чуть Маша открывала глаза, въ тотъ же моментъ, по неизъяснимому сторожевому инстинкту, открывала ихъ и Ѳедосья Гавриловна.

— Спи, безсонница! Баюнъ тебя не беретъ...

Опредѣленіе Маши на постоянное и столь интимное житье къ Ѳедосьѣ Гавриловнѣ было встрѣчено въ корпусѣ градомъ насмѣшекъ, грязныхъ остротъ и намековъ, которые звѣроподобная экономка принимала съ снисходительною руганью и самодовольными улыбками, а Лусьева—раздражаясь до бѣшенства, до слезъ...

— Оставь. Что тебѣ? Отъ словъ не слиняешь!—уговаривала, возвратившаяся изъ Ирбита, Княжна, сразу очень хорошо подружившаяся съ Марьею Ивановною.

— Мнѣ обидно, что врутъ гадости...

— Наплевать!

— Да! Если бы врали про тебя!

— Успокойся: врали и про меня, покуда не надоѣло. Въ высокой степени наплевать! Надоѣстъ врать одно и то же,—оставятъ въ покоѣ и тебя, начнутъ ѣсть какую-нибудь новенькую. Черезъ эти сплетни нашей сестрѣ обязательно пройти. Я даже совѣтую тебѣ не слишкомъ спорить противъ нихъ. Изъ нихъ тебѣ можетъ быть польза.

— Вотъ! это еще какъ?!

— Во первыхъ, покуда о тебѣ будетъ такая молва, ни одинъ «жилецъ» не посмѣетъ нахальничать съ тобою, потому что, послѣ самой хозяйки, Ѳедосья Гавриловна—

главная наша власть и сила. Ты не знаешь еще, что это значитъ—быть въ зависимости отъ жильца! Они—не люди, дьяволы: кровь твою выпьютъ, послѣдніе соки высосутъ. Нѣтъ несчастнѣе дѣвушки, которая попалась на эту глупость—связаться съ жильцомъ. Я, душенька, прошла школу: опытная! Если бы не отвоевалъ меня Артамонъ у одного такого мерзавца, мнѣ бы и живою не быть. Подманиваютъ они насъ на ту удочку, будто хотятъ защищать, а по настоящему говоря, защита то нужна нашей сестрѣ, больше всего, не противъ кого другого, какъ именно противъ нихъ, негодяевъ. Я сюда поступила съ воли, съ форсомъ, мною Буластиха дорожитъ, я всегда была на привилегированномъ положеніи, да и то три мѣсяца гроша мѣднаго не видала въ рукахъ и изъ синяковъ не выходила. Бить женщину походя это у нихъ, скотовъ, даже не то, что страсть, но просто—словно бы правило жизни какое. Кулакомъ, такъ кулакомъ! Каблукомъ, такъ каблукомъ! По ребрамъ, по спинѣ, по животу... Откуда у насъ женскія болѣзни? Изъ десяти—спроси: девять скажутъ, что послѣ боевъ, жилецъ изуродовалъ. И я тоже отъ своего сокровища въ Еленинской больницѣ лежала... Жизнь, нечего сказать! Только по мордѣ бить остерегаются,—чтобы вывѣски не испортить, а то озлится хозяйка... Жизнь!.. Вся то на отчетѣ—до послѣдней копѣйки, до послѣдней ленты, всегда то побитая, осмѣянная, заплеванная... Ты и вообразить себѣ не можешь, до какихъ издѣвательствъ они, жильцы эти прекрасные, додумываются, съ жиру взбѣсившись! Вчужѣ разсказывать тошно—не только вспоминать... И ничего ты съ подлецами не подѣлаешь, если у тебя нѣтъ противъ нихъ сильной руки—вотъ, какъ у меня Артамонъ, у Фраскиты—Ѳедоръ... «Сама» всегда и во всемъ держитъ ихъ руку: ея гвардія... Ну, а Ѳедосья Гавриловна—хоть и звѣрь-баба, а, все-таки, почеловѣчнѣе, съ нею можно говорить, она понимаетъ наши женскіе резоны, и не потатчица этимъ нахаламъ. Нѣтъ, ты, Маша, на нее не фыркай:

если экономка къ тебѣ ласкова, не плюй въ колодезь, веди себя тонко, — сплетни сплетнями, а ты угождай, дружи. Я вѣдь ее знаю и все вижу: сплетни ей льстятъ. Она слушаетъ, что врутъ, и — будто сердится, а сама надувается отъ радости, какъ индюкъ! — стало быть, и сама будетъ къ тебѣ мягче, чѣмъ къ другимъ, хозяйкинъ гнѣвъ разобьетъ, когда понадобится: за ея спиною — какъ за каменною стѣною... Прасковья то наша не только ее уважаетъ и слушается, а даже и побаивается: ужъ слишкомъ давно работаютъ вмѣстѣ, много общихъ дѣлишекъ на совѣсти... Держись, Марья, за Ѳедосью! держись!

— Да! пробормотала Маша, — хорошо, если все обойдется словами... А если она заберетъ въ голову фантазію — на самомъ дѣлѣ?

Княжна посмотрѣла на подругу пристально, мрачно.

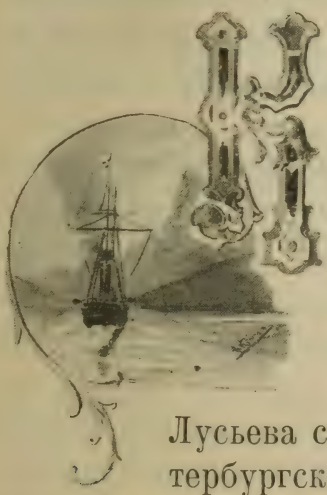
— Э!!!.. сказала она и отвернулась.

И въ короткомъ звукѣ ея безнадежнаго восклицанія Маша угадала:

— Ну, что ты притворяешься дурочкою и фигуры строишь? словно малолѣтняя. Кто попалъ на дно ада, тому поздно читать чертямъ лекціи о добродѣтели...

Первые три дня Марья Ивановна провела какъ бы въ заключеніи: безвыходно, безвыѣздно. Приходили какія-то факторши темнаго вида. Буластиха и Ѳедосья Гавриловна знакомили съ ними Машу. Тѣ говорили ей комплименты, пили чай съ вареньемъ и ромомъ, шептались съ хозяйкою или экономкою, нѣкоторыя получали машины фотографіи — какъ обыкновенныя, такъ и изъ коллекціи Адели (эти послѣднія, конечно, потихоньку отъ Маши), и уходили. Сама Буластиха тоже нѣсколько разъ выѣзжала со двора, забирая съ собою Машинъ «пакетъ»... На четвертыя сутки Машѣ уже съ утра было велѣно хорошенько заняться своею красотою. А, когда смеркалось, Ѳедосья Гавриловна сѣла съ нею въ карету и покатила на Васильевскій островъ.

XII.



Ирета высадила женщинъ у одного изъ очень многихъ подъѣздовъ огромнаго пятиэтажнаго дома, протянувшагося чуть не на цѣлый кварталъ по линіи и, долгими глаголями, загнутаго въ переулки. Ѳедосья Гавриловна и Лусьева стали подниматься по безконечной петербургской лѣстницѣ, тусклой, узкой, грязноватой и не изъ ароматныхъ. Экономка пропустила Машу идти впередъ, а сама отставала только на ступеньку. Подниматься надо было на самый верхъ. У довольно обдерганной двери безъ дощечки Ѳедосья Гавриловна дернула за звонокъ, и—Сезамъ тотчасъ же отворился: выглянула толстая, рябая горничная, а за нею высился угрюмый дѣтина съ шрамомъ подъ глазомъ и въ буйныхъ кудряхъ. При видѣ Ѳедосьи Гавриловны, лица обоихъ приняли выраженіе подобострастнаго восторга. По коридору, навстрѣчу вошедшимъ, спѣшила худощавая пожилая дама, съ льстивою и глуповатою улыбкою на изношенномъ и, замѣтно, знавшемъ много лучшіе дни, лицѣ. Одѣта она была въ

черный шелкъ и очень прилично, но какъ-будто немножко съ чужого плеча.

— Ахъ, душечка, Ѳедосья Гавриловна!—взвизгнула она.—Ахъ, какъ я рада! А мы уже въ отчаяніе приходили... Ждемъ, ждемъ...

— Ты насъ прямо къ себѣ веди,—чуть кивнула ей экономка.—Тамъ и раздѣнемся.

— Слушаю, душечка моя! Съ особеннымъ удовольствіемъ!

По тѣсному коридору онѣ прошли гуськомъ, стараясь не зацѣпить низко повѣшенную, керосиновую лампочку, въ небольшую комнатку, съ множествомъ образовъ въ углу и полочкою душеспасительныхъ книгъ надъ полуторною деревянною кроватью, съ высокими подушками и малиновымъ стеганнымъ одѣяломъ.

— Скидай шубку,—приказала Ѳедосья Гавриловна Машѣ. только теперь здороваясь съ дамою за руку.—Вотъ познакомьтесь, что ли: Марья Ивановна, Евгенія Алексѣевна, хозяйка здѣшняя... У, шутъ пёсскій! Изъ всѣхъ квартиръ хуже твоего тычка, Евгенія, для меня нѣтъ: шутка ли? Семьдесятъ три ступеньки!..

Она лоснилась, какъ атласъ, и пыхтѣла, какъ паровикъ.

— Очень пріятно сдѣлать такое милое знакомство!

Дама протянула Машѣ худую, холодную руку съ вздутыми, синими жилами,

— А «обже» вашъ давно уже томится... просто сгораетъ нетерпѣніемъ! Ахъ, только теперь я васъ во всей вашей красотѣ, милочка, вижу!.. Что это? Прелесть, какая вы хорошенькая!.. У насъ такой даже еще и не бывало!.. Очень счастлива! Я васъ, mademoiselle, давно знаю: по театрамъ видала, въ циркѣ... Просто заочно влюблена въ васъ была: такая душка, радость, ангелокъ!.. И всегда, бывало, думаю: ну, что она тамъ у Рюлиной? Лучше бы къ намъ. И вотъ, наконецъ, какова судьба-то?—ну, ждали ли вы того?—привелъ Богъ познакомиться!..

— Ты, Евгенія, не трещи,—безцеремонно оборвала ее Ѳедосья Гавриловна.—Твоихъ всѣхъ словъ до будущаго года не переслушать. Съ кѣмъ энтотъ у тебя тамъ?

— Его занимаютъ Эмилія Карловна и Клавдюшка.

— Покличь-ка Эмилію сюды, а сама тамъ покуда побудь-останься.

Дама ушла, не очень довольная, но все же, по привычкѣ, льстиво и восторженно улыбаясь.

— Это я для тебя стараюсь,—сладко сказала Машѣ Ѳедосья Гавриловна,—хочу познакомить тебя зараньше съ экономкою. Потому что—Евгенія эта лишь на словахъ прытка, а вся цѣна ей мѣдный грошъ, и въ дѣлѣ она ровно ничего не значитъ. Такъ только, что паспортъ очень хорошій и представительность имѣетъ, за то и держимъ... А то бы—и жалованья жаль... А Эмилія Карловна—солидный огурецъ: не разъ тебѣ придется водить съ нею хлѣбъ-соль. Баба не изъ злобныхъ, но съ норовомъ и почтеніе любитъ. Ну, стало быть, значитъ, и—не плюй въ колодезь, пригодится воды напиться.

Вплыла небольшого роста, шарообразная нѣмка, изъ типа, про который русскій народъ говоритъ: «лихорадкою бѣднягу било,—всѣ кости вытрясло, а восемь пудовъ мякоти осталось».

— О? Ви?!—съ пріятностью заулыбалась она.

Ѳедосья Гавриловна познакомила Машу. Узнавъ, что дѣвушка владѣетъ нѣмецкимъ языкомъ, Эмилія Карловна сразу къ ней расположилась.

— Ты, Эмилія, соблюдай,—внушала Ѳедосья Гавриловна,—чтобы твои оболтусы, Боже сохрани, ее не обидѣли.

— Aber, meine liebe Тедосъ Кавриль! пошалюста, путте покойникъ! Я ошинь карашо виталь, какой Марь-Фанъ шельфекъ, и путу ее загранилъ, какъ eine синица въ глазѣ!

— Ты такъ всѣмъ и скажи: ежели грубости, охальство, вопче безобразіе, я взыщу хуже, чѣмъ за десять Княжонъ...

— Путте покойникъ! путте покойникъ!—гостепріимно приглашала усердная нѣмка.

— А затѣмъ проминаться мнѣ здѣсь съ вами нечего. Тотъ-то что дѣлаетъ?

Эмилія Карловна сожалительно подняла брови къ верху узенькаго лба.

— Пиль съ Клавдюша отинъ путилька шампань.

— Ишь, скаредъ! Ну, мы съ Машею его подкуемъ. Ты это, Марья Ивановна, памятуй себѣ паче всего: вина—сама пить хошь и не пей, а спрашивать вели походя... Это у насъ—въ первый номеръ. У Рюлиной вашей, сказываютъ, хорошихъ гостей виномъ даромъ поятъ, хоть облейся,—такъ зато Аделька съ нихъ снимаетъ тысячи. А мы женщины скромныя, до тысячи и считать не умѣемъ,—ну, а за винцо намъ заплати!..

Она вывела Машу въ небольшой, очень небогатый и изрядно закопченный залецъ, въ которомъ на стѣнѣ красовались картины, изображавшія—одна жертвоприношеніе Авраама, другая—Впрсавію въ купальнѣ: рыночныя произведенія ученической васильеостровской кисти, вѣроятно, когда-нибудь застрявшія при квартирѣ за долгъ. Подъ аляповатою Впрсавіей, на диванѣ, возсѣдала не менѣе аляповатая дѣвица въ китайскомъ пеньюарѣ и съ папиросою въ зубахъ. На встрѣчу Машѣ она испустила притворно-радостный визгъ:

— А вотъ, Семенъ Кузьмичъ, и моя подруга!.. Здравствуй, душка, ангелъ, небожительница!

Марьѣ Ивановнѣ пришлось наинѣжнѣйше облобызаться съ особою, которую она, хоть присягнуть,—видѣла впервые въ жизни. Евгенія Алексѣевна сидѣла тутъ же. Она изображала снисходительную тетушку grande dame, а аляповатая особа—ея шаловливую племянницу... Спектакль разыгрывался для малорослаго молодого человѣка, съ незначительною физіономіей, обросшею мутными, рыжеватыми волосами; галстухъ у него былъ голубой съ изумруд-

ною булавкою, а глаза, порядкомъ подконьяченные, то безпокойно вращались, точно колеса, то вдругъ застывали въ столбнякѣ необъяснимаго испуга. Человѣкъ этотъ производилъ впечатлѣніе, будто онъ только что хапнулъ чужія деньги, и не увѣренъ, не гонится ли за нимъ по пятамъ полиція. Узрѣвъ Машу, онъ просіялъ, пересталъ вертѣть глазами и нѣсколько пріосанился. Полилось вино... Купца, дѣйствительно, «подковали». Время отъ времени Ѳедосья Гавриловна подмигивала другимъ женщинамъ—тѣ, по одиночкѣ, вставали и уходили. Наконецъ, она сдѣлала знакъ и Машѣ. И та вышла.

— Ну-съ?—побѣдоносно воскликнула Ѳедосья Гавриловна, оставшись съ гостемъ наединѣ.—Видалъ? Врали мы тебѣ или нѣтъ?

— Дили... лиди... леди... деликатесъ!..—лепеталъ нагрузившійся вращатель глазами.

— Д-а-съ! Нѣтъ, ты скажи, портретъ видалъ? казали мы тебѣ портретъ? отличаетъ хоть эстолько? врали мы тебѣ? скажи, отвѣтствуй: врали?

— Не м-мо-о-гу на себя брать... Лиди... дили... катесъ!.. И должонъ къ вашей чести приписать, потому что все такое... по совѣсти...

— Да! И генеральская дочь! Хошь—всѣ документы на столъ? За нее, братъ, три графа сватались! Графы! Можешь ты вникать?

Глаза Семена Кузьмича затвердѣли въ столбнякѣ.

— Б... б... б... бароны лучше!—все-таки протестовалъ онъ, хотя и съ нерѣшительностью.

— Много ты понимаешь! Баронами, братъ, у ейнаго отца всѣ притолоки обтерты.

— Б-баронами? — въ священномъ ужасѣ возопилъ Семенъ Кузьмичъ.

— Ими самыми!—храбро подтвердила рѣшительная дама.—Сейчасъ умереть. Эка невидаль — бароны твои!.. Тебѣ, по низкости твоего рожденія, они, можетъ быть, и

*

въ диковину, а намъ—тьфу! Вотъ мы какъ высоко себя понимаемъ! Ну, и значитъ,—перешла она въ дѣловое объясненіе,—коль скоро мы свое слово къ вамъ сдержали, и барышня вамъ ндравится, то позвольте условленное съ васъ по уговору получить.

Тѣмъ временемъ Марья Ивановна оставалась на попеченіи аляповатой дѣвицы.

— Васъ Марьей Ивановной звать?—трещала та.—Давно вы у Буластовой? А прежде у Рюлиной были? Вы, говорятъ изъ благородныхъ? Я сама вахмистрова дочь и въ пинціонѣ два класса была, но—ежели превратный кирасиръ?! Ахъ, слабость нашей сестры не подлежитъ описанію и очень достойна удивленія!.. Въ корпусѣ живете? Тамъ у васъ дѣвица Нимфодора — все ли здорова? Подружка моя, прекраснѣйшая дѣвушка, только глупа очень... Ахъ, житье вамъ, корпуснымъ! Я къ вамъ какъ-нибудь въ гости отпрошусь,—можно? Когда самой дома не будетъ? Ужо я скличусь съ вами по телефонту... Можно? Ѳедосья Гавриловна—та пущай, она дѣвицамъ къ знакомству не супротивница... Она же, сказываютъ, за васъ здорово заступается? Гы-гы-гы! Наслышаны мы... Ужъ вы! Шельмы рюлинскія!

Дѣвица захохотала и пребольно хватила Машу сразмаху по плечу.

— Вы мнѣ ключицу сломаете,—сказала Лусьева.

— Ишь, нѣжности!.. А везетъ-то вамъ какъ, именно ужъ можно сказать, что фартитъ: какого теленка чортъ смарьяжилъ! Энтого — хоть развинти, пальцемъ не тронетъ... А вотъ я, душенька, распронесчастная уродилась на тотъ самый счетъ: ежели, скажемъ, я нонеча во снѣ капусту вижу, безпремѣнно меня вечеромъ гость бьетъ! Но только вы того никакъ не опасайтесь: у насъ долго скандальничать не полагается, и «жилецъ» Александръ—чрезвычайно какой сильный. По осени купчикъ тутъ одинъ кутилъ со своими молодцами—такъ Александръ ихъ всѣхъ

четырехъ, черезъ всее лѣстницу, скрозь пять этажей, на улицу вышибъ... Приставъ опосля приходилъ:—Мадамъ, на васъ жалобы!.. Потрудитесь въ вашемъ неправильномъ поведеніи, чтобы потише... Евгенія Алексѣевна испугалась, только присѣдаетъ передъ нимъ, да клохчетъ, будто курица. Ну, а Эмилія эти дѣла знаетъ! Сейчасъ—бутылку шампанскаго на столъ, четвертной билетъ въ салфетку, меня съ Еленою позвала: это тоже дѣвушка здѣшняя, она нонеча къ Аннѣ Тихоповнѣ въ корпусъ на финскій вечеръ взята,—Перинная линія гуляетъ... А вы какихъ нашихъ хозяекъ знаете? Ахъ, еще первую!.. Ну, наша Евгенія—что! Только божественныя книжки читаетъ, да съ «жильцомъ» амурится... А тотъ на нее, стараго кощея, и смотрѣть не хочетъ. Опъ въ меня влюбленный. А въ васъ кто влюбленный? Гы-гы-гы...

— Слуште!—понизивъ голосъ, зашептала она дѣловымъ тономъ.—Ежели «понтъ» энтотъ положитъ вамъ подъ подушку на булавки, вы меня не забудете,—а? Вы, душка ангелъ, не жалѣйте: вы не нашей сестрѣ чета! Я знаю: за васъ Ѳедосья три сотни слупила... вы аристократная богачея, а намъ, бѣднягамъ, откуда взять?

— Какая же я богачея?—даже ахнула Маша.—У меня за душою гроша нѣтъ.

Дѣвица торопливо закивала головой.

— Понимаю, душонокъ мой, все понимаю!.. Да вѣдь—положитъ! смекаете?—положитъ! Вотъ вы тогда и подѣлитесь. Я съ вами за это всегда дружить стану. Да! Вы не безпокойтесъ: я заслужу!.. Оченно могу вамъ пригодиться. Авось, не въ послѣдній разъ вы у насъ гостите... Господи!

Маша обѣщала.

Утро, заставшее Лусьеву въ этой квартирѣ, было сплошь отравлено попрошайничествомъ. Начала Эмилія Карловна:

— Сколько вы получили на булавки, Schaetzchen?

— Двадцать пять рублей,—съ досадою, измученная,

желтая, злая, полусонная, — отвѣчала Лусьева: эта подачка унижала ее въ собственныхъ глазахъ не только женски, но даже «профессіонально». У Рюлиной она швырнула бы бумажку въ лицо мужчинѣ, на смѣхъ сожгла бы ее на свѣчкѣ .. Но нѣмка взглянула на Машу не безъ почтенія.

— S-o-o-o? Schön, Kindchen, schön! Sehr glücklich!

— И тотчасъ же объяснила:

— У насъ такое положеніе. Если вы получаете на булавки, то 25 проц. поступаютъ въ пользу экономки. Aber, mein Kind, вы такая симпатичная, для перваго знакомства, вы, навѣрно, прибавите мнѣ маленькую бездѣлицу въ подарокъ.

Маша сконфузилась и дала ей десять рублей. Пять рублей отстригла у нея льстивая, улыбающаяся, слезливая Евгенія Алексѣевна. Три—вчерашняя аляповатая дѣвица. Три,—масляно, рабски, и въ то же время какъ-то угрожающе ухмыляясь,—выклапялъ «жилецъ». Рубль сама Маша сочла нужнымъ дать горничной, которая много ей служила.

Въ концѣ концовъ, она съ жаднымъ нетерпѣніемъ, какъ дорогого, своего человѣка, ждала, скоро ли пріѣдетъ Ѳедосья Гавриловна, чтобы увезти ее изъ этой западни. Ей уже начинало казаться, что канюки-просители, съ халуйски приниженными и настойчивыми глазами, лѣзутъ къ ней изъ каждой двери, изъ каждой щели... Кто, осклабляясь, кланяется и протягиваетъ руку, кто сообщаетъ, какъ наглый, разбойничій законъ:

— У насъ такое положеніе!

Ночь, каждое воспоминаніе о которой передергивало Лусьеву отвращеніемъ, самой ей принесла... три рубля!.. Маша даже поблѣднѣла, и губы у нея затряслись, когда сосчитала свои доходы! Ей хотѣлось избить хищниковъ, снявшихъ проценты съ жалкой стоимости ея тѣла... А надо было сдерживаться, проглотить и обиду, и слезы, и

любезно улыбаться Эмиліи и Евгеніи, которыя теперь очень хлопотали ей угодить.

Кучеръ, привезшій Машу съ Ѳедосьей Гавриловной въ корпусъ, тоже снялъ шапку:

— На чаекъ бы съ барышни?

Маша, не глядя, съ ненавистью стиснувъ зубы, бросила ему послѣднюю трехрублевку.

— Ой, дѣвка?—удивилась Ѳедосья Гавриловна,—что больно шикаришь? Былъ бы сытъ и рублемъ.

Маша, не отвѣчая, прошла въ свое помѣщеніе, раздѣлась и легла спать носомъ въ стѣну. Но сонъ не приходилъ, не смотря на усталость послѣ проведенной безобразной ночи. Обида, гнѣвъ, стыдъ, слезы душили. Маша чувствовала себя оскорбленною, осмѣянною, ограбленною, растоптанною. Въ ней все дрожало. Ей хотѣлось заревѣть голосомъ на весь домъ, но «нѣтъ, этого онѣ не дождутся, чтобы я еще стала имъ истерики свои показывать!» либо — побѣжать, вцѣпиться ногтями въ первое лицо, какое попадется навстрѣчу, да такъ на немъ и повиснуть!.. царапать, визжать, ругаться, плевать, топтать ногами, биться въ кровь!.. Бѣжали часъ за часомъ, а успокоеніе не приходило: разбитые нервы стонали, въ сердце вселились тоска и чувство тяжелой пустоты, точно оно стало полымъ свинцовымъ ящикомъ, къ горлу подкатывалъ шаръ ..

И вдругъ она вскочила и сѣла на кровати:

— Ѳедосья Гавриловна!

— Чего?—откликнулась та изъ корридора.

— Повѣрьте мнѣ бутылку кордонъ-ружъ.

— Мо-о-ожно!..—весело протянула экономка.—Сухого или сладкаго?

— Экстра-секъ. Да похолоднѣе.

Двадцать минутъ спустя, Маша пѣла пѣсни и хохотала, какъ дурочка. Спустя часъ, она спала мертвымъ сномъ. Опорожненная бутылка валялась у ногъ ея, тутъ же въ постели.

Уже поздно вечеромъ растолкала ее Ѳедосья Гавриловна.

— Вставай. Сама тебя спрашиваетъ. Гости будутъ.

Въ головѣ у Маши гудѣла и пересвистывала похмѣльная вьюга, комната каруселью вертѣлась въ глазахъ.

— Куда же я къ чорту гожусь?—сказала она охрипшимъ голосомъ.

— Пошатываясь отъ опьяненія сномъ и виномъ, она добрела до зеркала и ахнула: изъ стекла взглянуло на нее совсѣмъ чужое лицо, оплывшее, опухлое, грубое, почти безъ глазъ...

«Словно Люція, бывало»,—съ мрачнымъ отвращеніемъ вспомнила она.

— Я не могу выйти такая, — рѣшительно сказала Маша экономкѣ.—Шусть Прасковья Семеновна извинитъ...

— Ш-ш-ш-ш...

Широкая ладонь Ѳедосьи Гавриловны легла на губы Лусьевой.

— Что ты? сдурѣла, оглашенная? — зашипѣла экономка, боязливо косясь на двери.—Она те такъ извинитъ... Благодари своего Бога, что не слыхала! Ты, Марья, эти рюлинскіе фокусы, пожалуйста, оставь... честью тебя прошу! У насъ нельзя. У насъ, другъ, и въ хвостъ, и въ гриву! Я тебя, по нѣжности моей, добромъ предупреждаю. Другую бы—прямо черезъ плечо полотенцемъ...

— Да, какъ же я... вы посмотрите на меня!—залепетала струсившая дѣвушка.

— Ступай въ ванную, подъ душъ стань... Что хочешь, съ собою дѣлай, а чтобы черезъ часъ къ гостямъ выйти!.. Богатѣйшіе бакалейщики!.. Мы у нихъ товаръ беремъ...

Когда Маша, синяя, стуча зубами, дрожа всѣмъ тѣломъ, вся въ пупырушкахъ гусиной кожи, но уже свѣжая и бодрая, скокомъ прибѣжала изъ ванной, Ѳедосья Гавриловна подмигнула ей на столъ:

— Ну-ка, Господи благослови!

— Что это?

— Финь-шампань, питье просвѣщенное. На поправку нѣтъ его милѣе. Пей, больная: угощаю! Лучше здоровой станешь.

— Да, я коньяку никогда въ ротъ не брала.

— Начать надоть. Не махонькая!

— А запьянѣю?

— Дура! Не знаю я, что ли, сколько поднести? Оживешь, а не очумѣешь! Пей!

XIII.

Такъ пошли за днями дни, за ночами ночи. Тотъ же проклятый успѣхъ, что у Рюлиной, преслѣдовалъ Лусьеву и здѣсь. Только одна Княжна оставалась впереди ея по заработку, поступавшему въ карманы Прасковьи Семеновны Буластовой. Красота и привлекательность Лусьевой, всетаки, тушевались за титуломъ и родословною тощей, подслѣпой, дурнозубой и скучной женщины, съ десяткомъ физическихъ недостатковъ и, кажется, безъ единаго физическаго достоинства. Гостинный дворъ и Калашниковская пристань съума сходили не по сіятельной кокоткѣ, а по ея сіятельству...

— Вѣдь отъ Гостомысла-съ!.. Это, сказываютъ, еще раньше Рюрика-съ!.. И вдругъ... Ахъ-ахъ-ахъ! Вы прикиньте, извольте вмѣстить, каково это!..

Обращалась Буластова съ Лусьевою, попрежнему, лучше, чѣмъ съ остальными, но это зависѣло исключительно отъ покровительства Ѳедосьи Гавриловны, а за покровительство экономки имѣли противъ Маши злой зубъ рѣшительно всѣ—и женщины, и предержащія власти буластовскаго дѣла.

Когда Буластиха или Ѳедосья Гавриловна наказывали или обижали какую-либо женщину, товарки ей сочувствовали, ее утѣшали, не разбирая, права та была или виновата. Если доставалось Машѣ, всѣ торжествовали:

— Слыхали, дѣвицы? Нонче уже и дворянокъ хлещутъ...

— Свои разодрались!

— Милые бранятся, только тѣшатся!

— Супружеская сцена!

Дружбы у Маши не сложилось ни съ кѣмъ въ корпусѣ, кромѣ Княжны, а эта послѣдняя почти постоянно бывала въ разъѣздахъ,—«на гастроляхъ», какъ острила она. Въ первое время къ дѣвушкѣ была внимательна и ласкова пѣвунья Антонина, но именно за ея ласковость ревниво возненавидѣли Машу обѣ нѣмки. Да и ласковость Антонины была съ противнымъ оттѣнкомъ, и къ самой Антонинѣ Маша чувствовала инстинктивное, физическое отвращеніе. Когда же Ѳедосья Гавриловна гласно и открыто взяла Лусьеву подъ свою властную защиту, Антонина озвѣрѣла противъ Маши пуще всѣхъ и—не проходило дня, чтобы не дѣлала ей мелкихъ непріятностей.

Дѣвушка чувствовала, что, если какимъ-либо случаемъ покровительству настанетъ конецъ, то ее затрявятъ, замучатъ, забьютъ во сто разъ ехиднѣе и съ бо̀льшимъ звѣрствомъ, чѣмъ всякую другую... на ней вымѣстятъ все зло ужаснаго дома, котораго она такъ долго и счастливо не раздѣляла съ другими.

Она жила въ постоянномъ испугѣ и, по неволѣ, изъ чувства самосохраненія жалась къ той, у которой находила себѣ опору. «Княжна» была права: Ѳедосьѣ Гавриловнѣ

льстило это покорное исканіе защиты. Сама она держала свою юную пріятельницу въ ежовыхъ рукавицахъ, но противъ всѣхъ другихъ стояла за нее крѣпко и даже Буластихѣ поставила прямое условіе.

— Вы мнѣ, Прасковья Семеновна, Машку не троньте. Ручища у васъ тяжелѣнная, а она дѣвушка сложенія деликатнаго: самой вамъ будетъ невыгодно, если вы ей отобьете печонки. Вы не безпокойтесь: я вашего интереса не упущу, потакать не мастерица. Если дѣвка что сошкодитъ, сама оттреплю ее, по всей моей доброй совѣсти. Но ужъ вашей нѣжной ручки, очень прошу васъ, къ ней не прикладайте... Ссориться будемъ!

— Ну, ну, ладно!.. чортъ съ вами!.. «Два друга: колбасникъ и его супруга»!..

Ночуя въ одной изъ квартиръ, Маша познакомилась съ женщиною уже не первой молодости, сильною брюнеткою, прежде, должно быть, замѣчательной, но уже полуувядшей красоты. Она заговорила съ Машей ласково—на хорошемъ французскомъ языкѣ, но хриплымъ, рваным, безъ тембра громкимъ, голосомъ, который почти безошибочно опредѣляетъ женщину, давно промышляющую развратомъ, и почти обязательное появленіе котораго у нихъ,—хотя бы и никогда не болѣвшихъ дурною болѣзнью,—составляетъ физіологическую загадку, имѣвшую много гипотезъ, но ни одного рѣшенія. Оказалась она тоже изъ бывшихъ, но очень давнихъ, рюлинскихъ «крестницъ», а когда то была гувернанткою въ одномъ изъ самыхъ аристократическихъ домовъ Петербурга. Звали ее Екатериною Харитоновною. Буластова очень дорожила ею,—главнымъ образомъ, за французскій языкъ, образованіе и талантъ спаивать гостей,—но въ корпусѣ не держала, потому что Екатерина Харитоновна пила запоемъ, а, пьяная, дѣлалась язвительна, какъ дьяволъ.

— Я ихъ, кровопійцъ, тамъ до бѣлаго каленія доводила...—улыбаясь, разсказывала она.—Въ меня сама Пра-

сковья Семеновна однажды запустила горячимъ утюгомъ... меньше вершка отъ виска просвисталъ!.. на комодъ упалъ,— мраморная доска вдребезги!.. Я говорю:—глазомѣра у тебя, Прасковья, нѣтъ... Я пьяная, а лучше бросить могу, да не стоишь ты; въ писаніи сказано,—блаженъ, иже скоты милуетъ!.. А она, вѣдьма, какъ поняла, что чуть было меня не ухлопала, струсила и сейчасъ же идетъ отъ меня вонъ изъ комнаты, вся бѣлая, какъ платокъ... Понимаешь? Она отъ злости, обыкновенно, кровью наливается, какъ клюква, а тутъ побѣлѣла... ага?! это серьезно! А я за нею слѣдомъ и шпыняю ее, шпыняю... И вдругъ обернулась она, понимаешь, ко мнѣ,—глаза—какъ олово и огромнѣйшіе,—и говоритъ тихо, съ самою лучшею вѣжливостью:—Катерина Харитоновна... слышишь? слышишь: уже не Катька стерва, а Катерина Харитоновна?!—Катерина, говоритъ, Харитоновна! Сдѣлай божескую милость: отойди отъ меня!.. Убью я тебя,—и не отвѣчу... да все же души человѣческой жаль!.. Будь добрая: пожалѣй и себя, и меня!.. Ну, признаюсь, я оторопѣла... Шутка ли? Этакого крокодила до молитвъ довела!..

— Скажите, пожалуйста, —саркастически спрашивала она Машу,—что собственно заставляетъ васъ терпѣть эту чертову каторгу?

— Что же? повѣситься? въ воду кинуться?

— Зачѣмъ? Взять, да просто уйти.

— Легко сказать. А дальше что?

— Ничего страшнаго. Жизнь и воля.

— Какая же воля? Я у Буластовой вся въ лапахъ...

Катерина Харитоновна пыхала папироскою, презрительно улыбаясь, и твердила:

— Предразсудокъ!

— Да, что вы, Катишь? Какой предразсудокъ? У меня не можетъ быть честнаго труда, не можетъ быть ни порядочныхъ знакомствъ, ни помощи отъ людей изъ общества. Мое прошлое станетъ мнѣ попорекъ всякой честной дороги...

— Ахъ, вы про это!..—еще презрительнѣе протянула Катишь.—Ну, это то, конечно... Вы правы: въ гувернантки намъ съ вами возвращаться поздно!.. И—знаете ли? Не только потому, что Прасковья Семеновна и Полина Кондратьевна помѣшаютъ, а мы уже и сами не пойдемъ...

— Охъ, какъ бы я пошла, если бы можно было вырваться!.. –искреннимъ крикомъ, съ навернувшимися на глазахъ слезами, возразила Маша.

Катерина Харитоновна затянулась папиросою.

— Не смѣю спорить. Пойти то, можетъ быть, вы и пойдете, но не выдержите, сбѣжите назадъ. Какъ ни какъ, милая дѣвица, все-таки вы уже пятый годъ носите шелковое бѣлье... Вонъ—у насъ разсказываютъ, будто вы вся въ долгу предъ буфетомъ, потому что не можете заснуть безъ портера пополамъ съ шампанскимъ!.. Такъ хорошо отравленной женщинѣ о честныхъ трудахъ помышлять поздновато. Но—какіе бѣсы заставляютъ васъ сидѣть въ нашемъ адѣ? Плюньте вы на этихъ рабовладѣлицъ, живите сами по себѣ, зарабатывайте сами на себя...

— Какъ вы это говорите, Катишь? Срамъ какой!

— Ну, ужъ, миленькая, срамнѣе того, что мы съ вами здѣсь терпимъ, самъ сатана еще ничего не измыслилъ.

— И, притомъ... онѣ на меня донесутъ...

— Ну?

— Помилуйте! Вѣдь меня... запишутъ! Билетъ заставятъ взять...

— Ну?

— Да вѣдь это ужъ послѣдній конецъ... ужасъ!

Катерина Харитоновна злобно засмѣялась.

— Суевѣріе! Если ужъ судьба мнѣ гулять по этой поганой дорожкѣ, то я должна, по крайней мѣрѣ, сохранить выборъ,—какъ мнѣ удобнѣе, пріятнѣе и выгоднѣе гулять. А—съ книжкою ли, безъ книжки ли, съ билетомъ ли, безъ билета ли,—это наплевать!

— Душечка!.. Право, вы такія несообразности... Подумайте: вѣдь тогда я буду... проститутка!..

— А теперь вы кто?—рѣзко и грубо бросила ей въ лицо вопросъ Катерина Харитоновна. Маша подумала, ничего не отвѣтила... изъ глазъ ея закапали крупныя слезы.

— Экая, право, сила—слово?—говорила не безъ волненія Катерина Харитоновна.—Сама—по уши проститутка, а назваться боится!.. И за страхъ и стыдъ назваться готова терпѣть муку мученскую, всю жизнь свою на медленную пытку отдаетъ! За страхъ слова—торгуютъ ею, какъ парною убоиною! Тысячи наживаютъ ея тѣломъ, а ей за весь трудъ, стыдъ и отвращеніе не оставляютъ даже и рублей. Вѣдь вы нищая, дура вы этакая! За страхъ слова—сидитъ, словно преступница какая, замурованная наглою бабою, противъ всякихъ правъ, въ четырехъ стѣнахъ! За страхъ слова терпитъ, что ее иной разъ бьютъ по рожѣ или лупятъ мокрымъ полотенцемъ, а,—коли захотятъ, куражъ такой найдетъ,—то отлично и высѣкутъ! За страхъ слова поддается пакостнымъ нѣжностямъ лѣшаго въ юбкѣ!.. Или—можетъ быть, «стерпится—слюбится»? Изволили уже примириться и привыкнуть? Бываетъ! все бываетъ, голубушка! Особенно съ такими восковыми: изъ васъ, что захотѣлъ, то и вылѣпилъ... Здѣсь ничѣмъ никого не удивишь, и никто ничему не удивляется... Поймите вы, голова съ мозгами! Хуже положенія, глубже паденія, чѣмъ наше съ вами, не бываетъ. Не только проститутка-одиночка, даже проститутка въ домѣ терпимости—свободныя птицы сравнительно съ нами! Ихъ вонъ филантропы оберегаютъ, спасать стараются, а насъ... насъ не то, что оберегать, не то, что спасать, къ намъ подступиться никакой посторонней охранѣ предлога нѣтъ! о насъ человѣческая доброта и догадаться не въ состояніи! въ колодцѣ мы!.. Вотъ въ какомъ мы мерзкомъ рабствѣ сидимъ! Мы—живыя вещи... да еще въ добавокъ и не купленныя, а взятыя разбойничьимъ захватомъ! Отъ слова-то бѣгали мы, бѣгали, берег-

лись, береглись, а въ дѣлѣ-то, въ самой вещи, себя въ конецъ погубили... Вотъ вы огласки боитесь... А, между тѣмъ, ну—что, что можетъ сдѣлать вамъ огласка хуже, чѣмъ вы терпите сейчасъ?!

— Стыдно!—вырвалось у Маши.

— Слушайте-ка лучше, какъ я поступила бы на вашемъ мѣстѣ,—зашептала Катерина Харитоновна.—Я бы урвалась какъ-нибудь изъ дома или изъ квартиры, да больше ужъ и не вернулась бы...

— Паспортъ мой у нея...

— Паспортъ—ерунда! Паспортъ она обязана отдать. Если задержитъ,—на то мировые въ Питерѣ сидятъ, черезъ полицію можете требовать. Паспорта задерживать нельзя. Врешь! Отдашь! До суда доводить не потерпишь!.. Ну, конечно, Буластиха вамъ не спуститъ, изсрамитъ васъ какъ нельзя лучше... да передъ кѣмъ? Передъ участковымъ, да агентами, да докторомъ? Небось, братъ! большого шума поднять не посмѣетъ: самой дороже!..

— А—что должна то я ей?

Катерина Харитоновна присвистнула.

— Должна? Нашли, о чемъ говорить. Нынче и регистрованныхъ проститутокъ долгами запугивать не велѣно,—а вашъ долгъ—какой же долгъ? Весь дутый и ничего не стоющій! Вы думаете, она осмѣлится предъявить вашъ документъ ко взысканію? Нѣтъ, матушка! Говорю вамъ: самой дороже! Рискуетъ многимъ! Хорошо! Она предъявила ко взысканію, а вы объявляете документъ выданнымъ безденежно. Выманили, молъ! силою взяли! Дѣло то и перейдетъ въ уголовный порядокъ. Съ васъ, все равно, взятки гладки, потому что вы голы, какъ церковная мышь, а ей надо доказать, почему это и какъ она передавала своей лектриссѣ... вѣдь вы при ней лектриссою, что ли, числитесь?

— Лектриссою.

— Неважное кушанье! Почему же вы оказались ей

должны такую прорву денегъ? Помилуйте! Да это самому глупому и близорукому прокуроришкѣ въ глаза чкнётъ, въ чемъ тутъ суть,—такая ясная видимость... Пойдетъ ли Прасковья на такой рискъ? Что вы? Она себя бережетъ и соблюдаетъ до крайности, чтобы никакой прицѣпочки-ниточки на себя не дать. Вѣдь ежели расшевелить нашъ муравейникъ, такъ ей будетъ каторги мало! Вѣдь уголовщины за вами нѣтъ?

— О, нѣтъ, этого нѣтъ!

— Тогда у нея останется именно только та возможность, что она васъ «накатитъ».

— Какъ это?

— Пошлетъ анонимный доносъ на васъ, что вы тайная проститутка, и доказательства приложитъ. . А вы—возьмите, да ее предупредите... сами заявитесь въ полицію! А, какъ книжку получите,—ваша воля, какъ тогда съ собою распорядиться. Хотите остаться проституткою, оставайтесь; не хотите,—ступайте къ пріютскимъ дамамъ,—я вамъ, если желаете, дамъ адресъ,—заявите, что, молъ, желаю на исправленіе... Отбудете тамъ на испытаніи срокъ, сколько у нихъ полагается, и шабашъ: уѣзжайте изъ Петербурга въ городъ, гдѣ васъ не знаютъ... Богъ вѣсть,—можетъ быть, вы и въ самомъ дѣлѣ еще не вовсе потерянная... гдѣ-нибудь, при хорошей поддержкѣ, выбьетесь на честную дорогу!

— Эхъ, какъ хорошо бы, если бы такъ!..

— А, хорошо, такъ и нечего зѣвать .. валяйте!

— Страшно!—прошептала Маша и закрыла лицо руками.

Катерина Харитоновна окружилась облакомъ табачнаго дыма.

— Что говорить? Ампутація не изъ легкихъ... А только безъ нея нельзя. Либо гнить, либо жить.

— Позвольте, Катерина Харитоновна!—осмѣлилась Маша.—Если такъ можно, почему же вы сами не поступите, какъ велите мнѣ?

Катерина Харитоновна отвѣчала значительно и мрачно:

— Оттого, миленькая, что вы у насъ—въ чужомъ вертепѣ, а я—у себя дома. Мнѣ только здѣсь и мѣсто. Я, Маша, звѣрь, откровенно вамъ говорю. И пьяница, и... чортъ! Отвратительнѣе моего характера нѣтъ на свѣтѣ. Я только на цѣпи, въ рабствѣ, подъ кулакомъ и могу жить безопасно. Если выпустить меня на волю,—я черезъ мѣсяцъ буду въ предварительномъ заключеніи, а черезъ годъ на Сахалинѣ. Меня бить надо, какъ скотину бьютъ, чтобы хозяевъ помнила и знала... ну, тогда я—ничего, не кусаюсь!.. А то—дикій звѣрь... Нѣтъ для меня воли! Моя воля, говорю вамъ,—Сѣнная площадь, Литовскій замокъ, Сахалинъ!.. Ну, а туда я не хочу... Нѣ-ѣ-ѣ-ѣтъ!.. Какъ ни подла моя жизнь, а я за нее обѣими лапками цѣпляюсь... Ни въ каторгу, ни въ могилу!.. Нѣ-ѣ-ѣ-ѣтъ...

XIV.

ружбы между Лусьевой и Катериною Харитоновною не упрочилось. Кто-то изъ женщинъ или изъ прислуги нашепталъ что-то Ѳедосьѣ Гавриловнѣ, и она остервенилась противъ новой Машиной пріятельницы, какъ лѣсной звѣрь. Цѣлую недѣлю выслушивала Маша отъ бушующей покровительницы попреки неблагодарностью, претерпѣвала жестокія сцены, а, когда дерзала огрызаться, бывала и слегка бита... Зато слова и совѣты Катерины Харитоновны крѣпко запали въ душу дѣвушки. Долго размышляя, взвѣшивая свое настоящее положеніе и возможное будущее, она пришла къ убѣжденію, что Катерина Харитоновна права.

— Хуже, чѣмъ я живу, не бываетъ. А если пройдетъ

моя красота, или схвачу я болѣзнь, мнѣ отсюда, все равно, одна дорога: на панель, либо въ публичный домъ... Если ужъ загублена я, и не видать мнѣ порядочной жизни, такъ хоть вырваться бы на свою волю...

— Катерина, навѣрное, сбивала тебя на волю?—пытала Лусьеву подъ дружескимъ секретомъ «Княжна».

— Да, говорила...—нерѣшительно подтвердила Маша.

— Ужъ, конечно... Это она всѣмъ проповѣдуетъ, къ которымъ чувствуетъ симпатію. Что же? Права!

— Ты находишь?

— А ты—нѣтъ?

— Я не знаю... теряюсь... Если ей повѣрить, то выходитъ, что самое страшное совсѣмъ не такъ страшно... Но тогда ужъ очень досада и горе берутъ: зачѣмъ же, какъ же мы изъ-за этого страха всю жизнь-то свою изломали?

— Судьба, милый другъ!—вздохнула «Княжна».—Все судьба. Играетъ она людьми-то. А Катерина права!.. Ахъ, если бы не кандалы мои, я и сама бы бѣжала!..

— Что ты называешь кандалами?

— Титулъ мой, дружочекъ!.. Какъ тамъ ни прикладывай, а нельзя княжнѣ Ловать-Гостомысловой по книжкѣ жить и на докторскіе осмотры являться... скандалъ всероссійскій... родные... однофамильцы... Мнѣ жить не дадутъ въ Петербургѣ!.. Нигдѣ въ Россіи!.. Затравятъ... А, пожалуй, даже еще и отравятъ, чтобы освободить родословное древо отъ червиваго яблока!.. Поддержать, когда я, по неволѣ, съ голода, въ грязь катилась, никто изъ нихъ меня не поддержалъ, а, когда я въ грязи, всякій, кто про грязь мою знаетъ, меня въ нее еще глубже топчетъ!... Кромѣ того, мы и сами скоро уйдемъ изъ этой жизни,—я и Артамонъ. Мы и теперь ушли бы, да у Артамона еще недобранъ капиталъ, по его расчету. Года черезъ полтора,—онъ предполагаетъ,—мы можемъ жениться, купимъ домъ въ Харьковѣ и откроемъ аукціонный залъ... Ну, а сейчасъ надо еще работать—добирать капиталъ.

— Но почему же работать непремѣнно у Буластихи, которая отбираетъ почти всѣ деньги въ свою пользу?..

— Нѣтъ, у насъ особый уговоръ:—я въ трети, помимо подарковъ.

— Все таки!

— Говорю же тебѣ: меня, бѣдную «Княжну», на своей волѣ сейчасъ же затравятъ. А то еще упрячутъ въ желтый домъ. Помочь роднѣ, когда крайняя нужда,—у насъ нѣтъ денегъ, мы не хотимъ «злоупотреблять вліяніемъ»; но, чтобы помѣстить въ домъ сумасшедшихъ «позоръ семьи» и платить за содержаніе «позора», лишь бы не выплылъ на свѣжую воду, на это и протекція, и капиталъ сразу найдутся...

— А ты не откладывай, выходи замужъ за Артамона теперь же: вотъ и перестанешь быть «Княжною», а, когда ты потеряешь фамилію, твоей роднѣ уже не можетъ быть до тебя никакого дѣла...

Мертвое рыбье лицо «Княжны» слегка оживилось и покраснѣло.

— Ты, Марья Ивановна, не понимаешь, что говоришь. Неужели ты воображаешь, что, когда я выйду замужъ, то позволю себѣ продаваться, какъ сейчасъ? Нѣтъ, милый другъ мой: я свое прошлое передъ церковью оставлю... изъ подъ вѣнца выйду чистенькою,—Господи, благослови въ новую жизнь!—чтобы о быломъ срамѣ не было и помина. Такъ у насъ уговорено и съ Артамономъ, а то—зачѣмъ бы и замужъ идти? Онъ вѣдь очень солидный и справедливый человѣкъ, Артамонъ, хотя любитъ деньги до страсти... Развѣ ему по такимъ должностямъ служить?.. А затѣмъ...

«Княжна» широко и стыдливо улыбнулась, обнажая больные зубы и бѣлыя десны.

— Ты думаешь, я не вижу себя въ зеркалѣ? Я, дружочекъ, прелестями своими не обольщаюсь и очень хорошо знаю: въ тотъ день, когда я перестану быть княжною Ло-

вать-Гостомысловою и сдѣлаюсь просто госпожею Печонкиною, цѣна мнѣ—рубль серебра въ глухія сумерки... Этакъ, пожалуй, никогда капитала не доберешь. Нѣтъ ужъ,—покуда что, пускай сіятельность проценты приноситъ: остригемъ съ нея купоны, тогда и выбросимъ ее за окно... А, что я нехороша собою, представь себѣ, мой другъ: какъ много я плакала тому, когда была молоденькою дѣвушкою, а сейчасъ очень рада. По крайней мѣрѣ—гарантія, что ужъ назадъ, въ эту жизнь, мнѣ хода нѣту, какія бы ни приказывали нужды... И сама не пойду, и мужу искушенія нѣтъ—заставить, чтобы шла. Не гожусь! Знаешь ли? Это совсѣмъ особое наслажденіе: сознавать, что не годишься для пакости... Этимъ я много счастливѣе васъ, красавицъ. Вы—живой товаръ цѣликомъ, сами по себѣ, а во мнѣ товару—только титулъ!

Мысль о бѣгствѣ назойливо тревожила Машу нѣсколько недѣль, но въ этотъ срокъ, разозленная сплетнями о Катеринѣ Харитоновнѣ, Ѳедосья Гавриловна сторожила дѣвушку, какъ ревнивый драконъ, а тамъ,—впечатлѣніе сгладилось, улеглось, пассивная натура Лусьевой опять вошла въ колею рабства. Къ тому же, въ скоромъ времени ей стало гораздо веселѣе, потому что женскій составъ «корпуса» совершенно измѣнился, и, вмѣсто грубой, противной Антонины, глупой Нимфодоры и скучныхъ нѣмокъ, новыми подругами Лусьевой оказались былыя «рюлинскія» пріятельницы, Жозя и Люція.

Появленію ихъ въ буластовскомъ дѣлѣ предшествовалъ утренній визитъ къ Прасковьѣ Семеновнѣ Адели, которую Маша не видала уже два года. О пріѣздѣ ея шепнула Лусьевой горничная. Маша, въ радости, сорвалась съ постели, какъ бѣшеная, и ринулась искать старую знакомую по всѣмъ комнатамъ. Но Адель была у хозяйки, а на половину Прасковьи Семеновны, какъ въ нѣкое святая святыхъ, женщины, которыми она торговала, не допускались строжайше. Грозная дама такъ хорошо знала окру-

жающую ее, всеобщую ненависть рабынь и прислуги, что даже горничными лично при себѣ держала двухъ своихъ племянницъ, слѣпо преданныхъ ей, безобразныхъ, но страшно сильныхъ физически, дѣвокъ съ Бѣлаго Озера. Одна изъ нихъ, на ночь, ложилась, какъ вѣрная собака, у порога спальни, другая на коврѣ подлѣ кровати,—только тогда Прасковья Семеновна почитала свой опочивъ безопаснымъ и спала, не робѣя, что которая-нибудь изъ благодарныхъ «воспитанницъ» перерѣжетъ ей, сонной, горло...

Свиданіе Адели съ Буластовой продолжалось очень долго, часа три. Наконецъ, Маша подстерегла Адель, уходящую, въ большомъ залѣ, и, хотя гостью съ почтеніемъ провожала сама Буластова, дѣвушка не вытерпѣла,—забыла всю субординацію, такъ и бросилась:

— Адель! Милая! Васъ ли я вижу? Какъ я счастлива!

Адель за два года перемѣнилась неузнаваемо: совсѣмъ другой человѣкъ, величественная матрона какая-то...

— Здравствуйте, Marie...—благосклонно и свысока, какъ принцесса, изрекла она, протягивая Лусьевой руку, затянутую въ черную перчатку.—Я тоже очень рада васъ видѣть.

— Ахъ, Адель!..—восклицала Маша, хотя и нѣсколько смущенная слишкомъ сдержанною встрѣчею. Адель чуть-чуть улыбнулась строгимъ лицомъ.

— Не зовите меня такъ, Marie. Адели больше нѣтъ на свѣтѣ. Есть Александра Степановна; сегодня еще Степанова, завтра Монтраше!..

— Вы выходите замужъ? за вашего Этьена, неправда ли? Ахъ, поздравляю васъ! Ахъ, какъ это хорошо!

На вопросы и восклицанія Маши Адель важно и снисходительно кивала головою.

— Вы, дорогая Прасковья Семеновна, — обратилась она къ Буластовой,—позволите мнѣ поговорить съ Марьею Ивановною нѣсколько минутъ?

Та, начинавшая было уже поглядывать на Лусьеву звѣремъ, мгновенно расплылась въ масляную улыбку.

— Ахъ, душечка, Александра Степановна! Да—хоть цѣлый день! Развѣ я моихъ барышень стѣсняю? Для такой то дорогой гостьи...

И она павою уплыла въ свои аппартаменты.

— А ты, Люлюшка,—сразу перемѣнила тонъ Адель, проводивъ Буластову взглядомъ, — умнѣе не стала... Дисциплины не понимаешь! Развѣ можно было такъ бросаться ко мнѣ? Хозяйки—народъ ревнивый... этого не любятъ! Если бросаешься на шею къ старой хозяйкѣ, значитъ у новой жить нехорошо... Смотри! Она тебѣ припомнитъ!..

— Ну, ихъ всѣхъ тутъ совсѣмъ! Пускай! Притерпѣвшись!.. Ужъ очень я вамъ обрадовалась! Да, дайте же поцѣловать васъ... гордая какая стала!.. Вѣдь я никого съ тѣхъ поръ не видала изъ нашихъ... понимаете, никого!

— Скоро многихъ увидишь,—утѣшила Адель, благосклонно расцѣловавшись съ Лусьевой. — Къ Прасковьѣ Семеновнѣ переходитъ значительная часть дѣла покойной Полины Кондратьевны...

— Ка-акъ вы сказали? — охнула Маша, — Полина Кондратьевна умерла?

— Скончалась... Развѣ ты не видишь, что я еще въ траурѣ? Да, Marie! Не стало нашей благодѣтельницы!

Маша была такъ поражена, что пропустила мимо ушей титулъ благодѣтельницы, не слишкомъ-то, въ отношеніи ея, подходившій къ старой «генеральшѣ». Адель продолжала:

— И представь, какъ странно она умерла: отъ радости. Она сорвала банкъ въ Монтекарло... Умница старуха! Такая оказалась на этотъ разъ благоразумная: перевела выигрышъ въ Петербургъ... И тотчасъ же телеграфировала мнѣ:—Встрѣчай, завтра выѣзжаю... А дня черезъ три пришла полицейская телеграмма изъ Берлина: — Ваша родственница скоропостижно скончалась въ вагонѣ отъ апоплексическаго удара... Да! Сколько неудачъ перенесла, а

вотъ удачи не выдержала!.. Очень грустно, конечно. Но всѣмъ надо умереть, а она была уже близка къ семидесяти.

— Вы теперь богачиха, Адель!—поздравила Маша.

— Да, этотъ выигрышъ и ликвидація дѣла даютъ мнѣ недурныя средства,—спокойно согласилась Адель.—Мы сейчасъ покончили съ Прасковьей Семеновной относительно обстановки и прочаго... Эхъ, Люлю, бѣдняжка! Если бы ты оставалась еще у насъ! Теперь была бы свободна!.. Все на смарку! Понимаешь? Все!

— Бываетъ счастье, да, видно, не для насъ!—пробормотала блѣдная, съ мучительно сжавшимся сердцемъ, Маша.

Адель оглянулась, не подслушиваетъ ли кто, и, выразительно глядя въ глаза Лусьевой, сказала тихо, но внятно:

— У васъ тутъ есть одна... Катерина Харитоновна... Знаешь? Ты съ нею посовѣтуйся... рекомендую!

Маша встрепенулась и насторожилась.

— Я уже говорила...

— Тѣмъ лучше. Баба умная, слова на вѣтеръ не скажетъ, когда не пьяна. Жаль, что это съ нею рѣдко бываетъ... Ну, а теперь—до свиданья, или, правильнѣе будетъ, прощай! Въ Монпелье ты врядъ ли попадешь; а я въ Петербургъ не скоро...

— Постойте... подождите... минуточку!..—цѣплялась за нее Маша.—Ну,—а Ольга—что? Какъ она поживаетъ?

Адель слегка поморщилась.

— Ты о какой Ольгѣ? О Брусаковой что ли? Объ Эвелинѣ? Ну, да, конечно! Я забыла! Вѣдь вы друзья были, какъ два попугая... inseparables!.. Ну, съ нею плохо!.. Пакетъ ея я, конечно, уничтожила, но ей оттого не легче. Она въ Швеціи, въ лечебницѣ для алкоголиковъ...

— Боже мой!..—ахнула Маша.

— Безобразно пить стала .. — брезгливо говорила Адель.—Двѣ бѣлыхъ горячки въ зиму. Фоббель былъ деликатенъ: отправилъ ее въ лечебницу на свой счетъ. Конечно, очень благородно съ его стороны... А, впрочемъ,

кто же и споилъ ее, какъ не онъ? Вмѣстѣ въ охотничьемъ домикѣ чертей по стѣнамъ ловили... А графъ Иринскій умеръ. Уже давно. И—какъ скверно, старый подлецъ! Представь: у него нашлась какая-то бѣдная кузина, а у той дочь, дѣвчонка лѣтъ одиннадцати,—херувимъ вербный. Стариканъ увидѣлъ и обомлѣлъ, а кузина сообразила накрыть нашего достопочтеннаго хорошимъ шантажемъ. Поторговались они, сколько прилично, сперва обиняками, потомъ начисто. Наконецъ, кузина соглашается, назначаетъ: пріѣзжайте въ шесть часовъ вечера.. я уйду ко всенощной и прислугу ушлю.. Тотъ, глупая мумія, въ восторгѣ, прикатилъ, ногъ подъ собою не чуетъ... А кузина—въ чуланъ засѣла, свидѣтелей припасла. Ну... слышитъ небольшая, но честная компанія: визжитъ дѣвчонка не своимъ голосомъ, благимъ матомъ... Бѣгутъ, торжествуютъ: вотъ, сейчасъ накроемъ! А та знай, вопитъ изъ своей комнаты. И слышно по голосу, что не притворяется, какъ велѣно, а уже въ самомъ дѣлѣ. Дверь заперта... Сломали дверь... Графъ-голубчикъ сидитъ на стулѣ, зубы вставные ощерилъ, буркулы бѣлые выпучилъ и дыханія въ немъ—ни на мертваго кота! А дѣвчонка въ уголъ прижалась, тоже вся синяя стала, волосы дыбомъ, заревѣлась отъ страха... Кузину эту потомъ изъ города выслали, однако, сорвать успѣла: говорятъ, наслѣдникамъ стоило тридцать тысячъ, чтобы не разглашала скандала. Полинѣ Кондратьевнѣ, по завѣщанію, графъ ни копѣйки не оставилъ, только фарфоровые часы старинные: Коридонъ и Хлоя... или что-то еще нѣжнѣе! Чувствительный старичокъ! Да чортъ съ нимъ! Мы были рады и тому, что онъ протянулъ ноги не у насъ въ домѣ. Вѣдь этого давно надо было ожидать. Онъ, знаешь, все молодился, средства принималъ различныя... Это даромъ не проходитъ! Ну, прощай! Не поминай лихомъ!

— Прощайте, Адель, милая!.. Будьте счастливы!.. Дай Богъ вамъ и Этьену!.. Прощайте!..—печально твердила

дѣвушка, провожая ее на лѣстницу. Она бы и внизъ, на подъѣздъ, за Аделью пошла, но сильная рука придержала ее сзади за локоть.

— Ну, ужъ это, дѣвушка, тпру... Нельзя! Самимъ нужна!—смѣясь, не пустила ее Ѳедосья Гавриловна.

Внизу тяжело хлопнула дверь... Адель навсегда исчезла изъ жизни Марьи Лусьевой. Почему дѣвушкѣ было грустно, она и сама не знала: кромѣ нравственной погибели, закабаленія, предательства, безсовѣстной эксплоатаціи и суровой силы она отъ Адели ничего не видала .. Однако, къ всеобщему и собственному изумленію, вздыхала, хмурилась, хандрила и чуть не плакала нѣсколько дней. Должно быть, всегда непріятно, когда вмѣстѣ съ человѣкомъ, отходитъ отъ насъ цѣлый періодъ прожитой жизни—жаль терять свидѣтеля молодости, лучшей, чѣмъ текущіе дни, будь свидѣтель этотъ даже бывшій врагъ... Въ другое время Машѣ сильно досталось бы за ея «мехлюдію», но Буластиха и Ѳедосья Гавриловна были ужъ очень въ духѣ: онѣ обстряпали съ Аделью выгодное дѣльце.

Адель сообщила Машѣ неполную правду объ уничтоженіи «пакетовъ». Рѣшивъ ликвидировать опротивѣвшее дѣло, она просто предложила всѣмъ данницамъ Рюлиной единовременный дешевый выкупъ. Тѣ, которыя были въ состояніи заплатить назначенныя суммы или обезпечить ихъ надежными векселями, дѣйствительно, получили свободу. Несостоятельныхъ она полуосвободила, оставивъ у себя ихъ «пакеты»—до выплаты уговоренныхъ суммъ, а до тѣхъ поръ закабаливъ ихъ въ распоряженіе Перхуновой и Юдиои. Буластова осталась вѣрна своей антипатіи къ «пакетамъ» и въ эту операцію больше не вступала, зато она задешево скупала мнимые «долги» тѣхъ женщинъ, которыя работали при Рюлиной добровольно и, со смертью своей повелительницы, не собирались отстать отъ промысла тайною проституціей. Въ томъ числѣ оказались Жозя и Люція.

XV.

Маша была рада старымъ подругамъ, ни мало не претендуя, что очень скоро, новенькія для буластовской кліентуры, шикарныя «рюлинскія» немного оттѣснили ее на задній планъ. Маскоттою корпуса сдѣлалась Жозя, разжирѣвшая за два года, какъ гаремная одалиска, и обнаглѣвшая до хамства. Калашниковская пристань и Гостинный дворъ заболѣли поголовною влюбленностью къ веселой и разбитной особѣ,—она слыла за пріѣзжую польскую графиню!—и прониклись чрезвычайнымъ уваженіемъ къ Люціи, съ ея классическою способностью наливать себя спиртными напитками въ совершенно оголтѣломъ количествѣ, по востребованію. Величавой русской красоты своей Люція, хотя и порядкомъ обрюзгшая, еще не утратила, но голосъ уже сорвала и день свой начинала лафитнымъ стаканчикомъ водки натощакъ. Изъ нея вырабатывался тотъ типъ русской алко-

голички, что—хотя море выпьетъ, вдребезги пьяна не будетъ, зато и совершенно трезвою никогда не бываетъ, словно проспаться времени нѣтъ. Оглупѣла она страшно, курила, какъ солдатъ, походя ругалась и со дня на день опускалась въ циническое неряшество.

— Права была Рюлина, душка! — шептала Машѣ Жозя:—не слѣдовало бы Люціи изъ чернаго тѣла выходить... Какая она была очаровательная тамъ, когда горничною: платьице бордо, фартукъ бѣлоснѣжный... А теперь въ грязныхъ капотахъ этихъ, въ туфляхъ на босу ногу... халда халдою!..

— Споилъ Фоббель, шведъ проклятый!..—жаловалась сама Люція въ минуты посвѣтлѣе. — Что Эвелину, что меня. Ту ума рѣшилъ, а мнѣ нутро испортилъ.

— Развѣ у тебя болитъ что-нибудь?

— Ничего не болитъ, а разбитая я вся... Ногою, рукою двинуть лѣнь... И—ровно камни во мнѣ накладены...

— Ненадежная дѣвка!—по секрету, въ ночи объясняла Машѣ Ѳедосья Гавриловна.—Ты не смотри, что она буйволъ съ фигуры, и рожа треснуть хочетъ. Это ее печенка вздуваетъ, какъ опару,—печень жиромъ проростаетъ... И—вотъ, подуетъ ее этакъ годика полтора, а потомъ однажды пойдетъ у нея кровь носомъ, пойдетъ кровь носомъ... Ну, и—аунюшки, Дунюшки! Это ужъ, стало быть, жиръ задушилъ: черезъ мѣсяцъ пожалуйте въ Смоленскую вотчину, въ Волково имѣніе, къ старостѣ Митрофанію... Наша-то уже сообразила, что покупка непрочна. Оттого и пущаетъ ее и въ хвостъ, и въ гриву: отдыха не даетъ,—торопится выжать, что больше...

Машу Буластиха перевела въ новый родъ эксплоатаціи: какъ раньше «Княжну», ее начали разсылать по городамъ. Сперва она «гастролировала» подъ неизмѣннымъ присмотромъ Ѳедосьи Гавриловны, но вотъ—однажды, какъ разъ наканунѣ поѣздки въ К., звѣроподобную экономку угораздило оступиться на лѣстницѣ и, пересчитавъ тяжелымъ

тѣломъ своимъ ступени двухъ этажей, улечься въ третьемъ со сломанною ногою. Ѳедосью Гавриловну пришлось отвезти въ больницу, а Машино путешествіе, сколько она ни просила хозяйку, Буластиха отложить не захотѣла, и злополучная дѣвушка очутилась уже подъ опекою другой вѣдьмы, постоянной устроительницы поѣздокъ «Княжны», по имени Анны Тихоновны. Эта женщина почему-то не взлюбила Машу чуть ли не съ перваго же ея появленія въ буластовскомъ предпріятіи и оставалась упорнымъ врагомъ ея до настоящаго дня, когда «гастроли» въ К. завершились скандальнымъ появленіемъ Лусьевой въ участкѣ.

Лусьева объясняла:

— Я предпочитала ѣздить по городамъ, чѣмъ трепаться по петербургскимъ квартирамъ. Я уже разсказывала вамъ, какое это удовольствіе. Съ хозяйками и экономками я не умѣла ладить: ужъ очень противныя твари!.. Дѣвушки на меня смотрѣли косо... «Жильцы» вѣчно клянчатъ деньги, а—попробуй, не дай!.. подведутъ какую-нибудь скверную исторію или пронесутъ сплетню, и отъ Прасковьи Семеновны либо отъ Ѳедосьи житья потомъ нѣтъ!.. Да, еще, между квартирами этими, когда потомъ я съ ними со всѣми познакомилась, оказались такія, что страшно стало бывать... На одну, близъ Николаевскаго вокзала, дѣвушки, которыя посуевѣрнѣе, наотрѣзъ отказывались ѣхать:—хоть бейте, хоть до смерти убейте,—не могу!.. боюсь!

— Что же тамъ? Черти что ли? Или привидѣнія ходятъ?—усмѣхаясь въ усы, спросилъ полиціймейстеръ.

— Нѣтъ, видѣть —никто ничего страшнаго не видалъ...

— Стуки?

— Н-н-н-нѣтъ... А, впрочемъ, всѣ мы были такъ настроены, что,—въ стѣнѣ ли щелкнетъ, мебель ли треснетъ, въ печкѣ ли загудитъ,—всякій звукъ странный въ этой квартирѣ уже мерещился намъ за чертовщину. Видите ли: я не знаю, что... но, бывало, едва войдешь, и вдругъ тебѣ какъ-то совсѣмъ дышать нечѣмъ, и тоска нападетъ страш-

ная, и все чего-то ждешь, ждешь... самаго жуткаго и скверпаго!.. До ужаса, ажъ дрожать начинаешь... Вотъ-вотъ кто-то опасный войдетъ, вотъ-вотъ что-то роковое случится... Говорятъ, будто на этой квартирѣ,—дѣло было давно, еще до Буластихи,—«жильцы» уходили кулачищами купца, а, какъ и куда потомъ его убрали, осталось неизвѣстно: все дѣло кануло въ воду, и слѣдствія не было... Ну, вотъ—наши трусихи, разумѣется, и вѣрили, будто вся эта тягость отъ купца убитаго: что онъ живетъ и душитъ...

— Зачѣмъ же,—спросилъ Mathieu le beau,—Буластиха все-таки удерживала за собою такую странную квартиру?

— Мѣсто изстари насиженное. Въ ея профессіи этимъ условіемъ очень дорожатъ. На новыя квартиры многіе неохотно ѣдутъ...

— А «гости» не жаловались?

— Гости ничего... Что же? Они были непредубѣжденные... заранѣе не приготовлялись къ страхамъ этимъ, какъ мы всѣ, несчастныя... А потомъ,—кто ихъ знаетъ! покойниковъ? Можетъ быть, онъ гостей не трогалъ... Вѣдь гости ему ничего не сдѣлали дурного, онъ самъ былъ тоже гость, когда его убили... А намъ, прочимъ, которыя при томъ же самомъ дѣлѣ, онъ мстилъ, оказывалъ свою власть... Понимаете?

— Эге! Да вы, кажется, тоже изъ суевѣрныхъ? — поддразнилъ Mathieu.

— Нѣтъ, не очень... Но, конечно, все-таки непріятно. Вотъ другой квартиры, въ Измайловскомъ полку, гдѣ наша дѣвушка удавилась,—этой я, сознаюсь, очень не любила... Все боялась, что увижу, какъ она виситъ на отдушникѣ...

«Гастрольныя» поѣздки устраивались всегда въ одинаковомъ порядкѣ. Выбиралась изъ квартирныхъ хозяекъ или нанималась со стороны какая-нибудь приличнаго вида и званія дуэнья, вродѣ баронессы Ландіо, Маша объявлялась ея племянницею, а Ѳедосья Гавриловна или Анна Тихоновна—домоправительницей, экономкой, няней, по-

жилою, исконп въ фамиліи, горничною. Ѣздили по частнымъ приглашеніямъ какой-либо провинціальной факторши или, непосредственно, искателя красивыхъ женщинъ: многимъ провинціальнымъ ловцамъ по этой части Буластова служила постоянною поставщицею,—и такъ именно попала Лусьева теперь въ К. Еще чаще ѣздили прямо на удачу—въ сборныя мѣста богатаго люда съ бѣшеными деньгами, которыя поютъ въ карманѣ пѣтухами, просясь на волю: въ Нижній, Ирбитъ, Харьковъ—на ярмарки, въ Кіевъ—на контракты, на Кавказскія минеральныя воды, въ Баку, въ Москву на «Дэрби»...

— Бывало и такъ, что Буластихѣ просто доносятъ: въ такомъ-то городѣ или мѣстечкѣ люди страшно заскучали, развлеченій никакихъ нѣтъ, а шальныя деньги водятся. Она, послѣ того, какъ наведетъ обстоятельныя справки, командируетъ сейчасъ же какую-нибудь госпожу разыгрывать комедію: будто имѣніе подъ городомъ тѣмъ торговать для пріобрѣтенія, либо придумаетъ другую аферу въ такомъ родѣ,—глядя по городу, какія тамъ могутъ быть дѣла и за что люди уважаютъ. Если городъ богатъ и тароватъ, поѣздка въ затяжку идетъ. Нанимается хорошая квартира, выписываются изъ Питера, по очереди, «племянницы», «крестницы», «воспитанницы», «лектриссы»... я, Жозя, Княжна, другія тамъ... и пошло веселое житье, балы, пикники, вечеринки, покуда Ѳедосья и Анна Тихоновна не повыжмутъ бумажники у многоземельнаго дворянства и богатаго купечества! Мы на шахтахъ двѣ недѣли прожили,—золотыя вернулись! Тоже, когда нефть была въ модѣ... на новый фонтанъ одинъ разъ ѣздили... Кути, покуда люди не разорятся, либо полиція сомнѣваться и коситься не начнетъ!.. А тогда, конечно, лови моментъ, чтобы во-время навострить лыжи!.. Да! поѣздки я, ничего, любила: хоть повеселишься, попрыгаешь... считаютъ тебя, все-таки, за порядочную, флертируютъ... А тамъ, въ Петербургѣ,—острогъ! могила!

Изрѣдка встрѣчаясь съ Катериною Харитоновною, Марья Лусьева неизмѣнно получала отъ нея саркастическіе запросы:

— Ну-съ? Когда же мы бѣжимъ? Или охота прошла? Стерпится-слюбится?

— Да, вѣдь я теперь, Екатерина Харитоновна, все въ разъѣздахъ.

— Въ разъѣздахъ-то, милѣйшая моя, и удирать.

— Если бы,—признавалась Марья Ивановна,—со мною продолжала ѣздить Ѳедосья Гавриловна, у меня, вѣроятно, никогда не хватило бы энергіи поступить, какъ сейчасъ... Потому, что я ужасно боялась ея, а, кромѣ того, она всегда обращалась со мною очень хорошо... то есть, по-своему хорошо, конечно: если я получала подарки, она не накладывала лапы на мои вещи,—напротивъ, случалось, что еще сама дарила... Ну, а я ужъ такая: если человѣкъ меня не угнетаетъ, то я противъ него безсильна, никогда не пойду рѣзко ему наперекоръ. Меня до бѣшенства довести надо,—вотъ, какъ Анна Тихоновна ухитрилась,—только тогда я гожусь на смѣлое... А то тряпка! Полы мною мыть! Пыль вытирать!

Съ Анною Тихоновною, въ теченіе поѣздки въ К., онѣ грызлись, начиная отъ самаго Петербурга. Суровый, придирчивый надзоръ въ поѣздкѣ и во время недѣльной остановки для «работы» въ Москвѣ, и общая система Анны Тихоновны держать Машу безъ гроша денегъ выводили дѣвушку изъ себя. Она принялась грубить своей мучительницѣ, а та ее бить.

Въ К. онѣ направлялись по очень таинственному вызову. Здѣсь Лусьеву долженъ былъ встрѣтить богатѣйшій южный помѣщикъ, страстный любитель женщинъ, занимающій въ своихъ родныхъ мѣстахъ слишкомъ крупное и видное положеніе, чтобы развратничать открыто; къ тому же онъ очень стыдится своего физическаго безобразія и боится родственниковъ, которые зорко слѣдятъ за нимъ, такъ какъ шибко охочи подвести стараго эротомана подъ опеку. Поэтому,

когда онъ затѣваетъ пожупровать жизнью въ свое удовольствіе, то пробпрается incognito въ чужой городъ, гдѣ его меньше знаютъ. На этотъ разъ онъ выбралъ К., куда, по его заказу, должна была доставлена быть Марья Ивановна.

— Какъ фамилія этого господина?— спросилъ полиціймейстеръ.

Лусьева пожала плечами.

— Не знаю, впрочемъ, если бы и знала, то не сказала бы... Онъ ничего дурного мнѣ не сдѣлалъ... За что я буду его компрометтировать?

Полиціймейстеръ съ чиновникомъ особыхъ порученій переглянулись.

— Ну, что же? конечно, вы правы... — протянулъ Mathieu le beau,—мы вамъ сейчасъ не допросъ какой-нибудь чинимъ... бесѣдуемъ неофиціально... пока его фамилія намъ не нужна...

Лусьева продолжала:

— Мнѣ было велѣно звать его Хрисанфомъ Ивановичемъ... Онъ одноглазый и лысъ, какъ биллiардный шаръ...

— Нѣтъ у насъ такого... —проворчалъ полиціймейстеръ. — Спрошу по командѣ, кто изъ пріѣзжихъ... должны знать!..

Женщины прибыли въ К. раньше, чѣмъ Хрисанфъ Ивановичъ. Онъ телеграфировалъ, что задержанъ на нѣсколько дней дѣлами, и просилъ ждать, съ расходами за его счетъ. Вотъ почему Марья Ивановна зажилась въ городѣ и, появляясь съ баронессою Ландіо въ общественныхъ мѣстахъ, успѣла завязать нѣсколько знакомствъ.

— Такъ вотъ я и васъ встрѣтила.

Mathieu le beau галантно поклонился.

Знакомствамъ Анна Тихоновна, разумѣется, не препятствовала, разсчитывая, что. по отъѣздѣ Хрисанфа Ивановича, пуститъ Лусьеву въ городѣ по рукамъ. Но ссоры и грызня съ дѣвушкою не прекращались.

— Особенно она меня «Княжною» допекла: понимаете,

что я ей меньше доходна, чѣмъ «Княжна», не стоитъ со мною и ѣздить, никто мною не интересуется, не умѣю я деньги добывать... Слушаешь, слушаешь это пиленье день деньской, ну, и не сдержишься... взорветъ, наконецъ!... Согласитесь: есть же и у меня свое самолюбіе!.. Всякая подлая тварь въ лицо хаять станетъ!.. И еще обысками она меня измучила. Откуда бы мы съ баронессою ни возвратились въ номеръ, сейчасъ же начинаетъ шарить по карманамъ, въ чулки заглянетъ, корсетъ снять велитъ... это, понимаете ли, все провѣряетъ, не работаю ли я стороною на самое себя, да не прячу ли подарка, либо денегъ!.. Прямо вамъ говорю: бѣлые огни зажигались у меня въ глазахъ отъ этихъ обысковъ мерзкихъ! Кабы ножъ близко, такъ бы и хватила по горлу либо ее, либо себя!.. Никогда никто такой подлости надо мною себѣ не позволялъ!.. Ужъ не говорю про рюлинское время, никто... ни Ѳедосья Гавриловна, ни сама Буластиха... никто! И вѣдь надобности никакой нѣтъ, и увѣрена она во мнѣ очень хорошо, и знаю, что это она нарочно, со зла, чтобы оскорбить меня лишній разъ, власть свою надо мною показать!.. Въ Петербургѣ пальцемъ тронуть не смѣетъ, такъ зато въ поѣздкѣ измывается. Вотъ де—твоей заступницы здѣсь нѣту, такъ я съ тебя спѣсь то собью: что хочу, то съ тобою и дѣлаю!.. Онѣ съ Ѳедосьею-то Гавриловною соперничаютъ, кто сильнѣе у Буластихи, и, какъ водится, на ножахъ... Ну, если такъ, то тутъ ужъ и я на нее вызвѣрилась. —Ты дѣлаешь со мною, что хочешь, такъ и я сдѣлаю, что хочу!.. И рѣшила бѣжать здѣсь, какъ Катерина Харитоновна, Княжна и Адель совѣтовали... бѣжать непремѣнно...

— Погодите-ка, а то забуду спросить, — перебилъ полиціймейстеръ,—какъ вы паспортъ добыли изъ конторы? Тамъ никто не помнитъ, когда вы его получили.

Марья Лусьева вспыхнула, потупилась. Потомъ подняла голову съ наглымъ вызовомъ.

*

— Очень просто: для меня его выкралъ номерной... Васильемъ звать. Красивый малый...

— Вы его просили?

— Да, просила.

— Не удивился онъ, что вы такъ таинственны?

— Я заплатила ему...

— Позвольте. Да вы же только-что сейчасъ жаловались, что у васъ ни копейки денегъ не было?

Марья Лусьева взглянула на полиціймейстера страшно мрачно и упавшимъ вялымъ голосомъ произнесла:

— Будто только деньгами платятъ...

— Гм...—осѣкся и сконфузился полиціймейстеръ.

— Зачѣмъ, однако, вамъ такъ понадобился вашъ паспортъ?—вмѣшался Mathieu.—Вѣдь вы, дѣйствительно, могли, когда угодно, вытребовать его черезъ полицію.

— Я боялась, что онѣ съ нимъ сдѣлаютъ что-нибудь такое, что полиція должна будетъ принять ихъ сторону... Или просто уничтожатъ документъ, а потомъ скажутъ, что я—не я, и я останусь безъ вида, какъ бродяга...

— Такъ-съ. Далѣе?

Хрисанфъ Ивановичъ пріѣхалъ. Назначено было, что онъ встрѣтится съ Лусьевою въ театрѣ, а затѣмъ увезетъ ее къ себѣ. Все такъ и сдѣлалось. Блудливый Крезъ остановился не въ гостинницѣ, но у какой-то своей знакомой дамы, на частной квартирѣ. Фамилію Лусьева опять не могла сказать, а мѣстность опредѣлила глухо.

— Я города не знаю... Ночь... Очень недурное помѣщеніе...

— Недурныя помѣщенія у насъ на перечетъ...—пожавъ плечами, подивился полиціймейстеръ. — Странно! Ну-съ... для насъ вотъ эта часть вашей исторіи интереснѣе всего...

— Ночью я пила много вина, а, когда пью, дѣлаюсь злая. На прощанье утромъ Хрисанфъ Ивановичъ подарилъ мнѣ лично двѣсти рублей. Я спрятала ихъ за перчатку, на

лѣвую руку. Ѣду домой, въ головѣ шумитъ, но веселая: радуюсь, какъ это ловко подошло, если убѣгу, то даже и деньги есть перебиться на первое время!.. Но, едва я вошла въ номеръ, Анна Тихоновна такъ и прыгнула ко мнѣ, какъ кошка...

— Показывай, сколько!

— Чего вамъ? У меня ничего нѣтъ...

— Что-о-о-о? Врешь, голубка! Не надуешь! Другихъ морочь: отъ Хрисанфа-то Ивановича безъ подарка? Щедрѣе барина въ Россіи нѣту. Честью тебѣ говорю: вынимай, сколько?

— Ничего не далъ, ни гроша...

— Сколько, дрянь?!

— Сама такая!

Она такъ ракетою и взвилась:

— Разговаривать? Ты разговаривать?!

Бацъ!..

— А это что?

Схватила меня за руку... Насѣли вдвоемъ съ баронессою, отняли деньги... Однако, покуда мы возимся и ругаемся, вдругъ стучатъ къ намъ въ дверь, просятъ: — Нельзя ли потише, обижаются сосѣди... Баронесса выглянула въ корридоръ, извинилась... А я взглянула—замѣтила, что она потомъ дверь на ключъ не заперла, только притворила... А Анна Тихоновна, багровая, предо мною стоитъ, губы у нея трясутся, шипитъ:

— Я тебѣ, сударка моя, себя теперь покажу! я тебѣ пропишу, голубка!..

И рукава кофточки закатываетъ за локти .. палачествовать разохотилась!.. Меня ужасъ объялъ: не выйду живою, забьетъ!.. Говорю ей,—языкъ едва ворочается,—бормочу:

— Троньте только... ну, вотъ троньте!.. Я на весь городъ кричать буду!..

А она тоже суконнымъ языкомъ на меня лопочетъ:

— Я те, я те, я те...

Пошла къ умывальнику, носовой платокъ намочила, жгутомъ крутитъ: я уже понимаю, зачѣмъ,—ротъ мнѣ заткнуть хочетъ...

— Это,—шепчу,—вы напрасно .. оставьте, Анна Тихоновна! Тиранствовать нельзя... Я не дамся!..

А она на меня даже и не глядитъ уже, только сказала баронессѣ:

— Ты, сударыня, чего зѣваешь? Запри дверь покрѣпче...

Та рохля, на мое счастье, старая, изъ робкихъ: руки у нея трясутся, ключъ въ скважинѣ застрялъ, не поворачивается, хотѣла поправить, вовсе на полъ уронила... Ахъ, ахъ!.. ахаетъ, вздыхаетъ, подслѣпая, ползаетъ по ковру... Я вдругъ—точно осѣнило: какъ рванусь, да черезъ нее!.. Корридоръ, лѣстницу пролетѣла вихремъ... Какъ ошибло меня свѣжимъ воздухомъ, тутъ только очнулась: жива!.. Ну, и вотъ я здѣсь... Дальше вы знаете...

Долго длилось молчаніе, во время котораго Лусьева сидѣла, низко опустивъ голову на грудь. Она, кажется, плакала и не хотѣла выдать своихъ слезъ.

— Тэкъ-съ...—нарушилъ затишье полиціймейстеръ:—Одиссея эта ваша, можно сказать, весьма многозначительная. Что же, Матвѣй Ильичъ? Вѣдь надобно запротоколить по формѣ... тутъ вонъ какія дѣла открываются...

— Н-да-а...—сказалъ Mathieu le beau.—И къ прокурору отнестись немедленно... Вамъ, сударыня, сдѣланъ будетъ допросъ по формѣ, а затѣмъ, вѣроятно, вы должны будете повторить ваши показанія передъ судебною властью.

Лусьева сердито отозвалась:

— Хоть передъ китайскимъ богдыханомъ.

Въ сосѣдней комнатѣ задребезжалъ звонокъ телефона. Въ дверь просунулась голова озабоченнаго дежурнаго полицейскаго чина.

— Его превосходительство, господинъ начальникъ губерніи просятъ ваше высокоблагородіе къ телефону.

Полиціймейстеръ вышелъ. Mathieu le beau и Марья Лусьева остались въ неловкомъ, натянутомъ молчаніи. Чиновникъ рисовалъ перомъ на лежавшемъ передъ нимъ синемъ дѣлѣ фигурки чертей и профили женщинъ. Лусьева смотрѣла на него почему-то съ невыразимою ненавистью.

— Ска-а-а-жите, пожалуйста,—началъ было Mathieu,—вы въ Петербургѣ не знавали моего друга Сержа Филейкина?

— Не помню,—получилъ онъ сухой отвѣтъ.

— Я больше потому спрашиваю, что онъ по части женщинъ большая ска-а-а-атина...

— Мало ли ска-а-атинъ!..—въ тонъ ему, злобно протянула Марья Ивановна.

— Матвѣй Ильичъ! пожалуйте-ка сюда!—позвалъ полиціймейстеръ.

— Казуснѣйшая штука, батенька вы мой!—зашепталъ онъ.—Самъ чортъ не разберетъ: не то дѣло наклевывается, не то мистификація... Знаете ли, кто сейчасъ сидитъ въ кабинетѣ его превосходительства? Тетушка дѣвы этой самой.. баронесса Ландіо!..

— Да, ну?—изумился чиновникъ —Позвольте: она же уѣхала въ Одессу...

— Стало быть, не доѣхала. . возвратилась!.. И съ нею Леневская.

— Софья Игнатьевна?

— Да. Его превосходительство приказываетъ, чтобы дѣвицу Лусьеву немедленно отвезти къ Леневской, а завтра онъ самъ ее увидитъ...

— Гмъ... А какъ же съ прокурорскимъ надзоромъ?.. Можетъ выйти непріятность... Знаете, какъ они щепетильны ..

— Я позволилъ себѣ намекнуть...—Они засмѣялись, говорятъ, что знаютъ, и прокурорскому надзору нечего

тутъ вмѣшиваться... Если надо будетъ, говорятъ, я самъ перетолкую... Тутъ, говорятъ, огромнѣйшее и глупѣйшее недоразумѣніе...

— Странно!

— Странно!

Оба потаращили другъ на друга глаза, пожевали губами

Распоряженіе вышло, не наше дѣло разсуждать!..— рѣшилъ полиціймейстеръ, и, возвратясь къ Лусьевой, объявилъ ей волю губернатора

— Кто такая ваша Леневская?—нахмурясь, спросила дѣвушка.

— Софья Игнатьевна Леневская—почтеннѣйшая дама въ городѣ, прекраснѣйшая особа, первая наша дама-патронесса... безсчетно много добра дѣлаетъ!.. Его превосходительство желаетъ, чтобы до свиданія съ нимъ вы остались какъ бы подъ ея охраною.

Марья Лусьева сдвинула брови еще суровѣе. Въ глазахъ ея забѣгали опасные, враждебные огоньки.

— Я не поѣду!—мрачно оторвала она.

— То есть, какъ это не поѣдете?—озадачился и озвѣрился полиціймейстеръ.

— Не поѣду!

— Но если начальникъ губерніи...

— Не поѣду!—истерически завизжала дѣвушка.—Не поѣду! Тащите силою, а по доброй волѣ не пойду! И всю дорогу буду кричать. .

Полиціймейстеръ выкатилъ глаза и разинулъ было ротъ, чтобы гаркнуть, но Mathieu вмѣшался.

— Позвольте, mademoiselle, позвольте... зачѣмъ горячиться?—примирительно и учтиво заговорилъ онъ. Никто никуда силою васъ не потащитъ .. Вопросъ только о томъ, гдѣ устроить васъ до завтра... Его превосходительство желаетъ лично вникнуть въ ваше дѣло...

— Не поѣду!—вопіяла Лусьева.

— Но иначе намъ васъ дѣвать некуда!..—разсердился теперь и Mathieu. Не въ участкѣ же вамъ ночевать!

— Я готова, если надо, ночевать въ участкѣ!.. А въ чужой домъ, къ незнакомой какой-то дамѣ не поѣду... Ишь, что придумали!.. Нѣтъ, не на дуру напали! Знаю, что это значитъ, куда вы меня приглашаете!..

— Что вы воображаете?—рявкнулъ—не вытерпѣлъ полиціймейстеръ —Какъ вы смѣете? Передъ вами, сударыня, люди оффиціальные!

— Тигрій Львовичъ! Тигрій Львовичъ!

— Да, что, Тигрій Львовичъ? Терпѣнія, сударь мой, нѣтъ...

— Не поѣду!—крѣпко кусая губы, ломая пальцы, твердила дѣвушка, съ тупымъ, неподвижнымъ взглядомъ, сосредоточеннымъ на спинкѣ стула.—Хитры! Леневскую какую то сочинили!.. Говорили бы прямо, что вамъ велѣно отвезти меня въ сумасшедшій домъ!..

Полиціймейстеръ и чиновникъ особыхъ порученій обмѣнялись многозначительными взглядами.

— Гмъ .. ларчикъ просто открывается!..—пробормоталъ про себя Mathieu.

— Послушайте! Честью вамъ клянусь, что вы ошибаетесь!..—горячо заговорилъ онъ вслухъ.—Съ какой стати? Помилуйте! Намъ и въ голову не приходило...

Полиціймейстеръ, безпомощно разведя руками, снова прошелъ къ телефону.

— Кто говоритъ? а? что? Громче! А?—отозвался ему знакомый начальническій теноръ.— Боится? Чего боится?.. А?.. Что въ сумасшедшій домъ?.. Ха-ха-ха! Вотъ чудачка!.. Да да-да... Однако, это любопытно, что вы говорите... Да-да-да-да-да да.. Это подтверж-да-етъ...

— Куда же прикажете устроить ее, ваше превосходительство? — возопилъ съ отчаяніемъ полиціймейстеръ: возня съ Марьей Лусьевой надоѣла ему, что называется, «до шпенту».

— Ну... помѣстите ее въ какомъ-нибудь приличномъ отелѣ!.. Да-да-да... Разумѣется, въ отелѣ!.. Адресъ сообщите Софьѣ Игнатьевнѣ... Она такъ добра, желаетъ заѣхать... Ну, и маленькій надзоръ... на всякій случай...

Телефонъ замолкъ.

Помѣститься въ отелѣ Марья Лусьева согласилась сразу и съ радостью.

— Въ отель я не боюсь... Только не въ «Фениксъ».. мнѣ стыдно...

— Въ «Золотомъ Оленѣ» можно... Вы ужъ, Матвѣй Ильичъ, будьте добренькій—оборудуйте это, а я—къ его превосходительству...

— Очень радъ...

Какъ скоро Марья Ивановна оказалась на новосельи, въ корридорѣ гостинницы появился неизвѣстнаго званія и полупочтенной наружности господинъ. Онъ много шутилъ съ прислугою, повидимому, давно и отлично его знавшею, очень интересовался электрическимъ освѣщеніемъ, внимательно и подробно, разъ по десяти, изучалъ желѣзнодорожныя расписанія на стѣнахъ, театральныя афиши и торговыя рекламы, и ни на минуту не выпускалъ изъ поля зрѣнія дверь въ номеръ Марьи Лусьевой.

XVI.

прямо и откровенно говорю вамъ, генералъ: не въ службу, а въ дружбу!

— Уважаемая Софья Игнатьевна, вы знаете, что я всегда заранѣе готовъ сдѣлать для васъ все, что отъ меня зависитъ. Но дѣло, о которомъ вы просите, принадлежитъ къ разряду тѣхъ, что либо гаснутъ сами собою, безъ всякихъ просьбъ, либо должны горѣть, и уже никакія просьбы потушить ихъ не въ состояніи. Ваша несчастная кузина...

— Племянница, — поправила губернатора Софья Игнатьевна Леневская, видная дама въ сѣдыхъ кудряхъ, съ острыми и внимательными голубыми глазами. — Двоюродная племянница. Она дочь бѣдной Зины Лусьевой, а матери—моя и Зины—были родныя сестры. Entre nous soit dit, выходя за этого Лусьева, Зина сдѣлала глупѣйшій mesallence. И вотъ—результаты!

— Такъ вотъ-съ,—виноватъ,—племянница ваша натворила и наговорила самыхъ безумныхъ и фантастическихъ глупостей. Да-да-да-да-да! Хорошо-съ! То есть очень скверно-съ! Нашъ милѣйшій Тигрій Львовичъ былъ настолько остроуменъ, что не оформилъ дѣла сразу. Его сдѣдовало бы хорошенько распечь за упущеніе, но—побѣдителей не судятъ, а, послѣ вашихъ откровеній вчера и сегодня, онъ, разумѣется, оказывается нечаяннымъ побѣдителемъ... Скажите, пожалуйста: какъ давно это сдѣлалось съ нею?

— Уже лѣтъ пять. Она стала заговариваться послѣ ужасной смерти своего отца: онъ погибъ подъ конкою. А потомъ подоспѣла неудачная любовная исторія... ея женихъ оказался большимъ негодяемъ... Un faux pas... comprenez vous? Она... вы, Порфирій Сергѣевичъ, конечно, поймете, какъ мнѣ тяжело входить въ подробности: вѣдь, хотя и дальняя, Маша мнѣ, все-таки, родственница... .

— Да-да-да-да! Еще бы, еще бы!

— Фамильный позоръ!

— Кому пріятно?!

— Она... опасалась послѣдствій... приняла какія-то мѣры... очень неудачно... Ну, послѣ того уже совсѣмъ!..

— И часто на нее находитъ?

Леневская опустила глаза.

— Каждый мѣсяцъ.

— Ага!

Губернаторъ побарабанилъ пальцами по столу.

— Какъ же это, зная за нею такое, ваша курица-баронесса не доглядѣла ее, пустила шальную бѣгать по городу?

— Ужъ именно курица!—съ добродушнымъ и веселымъ гнѣвомъ согласилась Леневская.—Именно курицею хохлатою прилетѣла она ко мнѣ въ усадьбу!.. Я сперва понять ничего не могла, едва узнала ее въ лицо: вѣдь мы не видались десять лѣтъ... Спасите, защитите, Маша, сумасшедшій домъ, участокъ... Что же это такое? Сумбуръ!

Хаосъ!.. Клохчетъ, руками машетъ, слезы... Всю ее дергаетъ... Mon opinion est que— у нея самой голова не слишкомъ въ порядкѣ!

Начальникъ кашлянулъ съ легкимъ конфузомъ и сказалъ:

— Да-да-да-да! Я, конечно, не смѣю утверждать, но на меня она произвела впечатлѣніе... гмъ... какъ бы это поделикатнѣе о прекрасномъ полѣ?.. гмъ... она, грѣхомъ, не поклоняется ли Бахусу?

Софья Игнатьевна утвердительно опустила вѣки.

— Эфиръ и одеколонъ...—прошептала она, конфиденціально вытягивая губы трубочкою.

— Ага! Какъ англичанки? Да-да-да-да! Ага!

— Несчастная слабость. Ахъ, тоже печальная ея была жизнь!.. Еще съ института.

— Она гдѣ теперь? у васъ?

— Да. Лежитъ совсѣмъ больная. Плачетъ въ три ручья. Такъ ее исторія эта разбила, такъ потрясла...

— Еще бы, еще бы! Очень понятно. Да-да-да-да! Итакъ, добрѣйшая Софья Игнатьевна, я продолжаю. Оффиціально,—а ни во что неоффиціальное мы входить не имѣемъ основанія,—дѣло вашей бѣдной племянницы обстоитъ такъ. Госпожа Лусьева явилась въ участокъ съ извѣстнымъ вамъ, компрометирующимъ ее, требованіемъ. Въ виду необыкновенности заявленія, она была подвергнута медицинскому изслѣдованію. Врачъ нашелъ ее нормальною...

— Но не спеціалистъ, axcellence! Онъ не спеціалистъ!

— Такъ точно. Обыкновенный полицейскій врачъ, котораго наукѣ и мнѣнію, разумѣется, грошъ цѣна! Затѣмъ, въ продолжительномъ разговорѣ съ полиціймейстеромъ и моимъ чиновникомъ, госпожа Лусьева сдѣлала рядъ разоблаченій, которыя, если бы она была въ своемъ умѣ, были бы чрезвычайно важны. Разговоръ этотъ, однако, остался частнымъ, не оформленнымъ въ дознаніе. Тѣмъ временемъ мы узнаемъ отъ васъ, что

имѣемъ дѣло съ сумасшедшею фантазеркою, въ чемъ я, конечно, ни мало не сомнѣваюсь. Но тѣмъ не менѣе,— какъ я прошу васъ очень хорошо и безъ малѣйшей обиды для себя понять,—непровѣреннымъ факта этого я, все-таки, оставить не могу и не въ правѣ. Да-да-да-да! Полицейское дознаніе должно быть произведено.

Леневская насторожилась.

— Вы, ради Бога, не пугайте меня страшными словами. Я женщина, формъ вашихъ не знаю и боюсь. Что вы подразумѣваете подъ вашимъ «полицейскимъ дознаніемъ»?

— Да, вотъ,—покуда мы съ вами тутъ бесѣдуемъ, въ эту самую минуту съ вашей племянницы снимаютъ допросъ...

Леневская сострадательно вздохнула съ спокойнымъ видомъ.

— Бѣдная дѣвочка! Воображаю, какъ она мучится и трепещетъ!.. Когда я была у нея вчера вечеромъ, она просто зубомъ на зубъ не попадала,—такъ дрожала отъ страха, стыда, волненія!—«Что, тетя, со мною было? Что я надѣлала?..» Я битыхъ три часа провела съ нею—до поздней ночи... все успокаивала!

— А къ вамъ поѣхать все-таки не согласилась?

Леневская снисходительно улыбнулась.

— Ни за что! Знаете: припадокъ утихаетъ, но не совсѣмъ еще прошелъ... Сознаніе борется съ обманомъ чувствъ. Она долго не хотѣла меня узнать, притворялась, что даже имени моего никогда раньше не слыхала, насилу вспомнила, кто я такая, и даже послѣ того, какъ согласилась меня принять, какъ друга, потомъ еще раза три обзывала меня разными чужими именами... Ну, я предпочла не настаивать. Баронесса предупредила меня, что ее не слѣдуетъ раздражать, когда она въ такомъ состояніи. Вѣдь именно съ того и начинаются ея припадки: кто-нибудь разсердитъ, и пошла писать. Если бы не эта глупая Анна Тихоновна, которая набросилась на нее поутру съ выговоромъ и воркотнею, то, вѣроятно, не случилось бы и вче-

рапняго скандала. А съ другой стороны, надо и Анну извинить: старая нянька, на рукахъ ее выносила, любитъ свою барышню безъ памяти... и вдругъ барышня является неизвѣстно откуда раннимъ утромъ, дикая, дерзкая, какъ будто не совсѣмъ трезвая!..

— Да, вотъ это еще, Софья Игнатьевна: оно невыяснено и остается немножко непонятнымъ...

— Что, генералъ?

— Какъ ваши старушки не обезпокоились, когда г-жа Лусьева сбѣжала отъ баронессы изъ театра и пропала на цѣлую ночь?

Леневская сдѣлала удивленные глаза:

— Mon gènèral! О чемъ же могли онѣ безпокоиться? Маша сказала имъ, что ѣдетъ ночевать къ своей подругѣ, m-lle Карповичъ... Онѣ въ Петербургѣ учились вмѣстѣ--- одного выпуска по гимназіи...

— А-га-га!

— Я знаю барышню: она премиленькая... восточное что-то въ типѣ... Отецъ ея, говорятъ, ростовщикъ, но согласитесь: за грѣхи родителей нельзя же отвергать дѣтей...

— Конечно, конечно... Значитъ, у Карповичъ она и ночевала?

— Ну, да!.. Тамъ тоже теперь страшный переполохъ, потому что только теперь узнали... Она съ вечера была совсѣмъ нормальная, это, очевидно, уже къ утру съ нею началось. Затосковала, вскочила съ постели ни свѣтъ, ни заря и умчалась домой...

— Такъ, такъ.

— Ну, и вотъ: влетѣла бурею, грозитъ, дерется, кричитъ, произноситъ слова, о которыхъ даже не подозрѣвали, что она такія знаетъ!.. бѣжитъ на улицу, въ участокъ!.. Ну, вы знаете, что для людей стараго вѣка значитъ полиція!.. Старухи мои совсѣмъ струсили, всякую память потеряли... Хорошо еще, что Анна Тихоновна вспомнила о моемъ здѣсь существованіи, и баронесса нашла меня въ

усадьбѣ... Иначе онѣ, съ перепуга, и впрямь домчались бы до Одессы!..

— А тамъ бы ихъ и цапъ!— засмѣялся губернаторъ.

— Потому что отправлена телеграмма о задержаніи. Да да-да-да.

Смѣялась и Леневская.

— А тамъ бы ихъ цапъ! И на вашей душѣ былъ бы грѣхъ, потому что мои трусихи непремѣнно умерли бы отъ страха!

— Скажите, пожалуйста: кто ее лечилъ въ Петербургѣ?

Леневская подняла брови въ недоумѣніи.

— Хоть убейте, не вспомню... Надо справиться у баронессы: у нея отъ него медицинское свидѣтельство есть и рекомендаціи къ южнымъ врачамъ... Кнабенвурстъ?.. Газеншмидтъ?... Нѣтъ! Потеряла фамилію: нѣмецъ какой-то извѣстный.

— Да-да-да-да! Престранная, однако, у нея форма помѣшательства! И откуда она все это знаетъ и съ такою обстоятельностью? Мнѣ Матвѣй Ильичъ передавалъ: въ такой, говоритъ, послѣдовательности и съ такими подробностями... Просто, говоритъ,—мы хотя и мужчины, но,— извините ужъ, Софья Игнатьевна,—даже и нашему брату грѣшнику кое какія новости открыла... Какъ это—у нея? Гдѣ могла взять примѣры?

Леневская досадливо отмахнулась рукою.

— Милѣйшихъ тетушекъ благодарить надо! Филантропки умнѣйшія!

— Боже мой!—пошутилъ губернаторъ,—не живемъ ли мы въ послѣднія времена? Софья Игнатьевна, королева филантропокъ,—и вдругъ — противъ филантропіи!

— Позвольте, позвольте, mon général... Я сама филантропка, но все въ мѣру: я возмущаюсь экзажераціей... Я тоже охотно покровительствую всѣмъ этимъ... падшимъ, помогаю имъ, чѣмъ могу, когда онѣ раскаиваются, но брать pénі-

tentes къ себѣ въ домъ на попеченіе или прислугою, какъ дѣлала покойная кузина Рюлина, но допускать ихъ къ общенію съ семьею,—нѣтъ! извините, Порфирій Сергѣевичъ! для этого я не имѣю довольно гражданскаго мужества!.. У меня дочери! Ихъ чувства чисты, ихъ мысли невинны, а вотъ вамъ образецъ, какой развратъ могутъ втихомолку влить подобныя госпожи въ умъ дѣвушки... Я, конечно, далека отъ того, чтобы приписывать этому все помѣшательство Маши, но не сомнѣваюсь, что, при другихъ условіяхъ, оно было бы менѣе... эротическое!..

— Кстати,—остановилъ ее губернаторъ,—вы не думаете посовѣтоваться о ней съ здѣшними врачами? Вѣдь у насъ два недурныхъ психіатра... Къ Тигульскому больныхъ привозятъ со всей Россіи...

Леневская остро взглянула на генерала.

— По вашему тону,—сказала она,—я заключаю, что оно будетъ нелишнимъ?

Губернаторъ пожалъ плечами.

— Да, пожалуй!..—возразилъ онъ,—оправдательный документъ въ дѣлѣ никогда не вредитъ.

Леневская отвѣчала:

— Консультаціи врачей, откровенно вамъ скажу, я очень не хотѣла бы. Во-первыхъ, оба наши психіатра между собою на ножахъ, и, когда одинъ говоритъ: бѣлое, другой считаетъ своимъ непремѣннымъ долгомъ спорить: нѣтъ, черное! Они только перепугаютъ мою бѣдную Машу и смутятъ баронессу... А затѣмъ: я отдаю справедливость ихъ знаніямъ, но какой же авторитетъ могутъ они имѣть послѣ столичныхъ знаменитостей? Машу свѣтила лечили!.. Ихъ можно запросить...

— Да-да-да-да!.. Вы скажите баронессѣ, чтобы она представила мнѣ медицинское свидѣтельство, о которомъ вы говорили. Мы, можетъ быть, дѣйствительно, запросимъ врача по телеграфу,—для несокрушимой прочности нашихъ оплотовъ, знаете ли!.. А съ здѣшними врачами, все-

таки, посовѣтуйтесь: видите ли, оно намъ важно, что— послѣ факта и мѣстные. Не надо ничѣмъ пренебрегать. Вамъ же, для общественнаго мнѣнія, противъ сплетенъ полезно... Скандалъ то во всякомъ случаѣ большой и его въ мѣшокъ не спрячешь... Консультація, пожалуй, что— ужъ черезчуръ. Довольно, если пригласите Тигульскаго. Онъ, хотя великій дипломатъ и, говорятъ, охотникъ даже взяточки побирать, но—не пойманъ, не воръ, а въ своей спеціальности онъ магъ и волшебникъ...

— Очень хорошо,—съ радостью согласилась Леневская,—я сейчасъ же... А фамилію доктора, который лечилъ Машу въ Петербургѣ, я вспомнила... то есть, вспомнила, что она у меня отмѣчена въ записной книжкѣ: баронесса такъ его расхваливала, что я на всякій случай... позвольте... позвольте... нѣтъ, то зубной эликсиръ!.. нашла: вотъ... Карлъ Атанасовичъ Либесвортъ, Невскій, 666...

— Прекрасно-съ, мы, въ случаѣ надобности, съ нимъ снесемся.

Леневская встала.

— Такъ что, général если припадокъ моей бѣдной племянницы уже кончился, и она дала вашимъ чиновникамъ разумные отвѣты, не разсказывая никакихъ страшныхъ романовъ...

— То дѣло ограничится вопросомъ объ оффиціально заявленномъ ею требованіи быть записанною въ разрядъ извѣстныхъ женщинъ. А это требованіе мы отклонимъ—на основаніи предъявленнаго намъ медицинскаго свидѣтельства о психической ненормальности и за вашимъ поручительствомъ.

— А если припадокъ еще владѣетъ ею, и она опять наговоритъ Богъ знаетъ чего?

— Тогда непріятно. Дѣло придется передать судебной власти.

— На основаніи показанія сумасшедшей?!

— Мы не имѣемъ права дѣлать самостоятельныхъ за-

ключеній объ ея сумасшествіи. Установить, что она не въ своемъ умѣ, будетъ дѣломъ слѣдствія и экспертизы.

— Но, Боже мой! Это значитъ,—судъ?!

— Нѣтъ, какой же судъ? Только слѣдствіе. Разъ будетъ выясненъ фактъ сумасшествія, дѣло прекратится производствомъ.

— Но, какъ бы то ни было, огласка и волокита?!

— Что дѣлать?!

— Бѣдное дитя! Бѣдная баронесса! Онѣ будуть совсѣмъ компрометированы. И сколько родныхъ возстанетъ... Ужасно!

— Избѣжать, къ сожалѣнію, нельзя. Форма-съ!

— Но какая же цѣль? Вѣдь, все равно, всѣ эти труды окажутся ни къ чему... Нѣтъ ничего больше и кромѣ того, что я вамъ открыла. Тутъ все!.. Зачѣмъ же искать пустого мѣста?

— А для торжества и контроля правосудія. Форма-съ!

— Странно! И никакъ нельзя предотвратить?

— Никакъ, Софья Игнатьевна! Если бы дѣло замолчала полиція,—въ него легко можетъ вмѣшаться прокурорскій надзоръ,—и тогда репримандъ полиціи. Если промолчитъ прокурорскій надзоръ,—существуетъ на свѣтѣ жандармскій полковникъ...

Леневская сокрушительно вздохнула.

— Mon Dieu! Сколько у насъ властей! Ахъ, въ старину было все проще и лучше... Ну, будемъ надѣяться, что моя милая дѣвочка уже умница и не поставитъ насъ во всѣ эти непріятныя перспективы... Во всякомъ случаѣ, сердечное, душевное спасибо вамъ, excellence!.. У васъ золотое сердце ..

— Помилуйте.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Это рѣдкость!.. Столько гуманности... столько теплоты...

XVII.

— Ну, что?—встрѣтилъ губернаторъ полиціймейстера и Mathieu le beau, когда они прибыли отъ Лусьевой. Mathieu казался сконфуженнымъ, полиціймейстеръ былъ мраченъ.

— Полный отбой по всему фронту, ваше превосходительство!—заявилъ Mathieu.—Знать ничего не знаетъ, вѣдать не вѣдаетъ. Совсѣмъ другой человѣкъ. Нельзя узнать противъ вчерашняго. Очнулась и ничего сама о себѣ и вокругъ себя не понимаетъ.

— Гм...

— Меня сразу признала, а Тигрія Львовича нѣтъ. «Помню,—говоритъ,—что-то, какъ въ туманѣ... Можетъ быть, и видала васъ когда-нибудь... Извините!.. Свѣтлыя пуговицы... Участокъ... Умоляю васъ: что еще я вчера натворила? Я знаю, что на меня временами находитъ... Какъ я здѣсь очутилась? Гдѣ тетушка Ландіо? Гдѣ тетушка Леневская?»

— Гм...

— Мы ей напоминаемъ,—она только глаза открываетъ

все шире и шире: ничего не помнитъ, ничего не разумѣетъ... «Это я говорила? Это я дѣлала? Боже мой! Какой ужасъ, какой позоръ, какая безстыдная, безумная ложь!..» И опять слезы рѣками!.. Пришлось намъ угощать ее и валерьяномъ, и лавровишневыми каплями, и ландышными... Тутъ, къ счастью, Софья Игнатьевна подъѣхала. Мы ей дѣвицу эту и сдали съ рукъ на руки.

— Гм... Вчера и сегодня никто не навѣщалъ ея?

— Кромѣ Софьи Игнатьевны. Она за полночь сидѣла.

— Гм... Да-да-да... Такъ, что ваше окончательное заключеніе?

— Вралиха и сумасшедшая! Нѣсомнѣнно.

Полиціймейстеръ угрюмо промолчалъ.

— Вы что, Тигрій Львовичъ?— обратилъ на него вниманіе губернаторъ.—Въ сомнѣніи?

— Не то, чтобы въ сомнѣніи, ваше превосходительство, а въ большой растерянности. Ужъ больно складно дѣвица вчера врала! Словно бы сумасшедшія такъ не умѣютъ.

— Ну, отецъ родной, на этотъ счетъ мы съ вами не судьи... на то психіатры есть! Съ Тигульскимъ поговорите, если интересуетесь.

— О фамиліяхъ мы ее спрашивали, которыя она поминала вчера,—сказалъ Mathteu.

— Ну-съ?

— То же самое. Одни оказываются ей родня,—Рюлина эта, Брусакова,—а другихъ она уже не помнитъ... «Не знаю, говоритъ, откуда взялись? Должно быть, когда-нибудь въ какомъ-нибудь романѣ вычитала... не мучьте меня ради Бога, вашими вопросами! Мнѣ такъ позорно и стыдно! Лгала! Все лгала! Всегда лгу, когда на меня находитъ»!

— Вы въ «Фениксѣ» хотѣли побывать?—обратился начальникъ къ полиціймейстеру.

— Былъ и номерного Василія допрашивалъ. Но онъ

только глазами хлопаетъ... Не при чемъ-съ! Лгала, дѣйствительно.

— Гм... А ночевала она у Карповичъ?

— Такъ точно, ваше превосходительство: у Карповичъ... Только осмѣлюсь доложить: Карповичи эти—люди очень подозрительные ..

— Ну, оцѣнка ихъ нравственныхъ качествъ сейчасъ въ наши обязанности не входитъ. Главное теперь, чтобы безъ неясности въ дѣлѣ... Значитъ, фактъ ночевки у Карповичъ установленъ?

— Совершенно, ваше превосходительство. И сама признается, и Карповичи подтвердили, и извощика я нашелъ и допросилъ, который привезъ ее отъ Карповичъ.

— Гм...

Губернаторъ задумался.

— Въ концѣ концовъ, какъ и слѣдовало ожидать, пустяки! Слава Богу, я очень радъ, что пустяки! все хорошо, что хорошо кончается. Эта бѣдная Леневская такъ волновалась... А баронесса смѣшна! Плачетъ, а смѣшна!.. Mathieu, вы какъ находите? Смѣшна вѣдь? А?

— Смѣшнѣе, ваше превосходительство, невозможно.

Вошедшій дежурный чиновникъ подалъ пакетъ.

— Отъ Софьи Игнатьевны Леневской.

Начальникъ прочелъ довольно длинное письмо, держа въ лѣвой рукѣ приложенные документы.

— Тигульскій велитъ имъ немедленно ѣхать за границу, въ Вѣну, къ Крафтъ-Эбингу какому-то... А—хоть къ самому папѣ римскому, только бы съ рукъ долой!. Да-да-да! Софья Игнатьевна проситъ о паспортахъ. Вы, Матвѣй Ильичъ, распорядитесь тамъ... заѣзжайте къ ней...

— Слушаю, ваше превосходительство. Смѣю спросить: ѣдутъ госпожа Лусьева и баронесса Ландіо?

— Нѣтъ, баронесса совсѣмъ расхворалась. Софья Игнатьевна беретъ для госпожи Лусьевой компаньонку... ка-

кую-то госпожу Вурмъ. А эту бумажку, милѣйшій мой, пріобщите къ дѣлу. Да-да-да!

Медицинское свидѣтельство, выданное Марьѣ Ивановнѣ Лусьевой докторомъ Либесвортомъ, гласило, что госпожа Лусьева—пацієнтка его—въ теченіе пяти лѣтъ, вслѣдствіе хронической женской болѣзни, страдаетъ истерическимъ невропсихозомъ, выражающимся періодически, по преимуществу, въ менструальные сроки, припадками быстротечнаго бреда, съ наклонностью современемъ перейти въ paranoia sexualis persecutoria.

— Какъ?— воскликнулъ начальникъ, округляя веселые глаза.

— Paranoia sexualis persecutoria.

— А это какой звѣрь и чѣмъ его кормятъ?

— Не могу знать.

— Охъ, ужъ эти психіатры! Точно египетскими іероглифами пишутъ... Во всякомъ случаѣ, документъ цѣнный. Софья Игнатьевна обѣщала доставить такой же отъ доктора Тигульскаго. А затѣмъ—пусть ѣдутъ на всѣ четыре стороны... Какъ въ газетахъ пишутъ: инцидентъ исчерпанъ!.. До свиданія!..

— Тигрій Львовичъ! А Тигрій Львовичъ!—догонялъ полиціймейстера Mathieu le beau — Вы что же такой пасмурный?

— Не люблю-съ чувствовать себя въ тупикѣ и не понимать-съ.

— Но дѣло ясно, какъ день: сумасшедшая!.. Неужели вы еще сомнѣваетесь?

— Нѣтъ-съ, не сомнѣваюсь. Какъ же я смѣю сомнѣваться, коль скоро два документа!.. А только—воля ваша: тутъ есть что-то и кромѣ сумасшествія... Не чисто! Чуетъ мой полицейскій носъ...

— Позвольте! Но если за Лусьеву ручается сама Софья Игнатьевна?

— То—то вотъ, что Софья Игнатьевна! Въ ней вся препона. Кабы не Софья Игнатьевна, я бы никакимъ докторамъ не повѣрилъ... Не врутъ-съ сумасшедшіе такъ убѣдительно! Не врутъ-съ! И вотъ помяните мое слово: я еще разъ говорю вамъ: не чисто!

— Paranoia sexualis persecutoria!

— Да, это что же? Это уже послѣднее дѣло такими ехидными словами говорить!.. Для ихняго брата, ученаго, она, можетъ быть, и чрезвычайно какая большая штука, эта бисова паранойя, а, ежели человѣкъ состоитъ на полицейской службѣ, ему одинъ чортъ—что паранойя, что наша россійская матушка-ерунда.

— Такъ что же, наконецъ?—возразилъ Mathieu le beau.—Еще не поздно. Если васъ грызутъ подозрѣнія, можно настоять...

Полиціймейстеръ замахалъ руками.

— Что вы? Развѣ я къ тому? Заявленія свои госпожа эта безумная взяла обратно, документы оправдательные на-лицо. Сбыли сокровище съ рукъ, и слава Богу! Кума съ воза,—куму легче! Что я за вчинатель такой? Въ подобныхъ дѣлахъ надо дѣйствовать навѣрняка-съ, а не то—оступишься, да такъ репутацію вывихнешь, что потомъ и не вправить! Къ тому же—противъ мнѣній Софьи Игнатьевны... Боже сохрани! нѣтъ-съ, не то... А я только не люблю не понимать! А понять не въ состояніи. Хоть зарѣжьте! И больше ничего-съ!

Вечеромъ въ клубѣ, полиціймейстеръ отвелъ доктора Тигульскаго въ уголокъ и осадилъ его вопросами о Лусьевой. Докторъ, лысый, въ русой, круглой бородкѣ, съ прямымъ польскимъ носомъ, смотрѣлъ въ лицо полиціймейстера проницательными, но непроницаемыми сѣрыми глазами, и говорилъ медленно, съ лютымъ акцентомъ и съ ударѐніями на предпослѣднемъ слогѣ каждаго слова:

— Та-акъ... Ото-жь правда... То естъ правдзивѣйшая paranoia sexualis persecutoria А, ежели то бендзе мило

пану пулковнику, може быть также dysnoia deliriosa, якъ пишетъ профессоръ Корсаковъ зъ Москвы. То естъ южъ други недугъ, але вамъ то естъ вшистко едно, муй пане, бо, гдзѣ тыя paranoia кончается, гдзѣ начинается dysnoia, того не тылько панъ полиціймейстеръ, сами дяблы въ пеклѣ не могонъ домыслиць, ежели не учились медицинѣ.

— А вы можете домыслить?—не безъ обидчивой свирѣпости вопросилъ Тигріи Львовичъ.

Докторъ обдалъ его дымомъ благовонной сигары и спокойно возразилъ:

— А якъ же? Ежели я вижу дефектъ координаціи жестувъ?.. И въ лицѣ така ассиметрыя?.. Тожь paranoia, муй пане, якъ пана Бога кохамъ! А, може, dysnoia, чи еще друга якась болѣсць... Огульне, пане,—маніакальна экзальтація!..

Курьерскій поѣздъ шелъ послѣднимъ перегономъ на Броды. Въ купэ перваго класса пожилая, скромно одѣтая дама и нарядная молодая дѣвушка считали деньги.

— Итакъ,—сухо говорила пожилая дама,—я передала вамъ двѣ тысячи золотомъ, три бумажками и на пять тысячъ переводъ на Ліонскій кредитъ.

— Совершенно вѣрно! Покуда—мы въ полномъ разсчетѣ.

— Двѣсти рублей по уговору будутъ переводиться вамъ каждаго 15 го числа.

— Очень хорошо. Число мнѣ безразлично, но прошу быть аккуратными, чтобы день въ день. Въ первый же разъ, что я не получу денегъ, я ѣду въ Петербургъ и прямо на Гороховую... Поняли? Такъ и передайте!

— Не пугайте, пожалуйста. Не изъ робкихъ. И не безпокойтесь. Будемъ аккуратны. Вы и безъ того уже сдѣлали слишкомъ много непріятностей и принесли убытковъ.

— Не такъ бы васъ всѣхъ еще слѣдовало!—со злобою сказала дѣвушка.—Только то васъ спасаетъ, что я въ деньгахъ дура и большихъ суммъ воображать не умѣю.

— Порядочно счистили и безъ того! Надо имѣть совѣсть!

— Да! Ужъ о совѣсти только намъ съ вами считаться... Хорошенькія цацы! нечего сказать!.. Да вотъ еще развѣ—дамѣ этой великолѣпной губернской, тетушкѣ моей новоявленной... Вотъ фруктъ, такъ фруктъ! Много я пройдохъ видала, а эта—всѣмъ звѣрямъ звѣрь! Всѣхъ вокругъ пальца обвела, спутала и въ тупикъ посадила! И какъ вы ее раздобыли?!

— Наше дѣло.

— А что? Много она съ васъ слупила?

— Наше дѣло,—еще холоднѣе возразила пожилая дама.

Дѣвушка захохотала.

— Докторъ тоже этотъ, котораго она привозила... теплый парень! Ассиметрію лица у меня какую то нашелъ... У самого то у него теперь ассиметрія... только не лица, а кармановъ!... Да! А какимъ это чудомъ отъ Либесвортишки свидѣтельство явилось?!

— Не все ли вамъ равно?

— А-га! Фальшивое, значитъ? Поддѣлали? Славно! Ну, не сообразила я тогда... не на десяти бы тысячахъ мнѣ съ вами мириться!

Дама съ досадою возразила:

— Ошиблись. Никакой фальши, и никто ничего не поддѣлывалъ. Самое настоящее свидѣтельство.

— Съ неба вамъ свалилось?

— Не съ неба, а съ вами же пріѣхало изъ Петербурга. Такія свидѣтельства Либесвортъ выдаетъ всѣмъ воспитанницамъ Прасковьи Семеновны, когда онѣ ѣдутъ на работу въ провинцію... заранѣе,—чтобы предупредить скандалъ, если онѣ, вродѣ васъ, вздумаютъ буйствовать... понимаете?

— Ловко!—поразилась Лусьва.—Такъ всѣмъ?

— Всѣмъ.

— И Княжнѣ, и Жозѣ?

— Всѣмъ.

— Ловко... Небось, и за это надо платить аспидовы деньги?

— Да, деретъ...—съ невольнымъ унынiемъ призналась дама. Лусьева злобно улыбнулась:

— Трещитъ у Буластихи шкура!.. трещитъ!..

— А вы не злорадствуйте! Ежели человѣкъ въ незадачной полосѣ...

— Чтобъ ей, дьяволу, вѣчно такая полоса шла!..

— Что ругаться? Дѣло прошлое.

— Ужъ очень ненавижу! Дрянь я слабодушная! На чистый паспортъ и деньги польстилась. Кабы настоящiй характеръ, самой бы лучше пропасть, да и васъ всѣхъ въ Сибирь упечь!

— Ужъ и въ Сибирь! На первый разъ—всего только къ мировому и сто рублей штрафу.

— Неужели? Ахъ, скажите, пожалуйста!..—насмѣшливо передразнила дѣвушка. Зачѣмъ же вы отъ ста рублей откупаетесь тысячами?

— Затѣмъ, что языкъ у васъ слишкомъ длиненъ. Сибирь—не страхъ, а вы могли привести, да уже и привели было въ разстройство все дѣло. Ну, и еще разъ напоминаю вамъ, Марья Ивановна: довольно! Поболтали въ свое удовольствiе,—и будетъ. Свое выболтали, на замазку рта получили, обезпечены по гробъ жизни,—теперь сидите въ за границѣ смирно, тише воды, ниже травы, чтобы о васъ ни слуха, ни духа. Не то—васъ не только, что въ Вѣнѣ или гдѣ тамъ еще,—на днѣ морскомъ достанемъ!.. Сами не замѣтите, какъ тихою смертью умрете!

— Не коротки ли руки?

— Васъ, голубушка, и сейчасъ очень легко можно бы сплавить, и гораздо это дешевле, чѣмъ торговаться съ вами

и заграницу васъ отправлять. Только то боязно, что—кто ихъ знаетъ? Можетъ быть, за вами еще слѣдятъ... Уголовщина теперь, послѣ вашей огласки,—благодарите своего Бога!—намъ не съ руки... А то—оно очень просто! Вы это помните! Не форсите!

— Я ничего.

— А смѣетесь чему?

— Прасковья Семеновна накладетъ баронессѣ по первое число!

— Въ этомъ не сомнѣвайтесь! Расправа будетъ по правилу.

— И Аннѣ Тихоновнѣ влетитъ!

— И Аннѣ Тихоновнѣ.

— Такъ и надо! Такъ и надо! Жрите другъ друга здѣсь, волки поганые!

Дѣвушка бѣшено захохотала и захлопала въ ладоши.

— А я въ Вѣну!.. И—чортъ васъ всѣхъ тутъ дери!.. Никого не жаль!.. Вырвалась!.. Сама теперь по себѣ!.. Я въ Вѣну, я въ Вѣну, я въ Вѣну!..

Послѣсловіе къ „Марьѣ Лусьевой".

«Если бы, за всѣмъ этимъ, мнѣ предложенъ былъ вопросъ: гдѣ же это я, такъ-таки, такія картины видѣлъ?.. то я долженъ сказать, положа руку на сердце:

Нигдѣ... и—вездѣ»...

Такимъ послѣсловіемъ въ 1869 году закончилъ Сухово-Кобылинъ трилогію своихъ «Картинъ прошлаго». Слова эти позволю себѣ повторить и я, заключивъ «Марью Лусьеву». Объясниться же о ней я считаю нужнымъ, потому что вещь вызвала разнорѣчивые читательскіе толки, нашла и благосклонныхъ друзей, и рѣзкихъ враговъ. Когда повѣсть печаталась въ «Приазовскомъ Краѣ», два добрыхъ ростовца порядкомъ насмѣшили меня, прося о разрѣшеніи передѣлать «Марью Лусьеву» для сцены,—что, разумѣется, напрасно и невозможно,—одинъ, какъ сообщила мнѣ газетная вырѣзка,—наоборотъ, печатно протестовалъ противъ моего мнимаго намѣренія развратить «Марьей Лусьевой» женщинъ и дѣтей».

«Марья Лусьева», какъ повѣсть, вымыселъ, но *въ «Марьѣ Лусьевой» нѣтъ ни одного, хотя бы самаго мелкаго, эпизода, который былъ бы вымышленъ*. Мысль написать «Марью Лусьеву» далъ мнѣ чиновникъ, изображенный въ

моемъ разсказѣ подъ именемъ Mathieu le beau. Онъ, развивая передо мною въ пріятельскомъ разговорѣ свои служебныя воспоминанія, сообщилъ мнѣ, между прочимъ, случай съ интеллигентною барышнею въ одномъ изъ южныхъ нашихъ центровъ: она, сойдя съ ума, воображала себя проституткою и надѣлала не мало хлопотъ своему семейству и городской администраціи прежде, чѣмъ удалось изобличить ее въ эротическомъ бредѣ. Что фактъ этотъ возможенъ и даже не можетъ назваться единичнымъ, подтвердили мнѣ ростовскія газеты, огласившія въ зиму 1902 г. случай однороднаго помѣшательства, но съ еще болѣе страннымъ осложненіемъ навязчивой идеи, такъ какъ воображалъ себя женщиною легкаго поведенія солидный мужчина. Передъ некрасовскими праздниками, въ декабрѣ 1902 года, по газетамъ опять прошелъ разсказъ о помѣшанной дѣвицѣ, которая, съ надгробнымъ вѣнкомъ въ рукахъ, пришла въ полицейскій участокъ читать «Убогую и нарядную».

Сперва я хотѣлъ было сдѣлать изъ «Марьи Лусьевой» просто психологическій этюдъ, съ посильнымъ анализомъ перечисленныхъ случаевъ сумасшествія. Но потомъ, взявшись за работу, я соблазнился расширить тему и направить ее къ цѣлямъ болѣе общественнаго характера, чѣмъ описаніе сумерекъ въ двухъ-трехъ поврежденныхся умахъ. Въ московскихъ газетахъ появилось интересное сообщеніе о домѣ свиданій въ Николаевѣ, устроенномъ похоже на то, какъ описана у меня торговля «генеральши» Рюлиной. Южныя газеты перепечатывая извѣстіе, прибавляли, что подобное lieu de retraite aristocratique имѣется и въ Одессѣ: были даже поставлены инициалы коммерсантки, имъ промышляющей. По справкамъ моимъ у одесситовъ, инициалы эти очень популярны въ городѣ*). Кличку «генеральши» для

*) Вотъ что пишетъ мнѣ, по этому поводу, одесскій журналистъ А. Чивонибаръ (авторъ интересной книги „Каторга. Тюрьма. Голодъ“): «Дома свиданій, о которыхъ вы спрашиваете, существо-

Рюлиной я взялъ изъ Москвы, гдѣ подъ такимъ именемъ очень долго процвѣтала Рюлина своего рода, въ гостиной которой золотая молодежь и мышиные жеребчики имѣли самыя неожиданныя дамскія встрѣчи. Ростовскія и екатеринославскія газеты въ 1902—1903 году оглашали подвиги какой-то кочующей «баронессы». Такимъ образомъ, зло это оказывается повсемѣстнымъ въ большихъ русскихъ городахъ, принимая только разные размѣры и окраски. Я рѣшилъ попробовать,—сколько могу и знаю,—освѣтить лазейки зла и, отказавшись отъ мысли писать «Марью Лусьеву» сумасшедшею, сдѣлалъ изъ нея одну изъ невольницъ «дома свиданій», которая, взбунтовавшись, была выдана и принята за сумасшедшую.

Всякое накрытіе, каждый разгромъ «дома свиданій» сопровождаются, обыкновенно, очень большими скандалами, самыми изумительными разоблаченіями: чтобы не перечислять многихъ мелкихъ примѣровъ, достаточно напомнить, шумный въ семидесятыхъ годахъ, случай закрытія знаменитой въ своемъ родѣ роскошной московской гостинницы Rocher de Cancale: нравами ея публика вотъ уже четверть вѣка любуется въ излюбленной савинской пьесѣ «Ольга Ранцева». Рѣшительный ночной обыскъ, произведенный покойнымъ Власовскимъ, на первыхъ порахъ его оберъ-полиціймейстерства, въ «Эрмитажѣ», унаслѣдовав-

---

вали и существуютъ въ Николаевѣ и Одессѣ. Полиція знаетъ и... пока нѣтъ скандала, молчитъ. Содержательницы „домовъ“ соблазняютъ дѣвушекъ и замужнихъ женщинъ обѣщаніемъ выгодъ, капиталовъ, брилліантовъ и пр.—и эксплуатируютъ ихъ. Дѣвушки и дамочки, такъ называемыя „честныя“, приходящія. Онѣ—при родителяхъ, или при мужѣ; получивъ записку, отлучаются на „дѣло“. Дороговизна жизни, желаніе красиво одѣваться и вообще все болѣе устанавливающаяся „свобода нравовъ“—способствуютъ умноженію числа тайныхъ „честныхъ“ проститутокъ. Содержательница одес. дома свиданій Г—бергъ. О ней была напечатана корреспонденція въ „Рус. Словѣ“. Дѣла въ судѣ оканчиваются штрафомъ или арестомъ (небольшимъ) на-дняхъ въ Одессѣ супружеская парочка оштрафована по 50 р. за это занятіе“ 21-го сентября 1903 года).

шемъ роль Rocher de Cancale, принудилъ нѣкоторыхъ застигнутыхъ дамъ, рискуя сломать ноги, прыгать изъ второго этажа, хотя имъ не угрожало ни малѣйшаго насилія: такъ не хотѣли онѣ обнаружить своихъ фамилій и званія передъ полиціей, изумленной присутствіемъ въ столь необычное время въ столь необычайномъ мѣстѣ столь почтенныхъ и именитыхъ особъ. Участницъ подобныхъ приключеній, обыкновенно, величаютъ Мессалинами. Я, не отрицая наличности между ними Мессалинъ, думаю, все-таки, что и въ этой, такъ сказать, аристократической и уже не только тайной, но архитайной, проституціи преобладающимъ элементомъ являются женщины не доброй воли, но принужденныя къ пороку. То-есть,—вызванныя къ нему не личною инціативою, не озлобленіемъ тѣлеснымъ, но внѣшнею необходимостью, которой начало—въ полной или относительной бѣдности, въ жаждѣ комфорта сверхъ состоянія и ловкомъ соблазнѣ «посредницъ Венеры», а развитіе и властный конецъ—въ тайнѣ паденія, дѣлающейся достояніемъ постороннихъ лицъ, т. е. именно этихъ «посредницъ Венеры» и присныхъ имъ.

О повелительной роли шантажа, запугивающаго тайную проститутку и принуждающаго ее продолжать противъ воли свое нерадостное занятіе, врядъ ли кто будетъ спорить, пока рѣчь идетъ о нижнихъ слояхъ несчастнаго класса. Это—одинъ изъ базисовъ другого ужаснаго городского бича, пресловутаго сутенерства. Труднѣе, казалось бы, принудить шантажемъ къ половому пороку даму изъ независимаго и зажиточнаго круга, какова, напримѣръ, чиновница, отмѣченная въ «Марьѣ Лусьевой». Однако, это—тоже одесскій случай. Я не принялъ бы его на вѣру,—т. е. самый фактъ-то былъ внѣ сомнѣній, но можно было бы заподозрить мотивировку: вмѣсто объясненія шантажемъ, принять объясненія хотя бы и «мессалинствомъ».—если бы, къ сожалѣнію, я не встрѣтилъ совершенно неопровержимыхъ тому подтвержденій черезъ аналогіи въ петербург-

скомъ и московскомъ міркѣ того же разряда. Исторію «живыхъ картинъ» я изложилъ съ давняго разсказа первоклассной опереточной звѣзды, которая имѣла несчастіе состоять въ кабальныхъ отношеніяхъ къ ихъ устроительницѣ,—надо думать, не долговыхъ, потому что женщина эта сама зарабатывала отъ сцены не малыя тысячи и въ средствахъ не нуждалась. Я имѣю право говорить объ этомъ случаѣ, потому что онъ когда-то былъ сообщенъ мнѣ его героинею съ предисловіемъ: «вотъ, напишите повѣсть о моей жизни». Въ лапы «генеральши» (обобщаю, въ данномъ случаѣ, кличку нарицательно) она попала еще консерваторкою черезъ... торговку-розносчицу, у которой покупала кружева и которая въ Москвѣ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ была, оказывается, своего рода знаменитостью. Лапы сомкнулись и уже не выпустили бѣдную актрису до пожилыхъ лѣтъ и потери красоты. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ «Марьѣ Лусьевой», читателю приходится вѣрить мнѣ на слово. Но въ Петербургѣ ловушка затягиванья въ тайную проституцію сперва черезъ «живыя картины» и задолжаніе, потомъ черезъ шантажъ, работала въ началѣ девяностыхъ годовъ настолько открыто, что, когда первая половина «Марьи Лусьевой» была уже напечатана, одинъ столичный журналистъ прислалъ мнѣ старую, пожелтѣлую вырѣзку изъ «Новаго Времени» съ фельетономъ покойнаго Жителя какъ разъ объ этомъ мрачномъ промыслѣ. Мнѣ остается только сожалѣть, что я не зналъ фельетона раньше, такъ какъ онъ своими фактическими данными избавилъ бы меня отъ необходимости «сочинять» то немногое, что пришлось мнѣ «сочинить» для связности и полноты въ моей картинѣ. Житель былъ писатель грубый, антипатичный, несносно-тенденціозный въ нѣкоторыхъ общественныхъ (особенно въ женскомъ) и политическихъ вопросахъ, но у него надо различать освѣщеніе факта отъ самаго факта; первое почти всегда пристрастно, дико и бѣшено, но въ фактахъ Житель не лгалъ, матеріалы къ

бытописанію всегда имѣлъ изъ первыхъ рукъ и превосходные, пользовался имп съ осторожною провѣркою на случай клеветы, диффамаціи или опроверженій: за всю свою долголѣтнюю литературную дѣятельность, онъ ни разу не былъ подъ судомъ за какую либо оплошность противъ законовъ о печати. Да, наконецъ, чтобы подкрѣпить мой разсказъ большимъ и привычнымъ литературнымъ авторитетомъ, вспомните молоденькую невѣсту Свидригайлова, сосватанную ему шельмою-нѣмкою Ресслихъ, въ разсчетѣ, что «я наскучу, жену-то брошу и уѣду, а жена ей достанется, она ее и пуститъ въ оборотъ: въ нашемъ слою, то есть, да повыше». *)

Въ 1902 году московскій оберъ-полиціймейстеръ обратилъ вниманіе на странный новый классъ женщинъ, приличныхъ по имени, званію, состоянію, живущихъ на хорошихъ квартирахъ, одиноко или полуодиноко, и почему-то выставляющихъ на доскѣ подъѣзда вымышленную фамилію, не ту, что значится въ паспортѣ и домовой книгѣ. По разслѣдованію причинъ, вызвавшихъ въ свое время приказъ, тоже усердно цитированный газетами, оказалось, что ложныя имена псевдонимныхъ дамъ хорошо извѣстны въ міркѣ шикарныхъ сводницъ, ходебницъ и богатыхъ прожигателей жизни. Дамы откровенно признавались, что источникомъ средствъ къ жизни являются для нихъ ужины въ веселыхъ мужскихъ компаніяхъ, къ которымъ приглашаютъ ихъ, черезъ разныхъ посредниковъ и посредницъ, московскіе кутилы и, въ особенности, наѣзжіе «бразильянцы»: дѣльцы и жупры изъ провинціи. Это—уже demi-monde, но нѣтъ

---

*) Недавно еще я получилъ отъ очень извѣстнаго петербургскаго журналиста письмо съ вопросомъ, не разсказываю ли я въ «Марьѣ Лусьевой» исторію нѣкой его знакомой, погибшей, при очень похожихъ условіяхъ, въ шикарномъ петербургскомъ домѣ свиданій на Морской улицѣ? Фамилія дѣвушки оказалась мнѣ совершенно неизвѣстною. Совпаденіе же вымысла съ фактомъ, во всякомъ случаѣ, достойно вниманія и характерно. (1904).

уликъ и «состава преступленія», чтобы причислить ужинающихъ дамъ къ проституціи. На первомъ показномъ планѣ здѣсь—веселое времяпровожденіе, а торговля поломъ такъ ловко тушуется за флиртомъ и ухарскимъ житьемъ, что многія профессіональныя soupeuses совершенно искренно считаютъ себя женщинами, хотя шальными, безумными, порочными, но отнюдь еще не падшими и продажными. Въ Петербургѣ классъ этотъ особенно быстро и широко развился въ послѣдніе годы, когда роскошь модъ, прогрессируя съ каждою зимою, передѣлала множество слабыхъ семей въ ménages en trois, составляющіяся изъ жены, мужа и богатаго содержателя или богатыхъ содержателей, платящихъ счета за туалеты. Въ числѣ извѣстныхъ петербургскихъ soupeuses много наѣзжихъ провинціалокъ, при чемъ оказывается напусерднѣйшимъ поставщикомъ. Рекодація одинокой дамы «одесситкою» въ извѣстныхъ слоя «веселящагося Петербурга» вызываетъ улыбку. Среди зводокъ, вдовъ, бѣглыхъ мужнихъ женъ и свихнувшихся дѣвицъ, прославленныхъ въ cabinets particuliers Эрнеста, Кюба, Фелисьена, въ чуланахъ Милютиныхъ лавокъ, иныя имена заставили бы широко раскрыться изумленіемъ многія очи на Дону, Черноморскомъ побережьи, въ Крыму и, особенно, опять-таки въ многолицемѣрныхъ и многострастныхъ Одессѣ, Елисаветградѣ, Николаевѣ, Кишиневѣ, Херсонѣ. Если soupeuse случайная становится привычною или профессіональною (какъ въ московскомъ случаѣ съ ложными фамиліями), это уже обозначаетъ, что шаръ катится послѣднимъ уклономъ къ конечному паденію: развѣ чудомъ миновать тутъ проституціи... Слишкомъ много сладострастныхъ искателей и своекорыстныхъ старательницъ заботятся принести «завертѣвшуюся», выбитую изъ колеи, женщину веселой жизни въ состояніе контрабаднаго живого товара. Женщина, которая начала принимать подарки, а тѣмъ паче брать деньги за свое общество, очень легко пріучается къ мысли и принуждается сперва къ возможности,

а потомъ и къ обязанности брать деньги за свое тѣло. Такъ, изъ мотыльковъ-soupeuses въ тайныя проститутки сошла «Княжна»—замѣтная московская фигура конца восьмидесятыхъ и начала девяностыхъ годовъ. Разновидности «Княжны»—тѣмъ паче поддѣльныя—не рѣдки, но московскій прототипъ ея поражалъ цѣльностью своего униженія, почему именно я и не счелъ возможнымъ пройти мимо «Княжны» въ «Марьѣ Лусьевой». Въ настоящее время злополучная особа эта умерла или, быть можетъ, скрылась съ горизонта въ замужество, распустивъ слухъ о своей смерти.

Двѣ читательницы «Марьи Лусьевой» сдѣлали мнѣ упрекъ, зачѣмъ я не выбралъ центральною фигурою разсказа дѣвушку умную, съ гордою, смѣлою натурою, съ сильною способностью сопротивленія, не изобразилъ, какъ она борется, страдаетъ, падаетъ, гибнетъ, воскресаетъ... Словомъ: зачѣмъ, вмѣсто активной исключительной личности, я разсказалъ объ очень заурядной, пассивной слабовольной дѣвицѣ, которую, по русской пословицѣ, «хошь—съ кашей ѣшь, хошь—съ масломъ пахтаешь»?

Затѣмъ, что я писалъ не романъ, не драму, не повѣсть, а просто хотѣлъ разсказать рядъ данныхъ, добытыхъ мною о тайной проституціи высшаго полета изъ фактическихъ источниковъ и литературы. Личность Марьи Лусьевой мало интересовала меня, какъ автора, но бытъ и условія, сквозь которыя она должна была пройти, интересовали очень, а ихъ я могъ показать подробнѣе и лучше, компонуя картину вокругъ фигуры будничной, чѣмъ вокругъ героини. Я думаю, что дѣвушка сильнаго характера, въ условіяхъ Марьи Лусьевой, не могла бы остаться долгою жилицею, предметомъ для рабовладѣльческихъ экспериментовъ. Сѣти для пискарей не удержатъ щуки. Сильная дѣвушка съ наклонностью къ Ормузду скорѣе умретъ, чѣмъ позволитъ себѣ втянуться въ половой порокъ подъ шантажною угрозою; сильная дѣвушка съ наклонностью къ Ари-

ману не станетъ такъ кропотливо двоиться въ паденіи своемъ между отставнымъ добромъ и побѣдоноснымъ зломъ: она быстро и мрачно пойдетъ ко дну и озвѣрѣетъ, какъ Адель или Катерина Харитоновна, мелькомъ намѣченная мною съ живого оригинала. Это—щуки. Марья Лусьева, Ольга Брусакова, Княжна и другія—только пискари моря житейскаго. Скажутъ:—стоитъ ли такъ много возиться съ пискарями? Мнѣ кажется, что о нихъ-то и надобно говорить публицисту въ этомъ остромъ и двусмысленномъ вопросѣ, потому что они здѣсь—главная добыча и жертва. Опека сильныхъ единицъ—въ ихъ внутренней силѣ и готовности къ борьбѣ. Слабымъ можетъ помочь только поддержка общественная; а, чтобы дать поддержку, общество должно знать, гдѣ и противъ кого и чего имѣетъ оно и обязано защищать своихъ пискарей.

Въ порицательной вырѣзкѣ, мною полученной, я нашелъ фразу: «очевидно, это писано не для сильнаго пола; имѣется развратить женщинъ и дѣтей, сообщивъ имъ тайны столичной накипи». Что касается дѣтей,—причемъ тутъ они? «Марья Лусьева» печаталась въ газетѣ, а газеты не для дѣтей издаются, и дѣтямъ, которыхъ хотятъ сохранить съ мыслью не смущенною, вообще, газетъ лучше не читать, потому что въ любой изъ нихъ городская хроника, корреспонденція, судебный отдѣлъ могутъ ознакомить дѣтское воображеніе съ такими подробностями дѣйствительной русской распущенности, какихъ не придумать ни фельетонисту, ни романисту. Постоянно оглашаемыя поимки поставщиковъ живого товара, похожденія южныхъ жениховъ-самозванцевъ, насилія надъ женщинами желѣзнодорожныхъ и иныхъ башибузуковъ, съ нарочитою послѣдовательностью обличаемыя по преимуществу южною прессою, представляютъ собою наизаконнѣйшій и необходимый газетный матеріалъ,—однако, я очень сомнѣваюсь, чтобы всѣ эти прелести годились для помѣщенія въ хрестоматію для дѣтей, хотя бы и старшаго возраста. Наша жизнь отврати-

тельна,—и мы ея не исправляемъ, потому что худо знаемъ ея ужасы и чувствуемъ ихъ больше инстинктивною догадкою, чѣмъ изученіемъ,—мы привыкли ходить безбоязненно по проваламъ, прикрытымъ отъ насъ декоративною травкою-муравкою, цвѣтами и мишурою ловкихъ проводниковъ. А худо знаемъ мы ужасы и инстинктивную безсильную брезгливость къ пороку предпочитаемъ разсудочному и дѣятельному его освѣщенію потому, что мы трусы и не смѣемъ взглянуть чудовищу прямо въ глаза... Отчего? Я думаю, что, главнымъ образомъ, по боязни увидать въ его зрачкахъ свое маленькое отраженіе и румяно покраснѣть за себя...

Я не умѣю дѣлить родъ человѣческій на полъ слабый и полъ сильный, а этику на разряды—для мужского чтенія, для женскаго чтенія. Этика одна и литература одна. Что можетъ читать мужчина, то можетъ читать и женщина; что вредно женщинѣ, не можетъ быть полезно для нравственности мужчины: что безвредно для нравственности мужчины, то безвредно и для нравственности женщины. А, впрочемъ, если хотите, съ одной точки зрѣнія, мои порицатели правы, когда замѣчаютъ, что «Марья Лусьева» писана не для «сильнаго пола». «Сильному полу»,—а тѣмъ паче въ большихъ городахъ,—картины моего разсказа не скажутъ много новаго: «сильный полъ» въ нихъ наиболѣе заинтересованная сторона, онъ—потребитель на рынкѣ живого товара. «Ученаго учить—только портить» говоритъ пословица. Что касается пола «слабаго», женщинъ,—конечно, другое дѣло: онѣ—самъ «живой товаръ», а товару не для чего знать, какъ организуется и въ какихъ формахъ ухищряется къ продажѣ его, промышляющій имъ, рынокъ,—не правда ли? Милостивые государи! Если разсказать женщинамъ о подлыхъ ловушкахъ и западняхъ, которыя въ большихъ городахъ устраиваются глупенькимъ «пискарямъ» поставщиками удовольствій и утѣшеній для «сильнаго пола», значитъ развращать женщинъ,—да будетъ тако: принимаю кандидатуру въ «развратители» съ полнѣйшею

готовностью! Пора бы «сильному полу» знать, что наивность и цѣломудріе женщины суть два качества, далеко не тождественныя и очень часто даже не взаимодѣйствующія. Многимъ изъ сильнаго пола умилительна анекдотическая невинность, краснѣющая при взглядѣ на жаренаго каплуна: о вкусахъ не спорятъ! Мужчина не только старается, онъ обязанъ стараться узнать язвы, которыя угрожаютъ обществу и разлагаютъ его: иначе онъ противъ нихъ не борецъ. Почему же вы, о «сильный полъ», отказываете женщинѣ въ правѣ знать тѣ общественныя язвы, которыя угрожаютъ прямо ей? которыя направлены непосредственно противъ ея слабаго пола? По логикѣ охраненія неприкосновенной наивности, женщина не должна знать, что на свѣтѣ существуютъ явная и тайная проституція, дома свиданій, ходебщицы, обманный кредитъ, подпольная организація торговли живымъ товаромъ, факторши, поддѣльные и самозванные женихи-завлекатели,—пожалуй, даже одобряется, чтобы она не умѣла отличить букана отъ букашки. Подобная невинность очаровательна на старинныхъ картинахъ, изображающихъ «Агнесу съ розою» и «Пульхерію съ голубкомъ». Но времена измѣнились: Агнеса съ розою давно уже не сидитъ за крѣпкими замками, за высокими стѣнами въ родительскомъ цвѣтникѣ, а учится или служитъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Ростовѣ. Вокругъ Пульхеріи съ голубкомъ, давно покинувшей захолустную голубятню, похаживаетъ не ликующій Исаія, а шнырятъ безукоризненно приличныя на видъ и тонъ, волчицы-«генеральши» съ жантильомами-«пробочниками» благороднѣйшаго типа При такой перемѣнѣ нравовъ, я нахожу, что Агнесѣ и Пульхеріи лучше и выгоднѣе заранѣе теоретически предувѣдомиться о разницѣ между буканомъ и букашкою, чѣмъ потомъ познать ее на собственной практикѣ черезъ обманъ или насиліе «сильнаго пола». Не проходитъ недѣли, чтобы газеты (по преимуществу южныя) не сообщали о какой-нибудь новой жертвѣ, затянутой въ ло-

вушку проституціи притворнымъ женихомъ или обманнымъ благодѣтелемъ. Это зло превращается, если не превратилось, въ систему, въ организованную профессію. А женщинамъ, которыхъ она ловитъ и губитъ, рекомендуютъ благоухать о ней невѣдѣніемъ!..

Въ другомъ мѣстѣ и въ другое время высказалъ я взглядъ мой на борьбу съ проституціей *), иными найденный жесткимъ, но не встрѣтившій доказательныхъ возраженій: проституція будетъ парализована не палліативными мѣрами частичной борьбы съ отрицательными явленіями проституціоннаго института, но общимъ повышеніемъ экономическихъ правъ женщины, образовательнымъ, трудовымъ и общественнымъ равенствомъ ея съ мужчиною. Тѣ палліативы, что выдвигаетъ современный аболиціонизмъ подъ названіемъ борьбы съ проституціей,—при всей своей симпатичности,—болѣе дѣйствительны, какъ защита общества отъ проститутки, чѣмъ какъ защита женщины отъ проституціи. Въ послѣднемъ смыслѣ, аболиціонизмъ въ состояніи лишь ограничить въ извѣстномъ количествѣ случаевъ внѣшнюю жестокость эксплоататоровъ проституціи и придать отправленіямъ ея большее приличіе показныхъ формъ. Побѣдить проституцію, какъ соціальный недугъ, общество въ состояніи только при томъ условіи, если выросшая доходность ручного и интеллигентнаго женскаго труда сможетъ конкурировать съ выгодами проституціоннаго заработка. До тѣхъ поръ намъ по силамъ только регулировать зло, по возможности, настолько, чтобы зіяющая общественная рана не оскорбляла чувствъ нашихъ своимъ гнуснымъ видомъ и не отравляла зловоніемъ: то-есть, облагообразить строй явной проституціи. Тайная доступна общественному воздѣйствію такимъ незначительнымъ уголкомъ своимъ что бороться противъ нея общественная энергія, при всѣхъ своихъ добрыхъ желаніяхъ, безсильна:

---

*) См. мою книгу „Женское нестроеніе“.

гибкость и пестрота тайнаго порока поразительно разнообразны, а единообразіе причины,—общая дурная постановка женскаго вопроса,—и тутъ вяжетъ аболиціониста по рукамъ и ногамъ. Разнообразіе же формъ и оттѣнковъ тайной проституціи такъ пестро, что,—я говорилъ уже выше: существуютъ фазисы и стадіи ея, при которыхъ женщина или дѣвушка, уже торгующая собою фактически, еще сама не знаетъ, что она—проститутка, и, обличаемая, никогда не согласится съ вами, и придетъ въ отчаяніе отъ оскорбленія, если вамъ удастся доказать ей ея плачевную общественную роль.

Область тайной проституціи огромно больше царства проституціи явной. Да и та проституція, которую принято называть тайною, больше обязана своею кличкою ошибочной и неудачной полицейской терминологіи, чѣмъ дѣйствительности. Ну, что, напримѣръ, «тайнаго» въ проституціи хоровъ, кафешантановъ, опереточныхъ, балетныхъ и нѣкоторыхъ другихъ кулисъ? Въ широко развитомъ по большимъ городамъ, откровенномъ, профессіональномъ содержанствѣ? Demimonde, конечно, не «тайная» проституція въ буквальномъ смыслѣ этого слова, но—явная подъ вуалемъ и безъ полицейскаго контроля.

Явная проституція, въ бытовомъ отношеніи, недурно изучена. Даже на русскомъ языкѣ издано много очень содержательныхъ работъ. Въ Европѣ уже семьдесятъ лѣтъ тому назадъ увидѣло свѣтъ классическое произведеніе Парана Дюшатле (A. I. B. Parent-Duchatelet), De la Prostitution dans la ville de Paris. Оно легло фундаментомъ огромнѣйшей литературы, облѣпившей старинный трудъ, какъ лѣса цѣнныхъ надстроекъ, но не лишившей его первоначальной цѣнности. Кто хочетъ изучить вопросъ о проституціи по существу, не можетъ обойтись безъ знакомства съ этою высокоталантливою и добросовѣстнѣйшею работою, пристальныя наблюденія которой создали какъ бы формулы для всего, что вѣчно и повсемѣстно въ проституціонномъ

злѣ. Трудъ Парана Дюшатле перерабатывался и проходилъ новыя редакціи много разъ, пополнялся, исправлялся и огромно разросся привносами послѣдователей уже къ пятидесятымъ годамъ прошедшаго столѣтія. Его совершенно устарѣлая медицинская часть, конечно, давно уже относится къ области археологіи и не заслуживаетъ перепечатки. Соціальныя разсужденія и отношеніе къ регламентаціи тоже совершенно архивны. Но типы, условія, бытовой и нравственный укладъ печальнаго института—и жертвъ, и эксплоатаціи, и всего обихода проституціи—запечатлѣны Параномъ Дюшатле въ неизгладимые рельефы. Позднѣйшимъ ученымъ Паранъ оставилъ изслѣдовать, что измѣнилъ въ проституткѣ общій прогрессъ девятнадцатаго вѣка, либо примѣнять къ его старымъ фактамъ новыя теоріи, экзаменовать ихъ съ новыхъ точекъ зрѣнія. Но бытовыя обобщенія Парана въ 1903 году такъ же свѣжи, какъ въ 1836, несмотря на то, что при сравненіи приходится считаться съ такими мощными позднѣйшими факторами, какъ вліяніе желѣзныхъ дорогъ, рабочаго вопроса, конституціонной перестройки западныхъ государствъ, вооруженнаго мира, эмиграціи изъ Европы и т. д. Вокругъ проститутки переродились общества и государства, сама же она все та же: типъ почти безъ эволюціи, только мѣняющій моды. Извѣстно, что малая подвижность и долгая устойчивость порочнаго женскаго типа вызвала въ Италіи гипотезу о проституціонной женской расѣ, формулированную Ферреро и Ломброзо, параллельно съ преступною расою прирожденныхъ преступниковъ. Теорія эта, какъ и другія, родственныя ей, въ итальянской криминально-антропологической школѣ, не имѣетъ за собою научныхъ достоинствъ. Листъ и Кохъ разбили ея искусственныя построенія на голову. Одинъ изъ русскихъ ея защитниковъ, Дриль, давно уже отъ нея отказался. Другой, очень талантливо развивъ возможность существованія проституціонной расы и указавъ ея примѣты, убилъ себя заявленіемъ, что за тридцать

лѣтъ своей медицинской практики, протекавшей по преимуществу въ проституціонномъ міркѣ, онъ почти ни одной проститутки съ ясно выраженными признаками расы не видѣлъ.*) Теоріи школы Ломброзо — золотыя для самодовольныхъ буржуа, такъ какъ, по нимъ, оздоровленіе общества принимаетъ характеръ миссіи необычайно легкой: расширеніе сумасшедшихъ домовъ въ благоустроенныя медицинскія тюрьмы и смертная казнь для преступнаго типа, которую рекомендуетъ Гарофало, — вотъ коренныя соціальныя реформы, должныя воскресить и обезпечить цивилизацію, устроить на землѣ миръ и въ человѣкахъ благоволеніе *). Я напомнилъ объ этой антипатичной школѣ только потому, что и въ ея данныхъ, очень кропотливыхъ, съ широко разработанною казуистикою, подтверждается замѣчательная стойкость и международность проституціоннаго типа. Написавъ «Марью Лусьеву», я перечиталъ книгу Парана Дюшатле, не виданную мною съ студенческихъ временъ, какъ новую, и множество разъ ставилъ на поляхъ нота-бене, съ изумленіемъ убѣждаясь, что Парижъ 1836 года, кромѣ немногихъ національныхъ чертъ, почти дословно повторяется Петербургомъ, Одессою, Москвою девяностыхъ годовъ!..

Итакъ, что касается проституціи явной, то въ ея области наша палліативная борьба съ нею имѣетъ, по край-

---

*) Къ типу прирожденной проститутки, какъ изображаетъ ее Ломброзо-Ферреро, въ „Марьѣ Лусьевой“ подходитъ, пожалуй, Катерина Харитоновна.

*) Охотниковъ лѣчить соціальные недуги, съ проституціей включительно, тюрьмою и эшафотомъ не мало, впрочемъ, даже и между современными аболиціонистами. Таковъ пресловутый Отто Генне Амъ Ринъ, требующій для торговцевъ женщинами — смертной казни чрезъ повѣшеніе, для пособниковъ — сѣченія розгами безъ различія пола, для безнравственныхъ авторовъ и ихъ издателей — годового (минимально) тюремнаго заключенія. Какъ читатель видитъ, это — прецедентъ къ Iex Гейнце (въ послѣднемъ пунктѣ) и запоздалый отголосокъ шекспировой „Мѣры за мѣру“, съ терроромъ суроваго Анджело.

ней мѣрѣ, то преимущество, что мы явную проституцію болѣе или менѣе знаемъ и имѣемъ довольно твердые и положительные устои для сужденія о ней. Строй болѣе глубокихъ и тайныхъ пластовъ порочнаго промысла далекъ отъ изученія; ихъ изрѣдка ловитъ наудачу случайная фотографія при вспышкѣ магнія... Если безпристрастный читатель увидитъ правду жизни въ эпизодахъ «Марьи Лусьевой», то я буду считать, что жегъ свой магній не напрасно,—и пусть клянетъ мою безнравственность, кто хочетъ.

Возвращаясь къ тряпичности Марьи Лусьевой, я долженъ сознаться, что сдѣлать ее героинею помѣшало мнѣ и отвращеніе писать мелодраму. У насъ на Руси жалости гораздо меньше, чѣмъ о томъ въ бубны гремятъ, но жалостливости сколько угодно. И, когда мы пишемъ о падшихъ, то, обыкновенно, потрафляемъ на жалостливость, а не на жалость, на сантиментальность, которую Власъ Дорошевичъ остроумно назвалъ «маргариномъ чувства». Русскій человѣкъ ужасно любитъ чувствительныя точки на і, отъ которыхъ бы слеза поверхностной эмоціи щекотала глаза, въ горлѣ ходила судорога и ощущалось въ носу то больное и сладкое свербѣніе, съ какимъ россійскія буржуазки смотрятъ «Даму съ камеліями» и читаютъ «Петербургскія трущобы»... Къ сожалѣнію, вся эта щекотка въ глазахъ и свербѣніе въ носу кончаются тѣмъ, что чувствительный зритель и сантиментальная читательница вынимаютъ свои носовые платки, трубно сморкаются... эмоціи конецъ! Не хочу я работать на «маргаринъ чувства»!.. Кто до него охотникъ, у тѣхъ и безъ меня имѣется огромная литература...

Я не беллетристъ и не имѣю претензіи быть имъ: я только наблюдатель и разсказчикъ наблюденія. Если бы я жилъ въ богатомъ, большомъ городѣ (богатыми, большими городами я, пародируя извѣстный афоризмъ Дестю де-Трасье о государствахъ, называю тѣ, гдѣ большинство

жителей—бѣдняки), я предпочелъ бы обработать свою тему, какъ бытовую статью. На 92 «интервью», положенныя мною въ основу «Марьи Лусьевой», я считаю матеріаломъ, слишкомъ малымъ для бытовыхъ обобщеній, а въ глуши, при ограниченной библіотекѣ, я безсиленъ пополнить свои данныя иначе, какъ догадками по умозаключенію, а это—ни къ чему! Жизнь—теорема, а не догадка.

Если не считать мелодраматическихъ сказаній, какъ «Петербургскія трущобы» и многочисленныя имъ подражанія, русская беллетристика очень невѣрно и условно освѣщала бытъ проститутки. Мнѣ, конечно, сейчасъ же укажутъ:—а Соня Мармеладова? Но Соня Мармеладова тутъ совсѣмъ не въ счетъ: великолѣпная фигура ея написана не для бытового освѣщенія и даже съ полнымъ къ нему пренебреженіемъ, но для особой, отвлеченной и высшей, геніальной тенденціи. Правдивѣйшія женскія фигуры написалъ Горькій въ разсказѣ «Васька Красный». Но очень одинокій, короткій разсказъ этотъ передаетъ опять-таки лишь уголокъ жизни, шевелящійся на самыхъ низахъ порочнаго мірка. Между тѣмъ, у проституціи есть своя аристократія... и гдѣ хуже нравственное униженіе женщины—на низахъ ли, въ аристократіи ли—это, мудрый Эдипъ, разрѣши! Суть дѣла и тамъ, и тамъ одна, разность жизни неизмѣримая. Я возьму одинъ разительный примѣръ изъ книги Парана Дюшатле. Составляя главу о здоровьи проститутокъ, онъ былъ очень изумленъ несоотвѣтствіемъ данныхъ о предметѣ у болѣе раннихъ изслѣдователей. Въ то время, какъ одни оплакивали горькими слезами участь несчастныхъ, осужденныхъ на преждевременное истощеніе, болѣзни, скорую чахотку, раннюю смерть, другіе объявляли проститутокъ чуть ли не самыми крѣпкими женщинами во Франціи, «желѣзное здоровье» которыхъ никогда не уступаетъ ихъ позорному промыслу, за исключеніемъ, конечно, вліянія извѣстной болѣзни!.. Странное разногласіе объяснилось очень просто:

одни источники составились цѣликомъ по наблюденіямъ врачей надъ нищенствующими низами класса, другія—исключительно надъ его сытыми верхами. Паранъ Дюшатле, кажется, первый сумѣлъ раздѣлить проституціонную массу на сословія или категоріи,—распредѣлилъ своеобразную аристократію и буржуазію «нарядныхъ» съ бѣдствующею поденщиною и босячествующимъ пролетаріатомъ «убогихъ». Не говоря уже о демимондѣ,—даже между Настею изъ пьесы «На днѣ» и обитательницами первокласснаго «дома» въ московскомъ Соболевѣ переулкѣ физическая разница не меньше, чѣмъ между Костылевскою ночлежкою, гдѣ задыхается первая, и зеркальными залами и атласными спальнями, гдѣ нравственно сгниваютъ вторыя *).

Въ тайной проституціи дѣленіе категорій еще рѣзче и ярче, потому что на верхахъ успѣха тайная проституція несравненно выгоднѣе и богаче явной, чѣмъ и объясняется ея неистребимое развитіе, въ насмѣшку всѣмъ охранительнымъ и запретительнымъ законамъ: а на низахъ она является, наоборотъ, совершенно нищенскою профессіей, отъ которой переходъ къ явной проституціи—почти необходимость. Я сказалъ бы даже такъ, что классъ «на днѣ» не знаетъ практическаго дѣленія проститутокъ на явныхъ и тайныхъ, и разницу между ними опредѣляетъ только отжившій свой вѣкъ, ненужный и вредный, законъ регистраціи: то есть, вопросъ,—настигнетъ ли онъ и, если настигнетъ, то скоро ли, укрывающуюся отъ него проститутку. Соня Мармеладова была тайною одиночкою,—и жила въ номерахъ Амаліи Липпевехзель; когда доносъ превратилъ ее въ явную одиночку, Соня перекочевала жить къ портному Капернаумову,—только и всего. Быть

*) Считая долгомъ отмѣтить, какъ очень интересную бытовую картину явной проституціи, очерки г. Карменъ—„На днѣ Одессы“. Они печатались въ „Одесскихъ Новостяхъ“ 1903 года, и теперь выходятъ отдѣльнымъ изданіемъ.

одиночки тайной разнится отъ быта одиночки явной лишь постольку, поскольку у первой имѣется какая-либо другая профессія, либо прикрывающая проституціонную, либо, чаще, являющаяся коренною заработною, а проституціонный доходъ къ ней уже приработкомъ. Въ послѣднемъ случаѣ тайная проститутка обычно дѣлается явною, какъ скоро коренной заработокъ почему-либо перестаетъ ее кормить; въ первомъ—дѣло зависитъ отъ выгодъ женщины и отъ бдительности полиціи, но больше отъ выгодъ: обыкновенная причина зарегистровки тайныхъ одиночекъ—закабаленіе на «готовый хлѣбъ», то есть въ домъ терпимости.

Я взялъ для «Марьи Лусьевой» сытую и роскошную среду аристократическаго maison á parties потому, что Лусьевымъ, то есть дѣвушкамъ изъ привиллегированныхъ сословій, изъ образованнаго и полуобразованнаго класса, эти омуты тайной проституціи опаснѣе всѣхъ другихъ. Сѣнная площадь, Цвѣтной бульваръ и имъ подобныя урочища для чистой дѣвушки интеллигентныхъ слоевъ не ловушки, а Рюлины и Буластихи глотаютъ неопытныхъ «пискарей» десятками. Процентъ интеллигентныхъ и полуинтеллигентныхъ проститутокъ явныхъ не великъ. Въ извѣстномъ старомъ статистическомъ изслѣдованіи Кузнецова для 1853—1869, онъ колеблется на 2,34 проц. (для Петербурга) и на 2,50 проц. (для Москвы). Не лишнее, конечно, имѣть въ виду, что статистика Кузнецова обнимаетъ годы, когда дворянское оскудѣніе еще не начиналось (1853—1861), либо не обострилось съ тою силою, какой достигло къ нашимъ днямъ *). Въ брошюрѣ о «Позорномъ Промыслѣ» А. И. Федорова, изданной 1900 г. медицинскимъ департаментомъ мин. внутр дѣлъ, на привиллегированное сословіе падаютъ 3% петербургскихъ проститутокъ *). Характерною общею чертою отмѣтокъ, сложившихъ эти проценты, за самыми ничтожными, единичными исключе-

*) См. о томъ мое „Женское Нестроеніе“.

ніями, является то обстоятельство, что проститутки изъ привиллегированнаго званія почти никогда не региструются добровольно, но попадаютъ въ роковые списки только по доносамъ и сыску. То есть, въ лицѣ зарегистрованныхъ, мы имѣемъ дѣло съ неудачницами тайной проституціи, насильственно вынужденными полицейскою бдительностью перейти къ самопродажѣ явной. Въ тайной же проституціи, даже исключая обильную въ ней театральную группу, процентъ женщинъ изъ интеллигенціи гораздо выше; на верхушкахъ же ея, у «генеральшъ», «баронессъ», Рюлиныхъ, Буластихъ и К°,—онъ господствующій. Сюда обычная жертва проституціи, полуграмотная или вовсе безграмотная крестьянка или мѣщанка, попадаетъ только случаемъ, выдающеюся красотою или удачею, какъ въ «Марьѣ Лусьевой» — горничная Люція. Главный товаръ всѣхъ этихъ maisons á parties, maisons de passe, lieux de retraite aristocratiques—иностранки, а изъ русскихъ—дѣвушки съ образованіемъ, либо полуобразованіемъ, воспитанныя или имѣющія внѣшній лоскъ воспитанія, деми-мондъ, денежно запутавшіяся дамы, жертвы шантажа, «прирабатывающія» къ плохимъ жалованьямъ актрисы, гулящія Мессалины и т. д. Если бы тайная проституція поддавалась хоть приблизительному подсчету статистическому, то число Лусьевыхъ, Брусаковыхъ, Княженъ сложило бы огромную цифру. Никто изъ нихъ не попалъ въ тюрьму тайнаго порока добровольно: всѣ сперва побывали въ какихъ-либо хитро разставленныхъ силкахъ и сѣтяхъ. Ну, вотъ,—что зналъ я о сѣтяхъ этихъ, то я и нашелъ возможнымъ и не лишнимъ разсказать. Можетъ быть, какому-нибудь кролику разсказъ мой поможетъ во-время замѣтить открытый ему силокъ, какого-нибудь пискаря заставитъ обогнуть разставленный поперекъ теченія неводъ. И тогда я буду считать, что цѣль моя достигнута, а повѣсть оправдана.

Въ заключеніе два слова еще объ одномъ упрекѣ, полученномъ мною отъ петербургскаго читателя-журналиста:

что я не далъ сценъ, рисующихъ униженіе тайной проститутки отъ «рынка», то есть отъ гостей. Я отстранилъ эти сцены отъ сюжета совершенно сознательно и — именно потому, что не хочу развращать альковными картинами не только женщинъ и дѣтей, но и представителей сильнаго пола. Что же тутъ расписывать? Фактъ, что женщиною насильно торгуютъ, какъ товаромъ, самъ по себѣ, — такое гнусное «что», что альковное «какъ» торга — для серьезно мыслящихъ и чувствующихъ людей — отходитъ къ заднему плану. Надо разобраться въ сути и въ типахъ проституціи, а не въ ея физіологическихъ гнусностяхъ, приспособляемыхъ къ рынку. Любители же скользить по пикантнымъ ощущеніямъ давно имѣютъ этотъ щекочущій матеріалъ въ чувствительно забористыхъ романахъ, о которыхъ была рѣчь выше... Развратъ — такая страшная и неизмѣнная сила, что разжевывать и раскрашивать его курсивами и точками на і — напрасный трудъ. Что вы ни напишите о немъ, все будетъ недостаточно и блѣдно, все не успѣете высказать и тысячной доли того, что бывало, бываетъ и можетъ быть. Этой бѣдѣ, этому безсилію слова передъ общественнымъ темпераментомъ не поможешь крѣпкими эпитетами, какими авторы мелодрамъ и романовъ, обыкновенно, бичуютъ порокъ и восхваляютъ добродѣтель. Я, вообще, думаю, что не высоко стоитъ нравственность и этическое пониманіе въ обществѣ, которому, чтобы пробрать его кожу и направить его на путь сочувствія, нужно подчеркивать: *подлый* обольститель, *гнусная* торговка живымъ мясомъ, *отвратительный* притонъ и т. д. Всѣ эти эпитеты презрѣнія дѣлаютъ честь благородству ихъ авторовъ, но въ обществахъ съ высокими нравственными требованіями они звучатъ плеоназмами, ибо для такихъ обществъ слово «обольститель» носитъ аттестацію подлости въ себѣ самомъ, безъ всякихъ прилагательныхъ, и существительныя, обозначающія торговку живымъ товаромъ и притонъ, отталкиваютъ отъ себя съ большею выразитель-

ностью, чѣмъ бранные эпитеты, которыми хотятъ ихъ усилить... Ругать порокъ не стоитъ: какъ стѣнѣ горохъ. Надо убивать его. Ну, а наша русская борьба съ развратомъ, покуда́, еще только на ступени ругани... Дай Богъ не остановиться, а пойти впередъ.

1903.

ПТИЧКИ ПѢВЧІЯ.

(Московскіе нравы).

Motto.

Ходитъ птичка весело
По тропинкѣ бѣдствій,
Не предвидя отъ сего
Гибельныхъ послѣдствій.

— И вотъ, братецъ, когда мы напились, то поѣхали къ Яру...

— Позволь!—перебилъ пріятеля пріятель,—ты невѣрно выражаешься, не литературно: къ Яру не ѣздятъ, къ Яру попадаютъ.

Въ самомъ дѣлѣ: какой же здравомыслящій москвичъ, даже въ загулѣ, вознамѣрившись провести вечеръ въ свое удовольствіе и на самую широкую ногу, выѣзжаетъ изъ дома съ опредѣленно намѣченнымъ планомъ: «Сегодня я ѣду къ Яру». Для современнаго москвича подобное заявленіе было бы равносильно тому, какъ если бы древній грекъ или римлянинъ объѣщалъ во всеуслышаніе: «Сегодня я брошусь съ Левкадскаго утеса». Послѣ такой откровенности свидѣтелямъ остается одинъ священный долгъ: связать заявителя по рукамъ и ногамъ и послать за полиціею:—Берите его,—это сумасшедшій и самоубійца...

Нѣтъ, объ Ярѣ никто не мечтаетъ вслухъ, никто не собирается туда съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ.

*

Напротивъ, мысль, что—«чѣмъ чортъ не шутитъ—пожалуй, придется кончить вечеръ у Яра»,—веселящійся москвичъ старательно скрываетъ даже отъ самого себя. Люди энергичные и склонные къ самонадѣянности клянутся и бранятся:

— Чтобы я и сегодня поѣхалъ къ вашему подлому Яру? Да ни за что! Боже меня сохрани! Я еще съ ума не сошелъ и не собираюсь въ Черемушки. И деньги у меня не бѣшеныя, но трудомъ достаются,—да съ!.. Лучше я ихъ на свѣчкѣ сожгу, чѣмъ выброшу въ эту бездонную бочку пьяныхъ Данаидъ! Мнѣ и о прошломъ-то вечерѣ стыдно и тошно вспомнить.

Люди поопытнѣе, гамлетовски извѣрившіеся въ силу своего характера, памятуя многочисленные печальные прецеденты, сокрушенно вздыхаютъ:

— Эхъ, хоть бы сегодня-то Богъ былъ милостивъ—не далъ мнѣ попасть къ проклятому Яру. Да нѣтъ ужъ... Гдѣ ужъ! Что ужъ!—Fatalitè!

Ясный – весенній, лѣтній, осенній—вечеръ. Резиновыя шины развозятъ «веселящуюся Москву» по садамъ. «Веселящаяся Москва» апплодируетъ дѣвицѣ Отеро, апплодируетъ дѣвицѣ Рапсовой, слушаетъ «Пару гнѣдыхъ» отъ г. Давыдова и «Нищую» отъ г. Форесто:

Она была м-мечтой поэта...
Подайте Христа ради ей!

— Браво! Бисъ!— и даже слезы и истерики...

Замѣчали ли вы, что публика нашихъ развратныхъ садовъ и кафешантановъ—очень сантиментальная публика? Точно, наглядѣвшись на голыя плечи, на вызывающіе глаза, одурѣвъ отъ блеска брилліантовъ, отъ сальныхъ фразъ и намековъ,—она чувствуетъ потребность въ реакціи, хочетъ, чтобы въ ея свиноватомъ весельи прозвучала хоть какая-нибудь человѣческая нота. Если вы прислушаетесь къ тексту самыхъ излюбленныхъ номеровъ нашей кафешантанной толпы, сюжеты ихъ покажутся вамъ истиннымъ тетеп-

to morî на пирѣ ликующихъ, праздно болтающихъ. Тихимъ туманнымъ утромъ, по столичной улицѣ, пара гнѣдыхъ клячъ тащитъ похоронныя дроги. «Въ гробѣ сосновомъ—останки блудницы». Покойница когда-то была шикарною кокоткою, а клячи великолѣпными рысаками. Но состарилась блудница, состарились и рысаки. Она умерла...

Кто жъ провожаетъ ее на кладбище?
Нѣтъ у нея ни друзей, ни родныхъ...
Нѣсколько только оборванныхъ нищихъ...
Пара гнѣдыхъ! Пара гнѣдыхъ!..

Я не разъ былъ свидѣтелемъ, какъ эти четыре довольно нескладные апухтинскіе стиха, пропѣтые или, вѣрнѣе, сказанные нараспѣвъ «Сашею Давыдовымъ», заставляли рыдать не только женщинъ, но и мужчинъ. Барнай, Мунэ Сюлли, Сара Бернаръ, Дузэ, Ермолова лишь въ самыхъ высокихъ трагическихъ вдохновеніяхъ поднимаютъ *свою* публику до такихъ бѣшеныхъ восторговъ, какіе вызываетъ въ кафешантанной средѣ баритонъ или теноръ, слезливо взывающій съ эстрады къ полупьяной толпѣ:

Плачь! плачь! плачь!
Не таи рыданья!
Плачь! плачь! плачь!
Облегчи страданье!

«Нищая»—старинная пѣсня Беранже въ превосходномъ переводѣ извѣстнаго актера-водевилиста сороковыхъ годовъ Д. Т. Ленскаго: исторія знаменитой пѣвицы, которую оспа «лишила голоса и зрѣнія», и бывшая дива протягиваетъ теперь на паперти руку за милостыней... «Подайте Христа ради ей»!.. Раньше «Нищей» и «Пары гнѣдыхъ» была въ модѣ тоскливая мелодія, написанная на общеизвѣстные, мучительно-страстные некрасовскіе стихи: «Не говори, что молодость сгубила»; не сходятъ съ репертуара грустно-разочарованныя «Ночи безумныя». Эта сантиментальность распутной и невѣжественной толпы—черта едва ли не исключительно русская. Въ кафешантанахъ Парижа, Вѣны, Берлина, Неаполя никакому «артисту» и въ

голову не придетъ, что публику, пришедшую веселиться, можно забавлять плачемъ о блудницѣ въ сосновомъ гробу, предсмертными стонами влюбленнаго и придирчиво-мелочного ревнивца или разсказомъ о томъ, какъ

Ты ушла молчаливо,
Принарядившись, какъ будто къ вѣнцу.
И черезъ часъ принесла торопливо
Гробикъ ребенку и ужинъ отцу.
Голодъ мучительный мы утолили,
Въ комнатѣ темной зажгли огонекъ,
Сына одѣли и въ гробъ положили...

Когда европейскій полуинтеллигентъ чувствуетъ потребность въ такого рода настроеніяхъ, онъ удовлетворяетъ ей въ театрахъ бульварной трагедіи и мелодрамы, имѣющихъ на Западѣ широкое распространеніе. У насъ нѣтъ ихъ вовсе. За границею мнѣ случалось видать, какъ публика кафе-концертовъ, однородныхъ съ нашими «Омонами» и «Тулонами», тоже возбуждалась исполненіемъ «серьезныхъ» номеровъ до неистовства, кричала, стучала, бисировала. Но слезъ я никогда не замѣчалъ, да и «серьезность номеровъ была совсѣмъ другого сорта. Французъ бѣснуется, когда поютъ ему о реваншѣ, о статуѣ Страсбурга, о матери солдата, о маленькомъ барабанщикѣ, вздернутомъ на прусскіе штыки. Чтобъ пробрать нѣмца, пойте ему «Die Wacht am Rhein», «Deutschland, Deutschland ueber Alles». Чтобы довести до fanatismo итальянца, достаточно просто хорошо пѣть. А русскому, для полнаго восторга, подавай, среди пиршества, египетскую мумію—образъ смерти и печали: пой о гробѣ, больницѣ, нищетѣ... Хорошая эта черта нашей толпы или дурная, не берусь рѣшать. Альфонсъ Додэ, строго осудившій Достоевскаго за Соню Мармеладову, а русскихъ писателей вообще за «сантиментальную» страсть откапывать положительныя черты въ отрицательныхъ явленіяхъ жизни, вѣроятно, былъ бы не мало сконфуженъ и возмущенъ, если бы показать ему воочію самобичующія, отравлен-

ныя примѣсью невѣдомой, но тяжелой тоски, удовольствія россійскихъ пшютовъ и падшихъ или почти-что падшихъ женщинъ. У англійскаго юмориста Джерома К. Джерома пономарь захолустнаго аббатства, гдѣ нѣтъ ровно никакихъ достопримѣчательностей, соблазняетъ проѣзжаго юношу-туриста:

— Я покажу вамъ могильныя плиты... Одна немножко треснула, но это ничего: она все-таки очень хорошая могильная плита, и подъ нею хорошо похороненъ настоящій покойникъ... А потомъ я покажу вамъ три черепа... Посмотрите на черепа! Вы молодой человѣкъ, вамъ надо повеселиться: ахъ, посмотрите на черепа!

Туристъ убѣжалъ отъ пономаря опрометью. Любой русскій кафешантанъ могъ бы доставить этому пономарю сотни молодыхъ людей, способныхъ веселиться, созерцая могильныя плиты и черепа.

Отъ исполнителей чувствительныхъ номеровъ не требуется ни голоса, ни умѣнья пѣть. Нужна «слеза» въ звукѣ, нужна «душа» въ декламаціи. Я знавалъ многихъ, которые сами искренно и до слезъ волновались передаваемыми въ ихъ пѣніи мрачными картинами и настроеніями, и публика цѣнила ихъ исполненіе, дурное, грубое, полное безвкусной аффектаціи, выше самаго изящнаго, самаго законченнаго. Точно въ этихъ убогихъ чувствомъ и скудныхъ разумомъ, вывѣтренныхъ до полной нравственной пустоты, массахъ живетъ безсознательная тоска по утраченной душѣ—дыханіи Божіемъ; точно потребность хоть на мигъ почуять, какова она, эта душа, становится порою такъ велика, что человѣкъ,—изъ той же кафешантанной среды, но еще съ душою, еще способный воспринимать и воспроизводить общечеловѣческія чувства,—невольно становится для одичалыхъ носителемъ и героемъ какой-то забытой правды, любимцемъ, полубогомъ. Хорошо это или дурно, опять таки, оставляю въ сторонѣ: психологія толпы—дѣло сложное. Смотрѣть, какъ вслѣдъ за

поголовнымъ плачемъ о блудницѣ въ сосновомъ гробу, выскакиваетъ на эстраду полунагая блудница, еще благоденствующая, и публика, только-что рыдавшая, даже не хохочетъ, а прямо ржетъ на ея разухабистыя циническія колѣнца,—довольно отвратительно. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, минутка мимолетной грусти какъ-будто немного дезинфецируетъ удушливую нравственную атмосферу вертеповъ, гдѣ сцена и зрительный залъ спорятъ между собою,—кто хуже. Я увѣренъ, что если бы какому-нибудь Давыдову или Форесто пришла въ голову мысль, спѣвъ «Пару гнѣдыхъ» или «Нищую», обратиться къ публикѣ съ воззваніемъ: «Милостивые государи, въ столицѣ имѣются, такъ называемые, магдалинскіе пріюты для несчастныхъ падшихъ женщинъ, но средства пріютовъ очень ограничены... Не дадите ли вы въ ихъ пользу, сколько кто можетъ»?—я увѣренъ, что посыпался бы дождь пожертвованій, ни за минуту предъ тѣмъ, ни минутою позже того, немыслимый и невозможный.

Часъ ночи. Сады кончили свою работу. Въ кафешантанахъ прошли «отдѣленія»: сцена опустила занавѣсъ, и шато-кабакъ сталъ просто кабакомъ, гдѣ человѣку, неохочему попасть въ герои и свидѣтели скандала, дальнѣйшее пребываніе неудобно. «Что-жъ намъ дѣлать? Не хочется спать»,—и, сверхъ того, какъ-будто еще и не всѣмъ успѣли насладиться... И вотъ—alea jacta est! «Веселящаяся Москва» собирается подъ яровскую сѣнь, какъ наполеоновская гвардія на ночной смотръ. Всѣ очутились у Яра: и клявшіеся не быть, и не клявшіеся, и храбрые на словахъ стоики, и робкіе Гамлеты.

— Петръ Михайловичъ! Вы то здѣсь какими судьбами? Вы же дали зарокъ—не ѣздить къ Яру?

— А чортъ меня знаетъ, какими! Попалъ. Присаживайтесь къ крюшону.

— Ахъ, чтобы вамъ ни дна, ни покрышки! Ну сѣлъ... наливайте! Что съ вами дѣлать!

Яръ, такимъ образомъ, своего рода проклятіе безснѣжныхъ сезоновъ Москвы. Зимою онъ только довольно частое бѣдствіе, въ остальныя времена года—фатальное проклятіе. Онъ напоминаетъ ту магнитную гору, о которой разсказъ Синбада-Морехода сохранили намъ арабскія сказки. Въ этой горѣ не было ничего особеннаго, но, чуть плылъ мимо нея корабль, изъ него тотчасъ же выскакивали вонъ всѣ гвозди, и судно шло ко дну. Нѣтъ ничего особеннаго и въ Яру. Какъ ресторанъ, это даже посредственный ресторанъ. Москва—старинная столица обжорства и обладаетъ такими блистательными кулинарными капищами, какъ—кромѣ развѣ Парижа—ни одинъ городъ въ мірѣ. И, съ точки зрѣнія опытнаго московскаго вивера, человѣкъ, способный послѣ завтраковъ Славянскаго Базара, послѣ обѣдовъ Эрмитажа и Тѣстова, ужинать у Яра—либо круглый невѣжда въ гастрономіи, либо ненасытный Гаргантюа. Кухня неважная, даже «по особому заказу», для своей публики; мало же знакомые гости ѣдятъ совсѣмъ плохо. Половые принимаютъ заказы кушаній даже какъ бы нѣкоторымъ недоумѣніемъ: вотъ, молъ, охота ѣсть у насъ!—подаютъ чуть не съ часовыми промежутками отъ блюда къ блюду, и случается, что вы велѣли дать себѣ филэ-сотэ а вамъ приносятъ судака о-гратэнъ и еще божатся, что вы какъ-разъ это именно и приказали подать. Словомъ, пріѣхавъ къ Яру, гость предполагается сытымъ до отвала, но не пьянымъ, по крайней мѣрѣ, не вдребезги пьянымъ. Напаивать публику до положенія ризъ, въ компаніи пѣвичекъ разныхъ хоровъ, и есть назначеніе этого удивительнаго и воистину единственнаго въ своемъ родѣ учрежденія. Нигдѣ въ Россіи не выпивается... я хотѣлъ сказать: виноградnаго сока, но вспомнилъ, что его-то именно здѣсь и не достать... не выпивается больше хмельныхъ микстуръ, чѣмъ у Яра, хотя опять-таки погребъ его далеко не первоклассный.

— Отчего у васъ такія дрянныя vins ordinaires? спросилъ я какъ-то распорядителей.—Русскія отъ второстепенныхъ фирмъ, иностранныя—мѣсиво самаго сквернаго качества.

Мнѣ отвѣчали:

— Намъ нечего безпокоиться о винѣ. У насъ не въ немъ суть. Вина у насъ почти не пьютъ. Нашъ гость истребляетъ либо шампанское, либо коньякъ. Это у насъ на совѣсть: лучше нигдѣ не найдете. А вино идетъ лишь такъ—между прочимъ, для «промежуточной публики»... А сами знаете: случайнымъ посѣтителемъ мы не дорожимъ. Что въ немъ? Пріѣхалъ изъ любопытства, чтобы лишь посмотрѣть, каковъ-таковъ Яръ, прожилъ красненькую и уѣхалъ,—только и было съ него прока. Намъ, сударь, важенъ гость постоянный, завсегдатай нашъ, habitué, какъ выражаются господа французы...

Трудно, даже почти невозможно, по здравому смыслу, вообразить себѣ существованіе цѣлаго класса людей, убивающихъ изо дня въ день и свое время, и свои деньги на то, чтобы поддерживать жизнь скучнаго, хотя и шумнаго, однообразнаго, хотя и пестраго, кабака, съ казеннымъ весельемъ, съ казеннымъ пьянствомъ, съ казеннымъ развратомъ. Однако, такой классъ есть—и даже многочисленный. И это далеко не сплошь очень богатые люди съ бѣшеными деньгами. Между кореннымп, хроническими яровцами не мало лицъ, добывающихъ средства къ жизни тяжелымъ упорнымъ трудомъ. Московская ежедневная пресса, напримѣръ, чуть не сплошь заражена недугомъ «яроманіи», а жизнь газетнаго сотрудника въ Москвѣ—каторжно-рабочая жизнь, и доходы его не ахти какіе великіе доходы.

— Пора бы вашему издателю увеличить вашъ гонораръ, сказалъ я однажды своему пріятелю, молодому фельетонисту, имѣвшему въ Москвѣ большой успѣхъ.—Васъ сильно читаютъ.

Фельетонистъ разсмѣялся.

— Я говорилъ ему.

— И что же?

— Онъ отказалъ—и не безъ остроумія, разбойникъ. «Видите ли, говоритъ, Яковъ Ивановичъ, если бы вопросъ былъ только о томъ, чтобы вамъ прибавить жалованья, я не возразилъ бы ни слова. Но вѣдь дѣло обстоитъ такъ, что не вы, собственно, получаете съ меня жалованье, а ресторанъ Яръ: оно только проходитъ черезъ ваши руки. Яру же—я нахожу—вы платите болѣе, чѣмъ достаточно, и прибавлять ему рѣшительно не за что». И онъ совершенно правъ, если хотите. Вѣдь, дѣйствительно, — благо я безсемейный,—какъ-то выходитъ такъ, точно я работаю не на себя, я на этотъ проклятый Яръ...

Есть разрядъ посѣтителей, называемыхъ на мѣстномъ яровскомъ жаргонѣ «горе-кофейщиками». Очень плачевный разрядъ. Это—пропащая молодежь малаго достатка: конторщики, нотаріальные писцы, приказчики. Денегъ нѣтъ, а про блестящій, дорогой яровскій развратъ наслышаны. И вотъ—такъ и манитъ, такъ и тянетъ хоть глазкомъ взглянуть, «какъ это бываетъ». Часовъ до одиннадцати ночи это многообѣщающее юношество утаптываетъ бульвары, гоняясь за уличными женщинами, а когда запрутъ портерныя, идетъ пѣшкомъ къ Яру—версты четыре, если не всѣ пять. У Яра—чашка кофе, рюмка коньяку, двугривенный на чай половому—всего рубль денегъ; а сколько удовольствія-то за этотъ рубль: и электричество, и музыка, и сверкающія брилліантами женщины, и возможность разсказать завтра въ пріятельскомъ кружкѣ, прихвастнувъ, немного, что «кутилъ» въ одномъ залѣ съ актеромъ X., эксъ-милліонерами Y. и Z., писателями U. и W., издателемъ N.—словомъ, со всѣми премьерами московскаго виверства. А если «тузы» хорошенько подопьютъ и разойдутся до якшанья со всякимъ встрѣчнымъ, то и возможность въ самомъ дѣлѣ познакомиться съ ними, быть приглашеннымъ къ ихъ столу и напиться за ихъ счетъ.

Изъ горе-кофейщиковъ вырабатываются весьма скверные типы: и подлые, и опасные. Отсюда выходятъ лизоблюды, потѣшники богатыхъ компаній, охотники — шутовствомъ и, въ стремленіи угодить, не различающимъ ни задачъ, ни средствъ услужничествомъ—втираться въ общество «золотой молодежи»—къ даровому шампанскому. Отсюда выходятъ «интересные подсудимые»: человѣческая шушера, которая очаровываетъ невѣжественныхъ, но охочихъ до сильныхъ ощущеній, пѣвичекъ болтовнею, заимствованною изъ театральныхъ фарсовъ, и громкими фразами — изъ романовъ «Московскаго Листка» и «Новостей Дня»; влюбляетъ и влюбляется; геройствуетъ на словахъ и сутенерствуетъ на дѣлѣ; года три вытягиваетъ у женщины ея гроши, добытые подарками отъ щедрыхъ habitués ресторана и любовниковъ-содержателей, а затѣмъ, въ одинъ глупый день, вдругъ ни съ того, ни съ сего, возьметъ и пырнетъ свою даму сердца ножомъ или самъ наглотается нашатырю—въ дозѣ, достаточной для того, чтобы въ газетахъ написали о попыткѣ на самоубійство изъ ревности или изъ-за несчастной любви, но отнюдь—Боже сохрани! —не опасной для жизни:

Легонькія самоотравленія — прямо какой-то спортъ кафешантаннаго мірка. Пѣвицы хоровъ травятся походя. Каждая изъ нихъ травилась хоть разокъ въ жизни: «едва-едва меня тогда спасли»!.. Но «спасли» непремѣнно: онѣ любятъ играть со смертью и притворяться, будто умираютъ, но умирать боятся даже до суевѣрнаго ужаса ко всему, что напоминаетъ о смерти—къ кладбищу, къ тремъ свѣчамъ на столѣ, къ встрѣчѣ съ монахомъ и т. д. Отъ хорошей жизни не полетишь—говоритъ горбуновскій портной. Отъ счастья въ хоръ не пойдешь! У рѣдкой изъ пѣвичекъ не осталось въ прошломъ тяжелой семейной или личной драмы. Интеллигентные классы, конечно, представлены въ составѣ «пѣвичекъ» сравнительно малымъ процентомъ. Но все-таки, среди бывшихъ горничныхъ и швеекъ, далеко не рѣдкость встрѣтить дѣвушку, прошедшую нѣсколько клас-

совъ гимназіи, сбившуюся съ пути гувернантку, разводку изъ порядочной семьи, бросившую мужа и—по тщетномъ поискѣ болѣе симпатичныхъ занятій — очутившуюся въ хорѣ. Еще недавно, среди пѣвицъ московской Стрѣльны пріютилась, поссорясь съ семьею, княжна N— съ родословнымъ древомъ чуть не отъ Рюрика *)... Такимъ образомъ, въ душахъ этихъ птичекъ, ходящихъ весело по тропинкѣ бѣдствій,—говоря словами поэта Минскаго,—«спятъ драконы»... Недаромъ-же ихъ любимая героиня– Маргарита Готье: рѣдкая не ставитъ ее себѣ за идеалъ (по мѣстному произношенію «идѣялъ»; когда я поправилъ одну пѣвицу, она обиженно возразила мнѣ:—Извините-съ... Саша Давыдовъ завсегда поетъ:

Гдѣ-же теперь, въ какой новой богинѣ
Ищутъ они *идъяловъ* своихъ.

Что-же, по вашему, онъ хуже васъ знаетъ, какъ надо произносить»?!) Рѣдкая не «обожаетъ» граціозный образъ чахоточной, благородной грѣшницы, какъ пригрезился онъ Дюма. Въ Арманахъ Дюваляхъ, къ сожалѣнію, никогда не бываетъ недостатка въ окружающей пѣвицъ кабацкой толпѣ: на то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, доморощенные Арманы Дювали эксплоатируютъ своихъ Маргаритъ съ наглостью и ловкостью профессіональныхъ сутенеровъ...

— Влюбиться для нашей сестры—одно разореніе! откровенно жаловалась мнѣ на нижегородской ярмаркѣ солистка лучшаго московскаго хора, разсказывая свой печальный романъ съ нѣкоторымъ начинающимъ, но подающимъ большія надежды помощникомъ присяжнаго повѣреннаго: юнецъ, можно сказать, изъ молодыхъ, но ранній. **)—И разореніе, и кабала, и униженіе. Развѣ насъ любятъ? Нами тѣшатся. И всегда—свысока, точно честь

---

*) Однофамилица, но не родственница «Княжны», выведенной въ «Марьѣ Лусьевой». (1904).

**) Уже давно исключенъ изъ сословія! (1904).

намъ дѣлаютъ. Помни—молъ, кто ты и кто я! Намъ каждую минуту показываютъ: смотри, какъ я великодушенъ,—не брезгую тобою, хотя ты тварь, а я порядочный человѣкъ!.. Понимай, что ты меня не стоишь, и трепещи, чтобы я тебя не бросилъ, не промѣнялъ на первую встрѣчную... Ну, и не жалѣешь ничего, лишь-бы угодить: ни самолюбія, ни денегъ.

— Охота же вамъ любить такую дрянь?

— А что мнѣ дѣлать, если любится?

Наша беллетристика много занималась цыганскими хорами, но русская пѣвичка—явленіе, еще почти вовсе нетронутое литературнымъ описаніемъ. Сталкиваясь съ нею по ходу своихъ романовъ и повѣстей, авторы спѣшатъ отдѣлаться отъ пѣвицы короткими, небрежными набросками, точно отъ проститутки. Брезгливость несправедливая и мало наблюдательная. Пѣвица—далеко не всегда проститутка; наоборотъ—развѣ лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія. Разумѣется, встрѣчаются между ними большія развратницы и негодяйки, но большинство вовсе не такъ страшно, какъ ихъ малюютъ. Опасный разрядъ—иностранки: нѣмки, венгерки и, являющіяся со всѣхъ сторонъ свѣта подъ разными псевдонимами, чужеземныя еврейки. Эти, дѣйствительно, съ тѣмъ лишь и пріѣзжаютъ въ Россію, чтобы выгодно продаться и ограбить какого-нибудь влюбленнаго простака («карася»—на яровскомъ жаргонѣ),—ограбить до-чиста, до послѣдняго гроша. У этихъ пришелицъ, всегда есть и деньги, и бриллианты, а у иныхъ и свои лошади. Онѣ недоступны лишь тому, у кого нѣтъ денегъ. Русская пѣвичка,—кровная ли русачка, хохлушка ли, русская ли полька, русская ли еврейка,—даже изъ торгующихъ собою—рѣдко опускается до такого откровеннаго превращенія въ живой товаръ. Скажу больше: для иныхъ служба въ хорѣ—послѣднее убѣжище отъ холодной и голодной нужды, а, слѣдовательно, отъ искушенія сдѣлаться продажною женщиною. Многія смотрятъ на свое

пребываніе въ хорѣ, какъ на состояніе временное и переходное къ чему-то лучшему, болѣе свѣтлому,—и берегутъ себя въ этой надеждѣ. Многія просто находятъ, что жалованья, частыхъ подарковъ отъ знакомыхъ, почти всегда дарового ужина—достаточно, чтобы жить безбѣдно, не унижая себя самопродажею. Вообще, русскія женщины падаютъ довольно легко, но до проституціи доходятъ лишь въ крайности. Наконецъ, я самъ зналъ нѣсколькихъ пѣвичекъ, которыя жили скромно и даже цѣломудренно, потому что заключались въ вѣрность одному, любимому человѣку,—и отношенія эти тянулись цѣлыми годами, не прерываемыя даже соблазнами разлуки, при переѣздѣ хора изъ города въ городъ. Что касается жадности, русская пѣвичка тоже оклеветана больше, чѣмъ заслуживаетъ. Между ними большая рѣдкость — женщина хоть съ маленькими деньгами. Какъ только у пѣвицы завелись сбереженія, она спѣшитъ уволиться изъ хора, выходитъ замужъ и т. п. Такъ, если пѣвица нашла себѣ богатаго обожателя, то онъ, уже изъ одной ревности, не оставитъ ее въ хорѣ. Мнѣ разсказывали случаи, когда, чтобы убрать пѣвицу изъ хора и въ то же время не оставить ее скучать безъ занятія, влюбленные покровители открывали для нихъ кондитерскія, модные магазины. Далеко не рѣдки случаи женитьбы «порядочныхъ людей» на пѣвицахъ, и—нельзя сказать, чтобы выходили неудачные браки. Конечно, нѣтъ правила безъ исключенія, но—въ общемъ—два-три такихъ супружества, извѣстныхъ мнѣ лично, надо отнести къ разряду счастливыхъ. Правда, что во всѣхъ этихъ случаяхъ свадьбѣ предшествовало многолѣтнее внѣбрачное сожительство— maritalement, какъ опредѣляютъ французы — и супружество было здѣсь какъ-бы офиціальною наградою за долгую и непоколебимую вѣрность.

Въ общемъ, за очень рѣдкими и наперечетъ, по именамъ, извѣстными исключеніями, пѣвицы живутъ болѣе чѣмъ скромно. Московскіе хоры, напримѣръ, ютятся въ

грязныхъ меблированныхъ комнатахъ Тверской-Ямской, гдѣ номеръ въ пятнадцать-двадцать рублей уже считается чуть не аристократическимъ помѣщеніемъ. Вотъ разговоръ съ натуры.

— Какъ тебѣ, Поля, не стыдно? У тебя не изъ чего чаю напиться: бѣгаешь занимать чашки къ сосѣдямъ...

— А если не нравится, такъ чѣмъ стыдить, привезъ бы въ подарокъ хоть плохенькій сервизъ! — съ азартомъ возражаетъ Поля. — У Кузнецова есть дешевые: фаянсовый бракъ... знаешь?

— Да такой подарокъ и привозить совѣстно: ему пять рублей цѣна... неужели у тебя, солистки, нѣту своихъ пяти рублей?

— Конечно, нѣту!... Откуда они будутъ? Я, чай, въ хорѣ служу, а не фальшивыя бумажки дѣлаю. Слава Богу, сыта, одѣта и обута,—и за это скажи спасибо. А ужъ привередничать нашей сестрѣ не приходится... Изъ чего Богъ далъ, изъ того и напьешься!

Описывая Соню Мармеладову, Достоевскій подробно остановился на чистотѣ, которую этой дѣвушкѣ приходится соблюдать въ одеждѣ и убранствѣ, и — «денегъ она стоитъ, чистота-то эта особая, понимаете». Соблюдать особую чистоту пѣвицы обязаны больше, чѣмъ даже Сони Мармеладовы. Характерные, т. е. національные костюмы: сарафаны малороссійскіе, венгерскіе и т. п. дѣлаютъ для нихъ хозяйки хоровъ, но «городскіе» туалеты онѣ обязаны имѣть свои, и это требованіе съѣдаетъ почти весь ихъ небогатый достатокъ. У иной пѣвицы, если заглянуть въ ея гардеробъ, можно найти десять, пятнадцать шелковыхъ туалетовъ отъ Войткевичъ, а въ буфетѣ ея — изо-дня-въ-день колбаса, булка—и больше ничего.

Зная, что общественное мнѣніе считаетъ ихъ женщинами сомнительной профессіи, пѣвицы принимаютъ у себя дома гостей очень рѣдко, осторожно и съ большимъ выборомъ. Надо съѣсть съ пѣвицею два пуда соли, прежде

чѣмъ она позоветъ къ себѣ въ гости. Изъ ста посѣтителей ресторана, которые на ты съ разными Полями, Наташами, Юліями etc., врядъ ли одинъ видѣлъ когда-нибудь домашнюю обстановку этихъ Поль, Наташъ, Юлій, да дома онѣ и не Поли и Наташи, а Пелагеи Павловны, Натальи Николаевны. Мнѣ случалось бывать въ такихъ гостяхъ,— и, право, это было презанимательно и до строгости прилично. Чувствуя себя поставленной внѣ общества, пѣвица высоко цѣнитъ тѣхъ, кто обращается съ нею, какъ съ порядочною женщиною. Ни одна изъ нихъ не обидится, если частый гость, встрѣтивъ пѣвицу на улицѣ, не поклонится ей, особенно, если онъ не одинъ, а съ дамою. Но раскланяться съ пѣвицею, при такихъ обстоятельствахъ, значитъ — пріобрѣсти друга.

— За что тебя такъ любятъ здѣсь? — спрашивалъ я извѣстнаго московскаго пѣвца-яромана.—Ты не богатъ, тратишься довольно скупо; между тѣмъ, тебя принимаютъ, какъ принца крови.

— За вѣжливость, голубчикъ.

— Да мы всѣ здѣсь не невѣжи, однако, къ намъ совсѣмъ не то отношеніе, что къ тебѣ. За какую именно вѣжливость?

— А вотъ за какую. Завтра, скажемъ, Натальинъ день. Именинницъ бездна. Ты, навѣрное, поздравишь баронессу Наталью Сергѣевну, коммерціи совѣтницу Наталью Архиповну, примадонну Наталью Андреевну, но я готовъ хоть пари держать,—и не вспомнишь, что и эта, вѣдь, Наташа К., которая съ нами сидѣла сейчасъ, тоже Наталья—именинница. А я помню. И завтра утромъ я отправлю поздравительныя телеграммы и баронессѣ Натальѣ Сергѣевнѣ, и Наташѣ К. Ужасно ихняя сестра любитъ всякое вниманіе. Въ Новый годъ я не дѣлаю визитовъ, но разсылаю карточки, и всѣмъ знакомымъ пѣвицамъ обязательно тоже по карточкѣ. Если бы ты зналъ, какъ онѣ гордятся: точно я ихъ орденомъ жалую! И замѣть деликатность: ни одна

не позволитъ себѣ выставить мою карточку въ гостиной на зеркалѣ, напоказъ, а спрячетъ въ какой-нибудь сокровенный ящичекъ и лишь при случаѣ похвалится подругамъ или хорошему знакомому: вонъ, молъ, какіе люди меня знаютъ. Я увѣренъ: если бы вотъ эту самую Наташу спросить на выборъ, чего она хочетъ,—получить отъ меня въ подарокъ сто рублей или мою фотографію съ почтительною надписью, какъ пишутъ дамамъ изъ «общества», она предпочтетъ фотографію.

Къ друзьямъ своимъ, то-есть къ людямъ, которые относятся къ нимъ, живымъ игрушкамъ, по-человѣчески, дочери хоровой богемы привязываются трогательно, задушевно. Въ Москвѣ необычайно популяренъ журналистъ Д. Въ молодости, онъ широко жилъ, весело писалъ: богема на него молилась. Его ежедневные фельетоны заучивались чуть не наизустъ и всюду повторялись. Когда онъ довольно сильно заболѣлъ, швейцаръ гостиницы, гдѣ квартировалъ писатель, приходилъ въ отчаяніе отъ постоянныхъ разспросовъ о состояніи здоровья интереснаго больного, какими съ утра до ночи осаждали его пѣвицы кафе-шантанныхъ и ресторанныхъ хоровъ. Участіе было совершенно безкорыстное: Д. былъ совсѣмъ не богатъ,—а просто—по симпатіи.

Яровская красавица сошлась по любви съ блестящимъ «прожигателемъ жизни», когда-то богачемъ, теперь только-что не бѣднякомъ, однимъ изъ тѣхъ «золотыхъ нищихъ», кого кормятъ кое-какъ тотализаторъ, карты, пари, ловкіе займы, распродажа старыхъ вещей—остатковъ прежняго величія. У возлюбленной этого льва ci-devant были знаменитыя по всей Москвѣ брилліантовыя серьги, подаренныя ей прежнимъ ея содержателемъ.

— А дѣла NN (фамилія эксъ-милліонера), должно быть, очень плохи, сказалъ мнѣ однажды у Яра только-что помянутый Д.

— Почему?

— Развѣ вы не знаете примѣты? Посмотрите на серьги Аглаи.

— Ну?

— Видите: брилліанты не голубой воды, какъ обыкновенно, а желтой? Это—просто хорошія стразы. Она, когда сошлась съ NN, заказала себѣ стразовыя серьги—точь-въточь, какъ ея настоящія. Если NN въ выигрышѣ, она щеголяетъ въ голубыхъ брилліантахъ, но, чуть, онъ проигрался, голубые брилліанты идутъ въ закладъ, а денежки—NN на отыгрышъ... Аглая же въ это время довольствуется стразами...

Согласитесь, что для женщины—это жертва, въ особенности—для женщины, живущей тѣмъ, что себя показываетъ...

Какъ-то разъ въ Москвѣ съѣхалось нѣсколько писателей петербуржцевъ. Москвичи устроили товарищескій обѣдъ. Вечеромъ петербуржцы пожелали:

— Покажите, пожалуйста, что за штука вашъ Яръ.

И вотъ сидимъ огромною компаніею въ залѣ Яра. Одинъ, сейчасъ уже покойный критикъ, роется въ незнакомомъ ему прейскурантѣ, не зная, на какой маркѣ хереса ему остановиться.

— Позвольте, я вамъ выберу,—предлагаетъ пѣвица.

Критикъ очень грубо отвѣтилъ:

— Спасибо! Знаемъ мы, какъ вы выбираете. Вѣдь, вы, небось, имѣете процентъ съ буфета? Стало быть, выберете хоть дрянь, да втридорога...

Пѣвица даже поблѣднѣла отъ обиды.

— Вы меня, конечно, не знаете,—возразила она,—но вотъ они,—она указала на нѣкоторыхъ москвичей,—меня знаютъ хорошо... Если бы я сидѣла съ саврасомъ, я непремѣнно сдѣлала бы, какъ вы говорите. Если бы пригласили меня къ столу вы, незнакомый человѣкъ, я, можетъ быть, тоже поступила бы такъ. Но, когда я спжу со

своими знакомыми, я считаю за подлость вводить ихъ въ лишніе расходы.

Красавицъ въ русскихъ хорахъ мало, хотя дурнушку съ лицомъ, наводящимъ на публику уныніе, рѣдко примутъ въ хоръ даже за хорошій голосъ: развѣ ужъ талантъ необыкновенный. Но талантъ недолго засиживается въ хорѣ: либо переманятъ цыгане, либо найдется эксплоататоръ изъ проѣзжихъ провинціальныхъ антрепренеровъ или мелкихъ актерковъ и уведетъ за собою женщину съ голосомъ и «искрою Божьею», какъ бы ни была она некрасива, на опереточные или водевильные подмостки. Можно назвать цѣлый рядъ актерковъ, которые, — сами по себѣ, закулисная тля, — вышли въ люди, держась за шлейфъ своихъ талантливыхъ женъ, бывшихъ хористокъ. Въ подобныхъ случаяхъ, обыкновенно, не сходятся maritalement, но женятся напзаконнѣйшимъ образомъ: церковный бракъ прочнѣе привязываетъ доходную крѣпостную къ ея эксплоататору. Сманить, во имя искусства, пѣвицу изъ хора альфонсу тѣмъ легче, что успѣхъ пѣвицы въ хорѣ создаютъ все-таки не голосъ и не талантъ, но болѣе или менѣе пріятная наружность и, главнымъ образомъ, умѣнье разговаривать съ публикою: поэтому голосистая и талантливая дурнушка остается въ тѣни за видными и бойкими подругами и, слѣдовательно, всегда немножко оскорблена. Затѣмъ, сцена — прямо безумная какая-то страсть этихъ женщинъ. Когда онѣ не поютъ и не спятъ, можно быть увѣреннымъ, что онѣ либо въ театрѣ, либо собираются въ театръ. Актеръ для нихъ полубогъ. Очень часто онѣ сами устраиваютъ любительскіе спектакли, обязательно съ благотворительною цѣлью и по самой высокой расцѣнкѣ мѣстъ въ зрительномъ залѣ. Сборъ всегда обезпеченъ: рѣдкій изъ habitués ресторана не купитъ двухъ-трехъ билетовъ. Какъ курьезъ, спектакли эти небезынтересны. Я видѣлъ въ яровскомъ исполненіи «На порогѣ къ дѣлу», извѣстную пьесу Соловьева, поправленную А. Н. Остров-

скимъ. Когда-то она была въ большой модѣ въ Москвѣ, благодаря вдохновенному исполненію М. Н. Ермоловою симпатичной роли учительницы Лониной. На спектаклѣ любительницъ-хористокъ Лонина мерзла въ потопленной школѣ, сверкая брилліантами въ ушахъ и на пальцахъ, но, право же, хотя она и говорила «хучь» вмѣсто «хоть», и «одначе» вмѣсто «однако», въ игрѣ ея была замѣтна симпатичная искренность, нотка наивнаго восторга и любви къ той, кого она изображаетъ; и всѣ благородныя, свѣтлыя слова говорились съ живою теплотою, какъ не всякая профессіональная артистка ихъ скажетъ... Ахъ надо, много наскучить тьмою и настрадаться въ ней, чтобы, какъ слѣдуетъ, оцѣнить прелесть свѣта и привѣтствовать его съ настоящимъ одушевленіемъ!

Я сказалъ сейчасъ, что въ хорахъ цѣнятся женщины, ловкія разговаривать съ гостями,—то-есть, прежде всего угадать, о чемъ и въ какомъ тонѣ надо вести бесѣду... Приглашенная къ столу кѣмъ бы то ни было, пѣвица, собственно, не имѣетъ права отказаться отъ приглашенія: отказомъ она наноситъ прямой ущербъ буфету, лишая его прироста въ consommation. Часто женщины—въ прямой стачкѣ съ рестораторомъ и, подсѣдая къ столамъ, начинаютъ выклянчивать у посѣтителей совершенно ненужныя кушанья, шампанское, дорого расцѣненныя вина, звать въ кабинетъ слушать хоры или новую солистку и т. д. Въ нижегородскихъ ярморочныхъ ресторанахъ я постоянно наблюдалъ такія сцены. Пѣвица пристаетъ къ купцу:

— Закажите порцію цыпленка и полъ-бутылки лафиту!

— Зачѣмъ? Вѣдь, я заказалъ полный ужинъ и тебѣ, и себѣ?

— А это вы позвольте мнѣ отослать моей подругѣ Манѣ... Она, бѣдная, сегодня больна и не выходитъ въ залъ...

Купецъ заказываетъ. Тѣмъ временемъ, мнимо-больная

подруга Маня преспокойно сидитъ за сосѣднимъ столомъ и обработываетъ своего пригласителя въ томъ же духѣ. Такіе заказы «на отсылъ», разумѣется, ставятся лишь въ счетъ, но ни кухнею, ни погребомъ не исполняются; процентовъ двадцать-пять изъ оплаченнаго гостемъ псевдозаказа получаетъ пѣвица, остальное—чистый доходъ ресторатора. Искушенные опытомъ гости, не желая ни отказать пѣвицѣ, ни дать себя въ обманъ, требуютъ, чтобы имъ показали исполненный заказъ. Мѣра эта, однако, довольно наивная и ни къ чему не ведущая: пѣвицы заказываютъ обыкновенно, такъ называемыя, plats du jour, постоянно имѣющіяся въ кухнѣ, и, слѣдовательно, за рестораторомъ остается полная возможность показать вамъ чужого цыпленка за вашего, тѣмъ болѣе, что пробовать кушанье вы не станете: это считается неприличнымъ, и, если вы отрѣжете отъ огромнаго цыпленка микроскопическую часть крылышка для себя, ваша собесѣдница не преминетъ приказать человѣку:

— Оставьте это здѣсь на столѣ, а для Мани приготовьте другого.

— Зачѣмъ же другого? протестуетъ изумленный гость.—Я, вѣдь, только крылышко...

— Не посылать же женщинѣ надрѣзаннаго цыпленка! Маня объѣдковъ не ѣстъ... Если вамъ жалко, я прикажу записать на свой счетъ.

Гость или конфузится и платитъ, или оскорбляется и начинаетъ ругаться. Но, при первомъ же рѣзкомъ выраженіи, его столъ пустѣетъ: пѣвицы разомъ срываются съ мѣстъ, какъ испуганная стая воробьевъ, и удаляются, съ оскорбленными лицами, съ полными негодованія взглядами. Разыгрывать «невинно-обиженныхъ» онѣ—великія мастерицы: иная сдѣлаетъ такую «пѣмую сцену», что твоя Дузэ! Довольно возмутительна манера нѣкоторыхъ промышленницъ на пользу буфета—притворяться крѣпко пьяными, и—будто не владѣя уже своими движеніями—опрокинуть

на скатерть блюдо съ кушаньемъ, разлить дорогое вино,— такъ что гость волей-неволею долженъ спросить новую порцію, новую бутылку... Есть великія мастерицы спаивать цѣлыя компаніи, дѣлая видъ, будто пьютъ со всѣми наравнѣ: онѣ незамѣтно, среди разговора, выливаютъ свои стаканы подъ столъ или въ кадки съ цвѣтами. Если гость замѣтитъ и разсердится,—слѣдуютъ либо извиненія, что «нечаянно», либо наглый хохотъ:

— Ну, и вылила... а тебѣ жалко?

— Еще бы не жалко: вѣдь, ты рублей двадцать пять расплескала по полу.

— Эка важность! Нешто это деньги? Зато я съ тобою сидѣла цѣлый вечеръ...

Ссориться съ гостями, т. е. возражать имъ, пѣвицамъ строго запрещено: за это можно заплатить большой штрафъ и даже быть удаленною изъ хора. Поэтому на ссору съ посѣтителемъ пѣвица, какъ бы скотски онъ ни велъ себя, рѣшается лишь въ томъ случаѣ, если она увѣрена, что ея отвѣтная брань не только не оскорбитъ ругателя, но даже понравится ему, какъ своеобразная удаль. Какъ ни странно, но есть охотники-спортсмэны и по этой части.

— Гдѣ вы были вчера вечеромъ?—спрашиваю какъ-то разъ знакомаго художника, замѣчая, что у него взоры безсонные, рѣчи несвязныя и ланиты помятыя.

— Въ Эльдорадо... я теперь тамъ постоянно...

— Вотъ! Что же вы дѣлаете?

— Знаете Лину? Шатенка, курносая... Такъ я при ней нашелъ постоянное занятіе: дразню ее, пока не переругаемся. Ну, ужъ, батюшка и ругается же, я вамъ доложу: этакой виртуозности я и не слыхивалъ! Музыка— просто музыка!

Любопытно, что виртуозка по части ругани, способная мгновенно наполнить залъ неистощимымъ потокомъ сквернословія, была дѣвица и очень строгая дѣвица. Вообще въ этомъ темномъ міркѣ встрѣчаются удивительные контрасты.

Подсаживается къ столу женщина: нахальный взглядъ, манеры уличной женщины, распущенная рѣчь, полная цинническихъ прибаутокъ, усыпанная гнуснѣйшими анекдотами...

— Какъ вы держите такую?—дѣлаетъ возмущенный гость замѣчаніе хозяйкѣ хора.—Она компрометтируетъ весь хоръ.

— Кто? Леля? Богъ съ вами: это первая наша скромница...

— Хороша скромница! Вы-бы послушали, что она сейчасъ намъ плела: уши вяли!

— Такъ это она вамъ понравиться хотѣла, вотъ и распустила языкъ.

— Нашла—чѣмъ!

— Да вѣдь—кому что нравится: большая часть гостей только такой разговоръ и любитъ. А я вамъ слово даю: кабы всѣ вели себя такъ честно и скромно, какъ Леля, можно-бы за хоръ Бога благодарить. Она только и знаетъ, что свой домъ, да ресторанъ. Никого не принимаетъ, ни у кого не бываетъ, никакихъ любвей и романовъ... точно монашенка! А вонъ мое несчастіе, мой ядъ-то сидитъ!

Ядомъ и несчастіемъ, къ удивленію гостя, оказывается первая на видъ смиренница хора: «Мадонны ликъ, взоръ херувима», какъ опредѣлялъ Жюдикъ Некрасовъ.

— Что вы, голубушка? Да съ нею даже скучно, съ вашимъ ядомъ: такая она щепетильная. Намедни XX. позволилъ себѣ сказать какую-то самую невинную двусмысленность,—она такъ и зардѣлась.

— То-то и есть, что въ тихомъ омутѣ черти водятся.

Съ посѣтителями, если они уже не «гости», но свои люди, и, слѣдовательно, ихъ «занимать» нечего, пѣвица ведетъ, конечно, и особый, не показной, не ремесленный разговоръ. Между ними есть неглупыя женщины. Читаютъ онѣ, хотя страшныя глупости, но очень много, и потому у большинства есть въ разговорѣ нѣкоторый лоскъ. Я

зналъ двухъ-трехъ, съ которыми можно было говорить о чемъ угодно, кромѣ математики, философіи и тому подобныхъ безднъ премудрости, и говорить очень пріятно; въ излюбленномъ дамскомъ разговорѣ «о чувствахъ», онѣ довольно строго критиковали Бурже и ссылались на, широко пущенныя-было одно время въ русскій оборотъ, брошюрки Мантегаццы... А вотъ афоризмъ, написанный пожилою пѣвицею на портретѣ, подаренномъ подругѣ, когда та, выходя замужъ, оставила хоръ:

«Прощай, Лидія! я очень рада за тебя, но не завидую. Будь счастлива, но, вспоминая меня, не жалѣй, не думай, что я несчастна. Наша сестра-пѣвина—цыганка. Она живетъ между небомъ и землей, между вчерашнимъ и завтрашнимъ днемъ. У нея нѣтъ сегодня, потому что ея день начинается тогда, когда онъ у другихъ людей кончается, и кончается тогда, когда онъ у другихъ людей начинается...»

Уголовные романы «Новостей Дня», «Московскаго Листка», «Русскаго Листка» и прочихъ органовъ малой прессы поглощаются въ Яру, Стрѣльнѣ, за кулисами Омона и Малаго Эрмитажа взасосъ. Легко встрѣтить пѣвицу, не слыхавшую про Тургенева, Гончарова, Писемскаго, но рѣдкая не знаетъ гг. Ракшанина, Пазухина, Апраксина, Хлопова, «Синее Домино» и другихъ постоянныхъ поставщиковъ кровавой, мелодраматической беллетристики на нижніе этажи изданій указаннаго типа. Первые три: Ракшанинъ [1]), Пазухинъ и Апраксинъ пользуются особеннымъ вниманіемъ и прочными симпатіями: вѣроятно, за то, что произведенія ихъ—все-таки не шаблонный фабрикатъ «бульварнаго романа съ приключеніями», а не лишены и нѣкоторой общественной подкладки и попытокъ къ психологическому анализу.

Почти всѣ страстно любятъ стихи. Изъ поэтовъ въ этой

---

[1]) Умеръ въ 1903 г.

средѣ распространены: Апухтинъ, Сурковъ, Надсонъ и Некрасовъ—нервные лирики. Нѣкоторыя женщины, начитавшись поэтовъ, сами начинаютъ понемножку, исподтишка, грѣшить стихами. Когда знаменитый «диктаторъ Москвы», городской голова Н. А. Алексѣевъ, щедро отдавшій долгъ яроманіи, умеръ застрѣленный сумасшедшимъ Адріановымъ, яровскія пѣвицы облеклись въ трауръ, яровская поэтесса сложила въ память убитаго элегію, а яровскій концертмейстеръ Пригожій положилъ эту элегію на музыку. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ подъ руками образчиковъ кафешантанной поэзіи. Стихи, обыкновенно, довольно нескладны и наивны, но между мусоромъ попадаются блестки недурныхъ мыслей, настроеній и чувствъ. Темы, по большей части, мрачно-амурныя: измѣна... несчастная любовь... самоубійство... покушеніе на убійство изъ ревности... Впрочемъ, эти невинныя темы—не единственныя. Среди устной и письменной «поэзіи» Яра, Стрѣльны, Мавританіи etc. очень популярны творенія нѣкой Ю. А.: нѣчто совершенно неприличное. Даже трудно повѣрить, чтобы эти стихи были созданы женскимъ воображеніемъ, написаны женскою рукою. Такой вакханаліи риѳмованнаго безобразія не услышишь ни въ какомъ другомъ мѣстѣ. Ни одна пѣвица, разумѣется, не позволитъ себѣ обмолвиться «Юлькиными риѳмами» въ трезвомъ видѣ и подъ лицемѣрными сводами ресторана. Система Яровъ и К°: разгулъ во всю, но по благородному; одна казовая, завлекательная сторона вакхическихъ забавъ, никакихъ скандаловъ и отталкивающихъ сценъ. Гость засыпаетъ за столомъ,—его вѣжливо выпроваживаютъ вонъ. Пѣвицу напоили до того, что бѣдняжка во всеуслышаніе декламируетъ «Юлькины риѳмы»,—ее сажаютъ на пролетку и отправляютъ съ артельщикомъ домой впредь до вытрезвленія, а назавтра—крупный штрафъ.

Частые штрафы—тяжелое бремя небогатаго бюджета пѣвицъ: штрафы берутся съ нихъ по девизу «всякая вина

виновата»... Пѣвица пріѣхала въ ресторанъ четвертью часа позже обычнаго,—штрафъ, хотя-бы ресторанъ былъ пустъ, какъ Сахара; уѣхала, вмѣсто четырехъ утра, въ три часа пятьдесятъ-пять минутъ—штрафъ; надѣла черное платье, тогда какъ приказано было всѣмъ быть въ желтыхъ,—штрафъ; ушла отъ богатаго гостя къ другому, менѣе выгодному, и не послушалась приказа хозяйки или распорядителя возвратиться,—штрафъ; сѣла въ коляску знакомаго у подъѣзда ресторана,—штрафъ, и т. п. Хозяйки хорошихъ хоровъ, впрочемъ, больше пугаютъ свое женское стадо штрафами, рѣдко приводя въ исполненіе угрозу, или—вычитаютъ штрафы, но къ Новому году, либо въ концѣ сезона возвращаютъ ихъ, вмѣсто наградныхъ денегъ. Но есть негодяйки, превращающія системою штрафовъ жизнь пѣвицы въ рабскую кабалу. Пѣвица—особенно, если она неопытна, что̀ называется «рохля» и не умѣетъ вступиться за себя– у подобной хозяйки живетъ только-что не даромъ, не получая почти ни гроша. Въ такихъ хорахъ,—обыкновенно, мелкихъ, третьеразборныхъ,—естественно,—быстро и сильно развивается тайная проституція.

Между собою пѣвицы уживаются довольно ладно. Какъ во всякой полуобразованной средѣ у нихъ—правда—то-и-дѣло вспыхиваютъ бѣшеныя ссоры изъ-за пустяковъ, но ссоры эти улегаются такъ же быстро, какъ начались,—и, не успѣли подруги всласть переругаться, какъ, глядь, уже помирились и ходятъ по залу подъ-руку, разговаривая самымъ дружелюбнымъ манеромъ, пересмѣиваясь, секретничая. Правду сказать, бѣднымъ созданіямъ нечего дѣлить между собою,—слѣдовательно, не изъ-за чего и крѣпко ссориться. Къ тому же, за слишкомъ бурную—до замѣтности ея гостямъ—ссору тоже штрафуютъ. Тихія, но упорныя ссоры—когда двѣ женщины дуются одна на другую, не разговаривая другъ съ другомъ по цѣлымъ недѣлямъ и даже мѣсяцамъ—вызываются лишь какими-либо изъ ряда

вонъ выходящими непріятностями: если пѣвица наябедничаетъ на подругу хозяйкѣ, подведетъ ее подъ штрафъ, пуститъ про нее скверную сплетню, поссоритъ ее съ другою подругою. Большимъ оскорбленіемъ товарищескихъ отношеній считается отбить у подруги даже невольно, а тѣмъ болѣе умышленно ея любовника, не только денежнаго, но и по сердцу... послѣднее, пожалуй, еще позорнѣе. Охотницы до такого спорта à la Carmen попадаютъ въ не милость не только у обиженныхъ товарокъ, но и у всего хора. Обиженныя же, въ ревности, доходятъ до безумныхъ поступковъ. Тутъ-то и является на сцену излюбленный россійскимъ полусвѣтомъ нашатырь, а бывали случаи, что, прежде чѣмъ отравиться, влюбленная мстительница прыснетъ въ лицо измѣнщику или разлучницѣ карболовою кислотою. Еще стыднѣе, чѣмъ отбить любовника, наушничать ему на его возлюбленную, разсказывать о ея кокетливомъ флёртѣ съ кѣмъ-либо изъ гостей, съ распорядителемъ, солистомъ своего или чужого хора. Такія наушницы во всеобщемъ презрѣніи и часто, объявленныя, въ нѣкоторомъ родѣ, внѣ закона, бываютъ принуждены выйти изъ хора: столько имъ дѣлаютъ маленькихъ, булавочныхъ непріятностей.

Въ хорахъ чрезвычайно развиты «дружбы»—въ родѣ институтскаго обожанія. Знакомый привозитъ коробку конфектъ пѣвицѣ и не застаетъ ея въ ресторанѣ.

— Не передадите-ли вы Анютѣ этотъ свертокъ?—проситъ онъ другую. Та отказывается.

— Отдайте Манѣ. Она съ Анютою другъ и передастъ ей вашъ подарокъ.

— А вы развѣ враги?

— Нѣтъ, конечно,—какъ служимъ въ одномъ хорѣ, то подруги. Но Маня и Анюта—друзья. И если я возьмусь передавать Анютѣ подарки, Маня можетъ на меня обидѣться.

За исключеніемъ коллективныхъ поѣздокъ въ другіе

города, когда хоръ всею стаею поселяется въ одной гостинницѣ, пѣвицы предпочитаютъ квартировать одиночками, не сходясь въ группы по три, по четыре, хотя, при такихъ условіяхъ, можно-бы жить и дешевле. Причина разобщенности — все та-же боязнь быть принятыми за потайныхъ проститутокъ и, по такому подозрѣнію, при первомъ же неосторожномъ мужскомъ визитѣ, попасть подъ полицейскій надзоръ. Этого боятся какъ огня, не только сами пѣвицы, но и хозяйки ихъ: нижегородскій губернаторъ генералъ Барановъ закрывалъ рестораны и высылалъ съ ярмарки хозяекъ хоровъ, гдѣ появлялись уличенныя проститутки. Послѣднія въ своей средѣ — паріи: онѣ марaютъ, и безъ того невысоко стоящую въ общественномъ мнѣніи хоровую корпорацію, и подруги не прощаютъ обидной молвы — изъ-за одной виновной, падающей и на нихъ, не виноватыхъ. Торгующая собою пѣвица терпится хоромъ, если у нея хорошій голосъ, или широкій кругъ знакомства, или она рѣдкая красавица,—какъ необходимость, но у нея нѣтъ ни пріятельницъ, ни защитницъ: ее презираютъ. При первой возможности замѣнить ее другою, хозяйка спѣшитъ сплавить сомнительную женщину съ рукъ. Разумѣется, говоря это, я имѣю въ виду порядочные, крупные хоры, а не сбродъ, развозимый по ярмаркамъ средней руки и темнымъ ресторанчикамъ: такія «канеллы» почти всегда — прикрытые благовидною маскою, кочующіе лупанары... Парами пѣвицы поселяются часто — особенно «друзья». Сожительства эти, впрочемъ, бываютъ довольно кратковременны: два медвѣдя плохо уживаются въ одной берлогѣ. «Если хочешь поссориться съ другомъ, поселись съ нимъ въ одной комнатѣ» — старая аксіома. Кромѣ того, «друзья» никогда не селятся вмѣстѣ, особенно если одна — молодая, а другая въ лѣтахъ, стыдясь со стороны подругъ насмѣшливыхъ подозрѣній въ симпатіяхъ къ пресловутому пороку поэтессы Сафо. Симпатіи эти, поларенныя плевелами россійской цивилизаціи французскими просвѣтительницами,

каскадными пѣвицами и т. д., живутъ во многихъ хорахъ, а въ нѣкоторыхъ представляютъ собою поголовное зло. Это—одна изъ причинъ, почему строгіе блюстители нравственности своихъ женщинъ, цыгане, не любятъ, когда дочери ихъ таборовъ дружатъ съ русскими хористками.

«Фараоново племя»—цыганскіе хоры—обезпечены гораздо лучше и отличаются большею дружностью, сплоченностью, чѣмъ русскіе. Въ нихъ живетъ еще крѣпкая корпоративная стройность—остатокъ таборныхъ преданій.

Современная цыганщина, по характеру и репертуару своему, имѣетъ очень мало общаго съ тою, которою восхищался когда-то самъ Пушкинъ, которую воспѣвалъ Полежаевъ, въ которой Алексѣй Толстой видѣлъ и слышалъ.

Бенгальскія розы,
Свѣтъ южныхъ лучей,
Степные обозы,
Полетъ журавлей,
И грозный звукъ сѣчи,
И шопотъ струи,
И тихія рѣчи,
Маруся твои!

Прежняя цыганка увлекала своихъ поклонниковъ стихійною силою своихъ дико откровенныхъ страстей: грусть,—такъ уже слезы рѣкою! разгулъ,—такъ ужъ на цѣлый городъ! Кто слыхалъ въ хорошемъ хору пресловутое «Крамбамбули»—одинъ изъ послѣднихъ остатковъ цыганской старины—можетъ вообразить себѣ безпутную, но захватывающую поэзію этихъ, далеко оставшихся позади пировъ. Лѣсковъ въ эпопеѣ объ «Очарованномъ странникѣ», Левъ Толстой въ «Двухъ гусарахъ» оставили намъ блестящія описанія, былыхъ въ крѣпостное время, цыганскихъ вечеровъ. Какая-то вакхическая чертовщина! Цыганка пляшетъ,—и подъ ноги ея летятъ тысячи: «Вотъ тебѣ сотенная, другая, третья... двадцать сотенныхъ,—только наступи башмачкомъ»!.. «Самъ о ней думаю: не ты ли, ненаглядная, небо и землю создала? А съ дерзостью кричу ей: ходи веселѣе!»... Цыгане измельчали, какъ измель-

чали ихъ слушатели: и капиталами, и самодурствомъ, и чувствами. Они относятся къ прежнимъ Любашамъ и Ильюшкамъ приблизительно въ той же пропорціи, какъ, напримѣръ, Апухтинъ, слушая воспѣтый имъ «ньюфъ-ньюфъ-ньюфъ, припѣвъ безобразный», относился къ Пушкину, который плакалъ, слушая «Татьяну пьяну», и уважалъ ее настолько, что даже повезъ знакомить съ цыганкою-артисткою свою молодую жену. Я помянулъ Апухтина, потому что этотъ поэтъ, шибко пожившій на своемъ вѣку,— наиболѣе популярный вдохновитель современной цыганской пѣсни. Его вакхическая мелодія:

Сердце-ли рвется,
Ноетъ-ли грудь,
Пей, пока пьется!
Все позабудь!—

почти-что національный гимнъ «фараонова племени». Апухтинская поэзія застряла по серединѣ между лирикою старинпаго романтизма и утонченными, избалованными настроеніями школы Бодлэра и К°.

Все, все,что гибелью грозитъ,
Для сердца смертнаго таитъ
Неизъяснимы наслажденья,—
Безсмертья, можетъ быть, залогъ:
И счастливъ тотъ, кто, средь волненья,
Ихъ обрѣтать и вѣдать могъ.
. . . . . .
. . . . . .
Бокалы пѣнимъ дружно мы
И дѣвы-розы пьемъ дыханье—
Быть можетъ—полное чумы!

Старинный байроническій кодексъ «Пира во время чумы» (особенно послѣдніе три стиха его)—въ красивомъ, но, надо сознаться, довольно жидковатомъ отголоскѣ— сталъ кодексомъ и «апухтинщины», придясь какъ нельзя болѣе по плечу, вылинявшимъ къ концу вѣка до полной безцвѣтности, «героямъ нашего времени»: интереснымъ подсудимымъ, яровскимъ Гамлетикамъ и Офеліямъ, Маргаритамъ Готье и Арманамъ Дювалямъ. Апухтинскіе «Сердце ли рвется», «Горько ты страдаешь», «Пара гнѣ-

дыхъ», «Ночи безумныя»—стали цыганскими коньками, популярными до того, что, за общеизвѣстностью мелодіи и текста, какъ это всегда бываетъ, забылось имя ихъ автора: они какъ-бы сдѣлались народнымъ порожденіемъ и достояніемъ. Многіе ли изъ распѣвающихъ «Черную шаль» и «Подъ вечеръ осени ненастной въ пустынныхъ дѣвицы мѣстахъ» знаютъ, что они поютъ стихи юноши-Пушкина? Каждый мужикъ тянетъ:

Отцовскій домъ покинулъ я.—
Травою заростетъ!
Собачка вѣрная моя
Залаетъ у воротъ...

и не подозрѣваетъ въ простодушіи своемъ, что поетъ переводъ «Farewell» изъ «Чайльдъ-Гарольда» лорда Байрона, о каковомъ лордѣ, равно какъ и что это за штука «лордъ»,—онъ, мужикъ, никогда не слыхалъ ни одного слова, да врядъ-ли скоро и услышитъ. Не слыхалъ народъ и о Шекспирѣ, и о безумной Офеліи, а между тѣмъ усвоилъ и приспособилъ къ своимъ понятіямъ ея пѣсню, и я самъ слышалъ, какъ на подмосковныхъ малинникахъ захожія поденщицы-волоколамки голосили:

Моего-ль вы знали друга?
Онъ былъ бравый молодецъ:
За Бутырскою заставой
Разудалый былъ боецъ...

Когда аѳиняне апплодировали Фокіону, онъ спрашивалъ: «Что это значитъ граждане? Развѣ я сказалъ какую-нибудь пошлость»? Относительно стиховъ и пѣсенъ судить по-Фокіону было бы черезчуръ строго—до несправедливости. Опошлились повсемѣстнымъ повтореніемъ и пушкинскіе, и лермонтовскіе, и некрасовскіе стихи. Но общее Фокіоново правило все-таки не теряетъ своей силы: когда пѣсня входитъ во всеобщее употребленіе и начинаетъ назойливо жужжать на всѣхъ перекресткахъ, авторъ текста и композиторъ музыки могутъ быть увѣренными, что они своимъ двойнымъ вдохновеніемъ создали немалую пошлость. Если бы учредить конкурсъ: кто ухитрится сочи-

нить наивящшую безсмыслицу,—врядъ-ли кто сумѣетъ перещеголять глупостью текстъ «Тигренка», «Конфетки», «Стрѣлка», или прелести—въ родѣ:

Дайте ножикъ, дайте вилку,
Я зарѣжу свою милку!
Ахъ, тошно—невозможно,
Безъ милого жить не можно!

Умеръ, умеръ мой Антошка,
Я поставлю гробъ на ножкахъ,
Ахъ, тошно и т. д.

Обобью я гробъ батистомъ,
А сама уйду къ артистамъ!
Ахъ, тошно и пр.,

Передъ этою чушью пасуетъ даже старинное «въ огородѣ бузина, а въ Кіевѣ дядько; я за то его люблю, что въ середу праздникъ»; тѣмъ не менѣе еще недавно про Антошку и гробъ на ножкахъ съ увлеченіемъ пѣли обѣ столицы, а теперь поетъ провинція. Поэтому, дѣлаясь достояніемъ пѣсенниковъ, авторы скорѣе конфузятся, чѣмъ гордятся чрезмѣрною популярностью своего творчества. Нѣкій молодой поэтъ, страстный поклонникъ Я. П. Полонскаго, разсказывалъ мнѣ о послѣднемъ анекдотъ. Вышли они будто-бы вдвоемъ съ какого-то журъ-фикса. Стоятъ на подъѣздѣ—прощаются. Вдругъ, откуда ни возьмись, пьяненькій мастеровой: глаза какъ у мороженаго судака, въ рукахъ гармоника. Воззрился на господъ и залился:

Въ одной знакомой улицѣ
Я помню старый домъ,
Съ высокой темной лѣстницей,
Съ завѣшаннымъ окномъ...

Полонскій даже задрожалъ; схватилъ спутника за руку и, чуть не плача, заговорилъ:

— Слышите? Слышите? И этакъ-то — каждый день, разъ по десяти... цѣлыя сорокъ лѣтъ!.. И зачѣмъ только я написалъ злополучные стихи? Зачѣмъ?..

Кочевые отголоски и народные перепѣвы, еще живые, какъ разсказываютъ старики, въ хорошихъ таборахъ ше-

стидесятыхъ годовъ, теперь совсѣмъ заглохли, мелодіи ихъ исчезли не только изъ репертуара, но и изъ памяти цыганъ. А, должно быть, мелодіи были чудныя. Въ Москвѣ, въ Грузинахъ, были два грязненькихъ трактирчика,—теперь уничтоженные: «Капковъ» и «Молдавія»—постоянный притонъ цыганъ. Окончивъ свои ресторанные часы, «фараоново племя» ѣхало въ эти кабачки пить утренній чай и дѣлить ночной заработокъ. Въ «Капковомъ» трактирѣ машина играла «Участь»—старинную цыганскую пѣсню: «еще съ тѣхъ временъ, когда не было осѣдлыхъ таборовъ», объяснялъ мнѣ старый цыганъ. Валъ съ «Участью» ставился только разъ въ день, въ семь часовъ утра, открывая «чистый ресторанъ» для публики. Несмотря на ранній часъ, несмотря на грязноватый характеръ трактира, слушать «Участь» всегда набиралось много народу.

— Потому что,—хвастался распорядитель,—пѣсни этой вы нигдѣ не услышите, кромѣ какъ у насъ: всѣ ее позабыли! А по жалостности своей она кого хошь можетъ вогнать въ слезу.

Дѣйствительно, можетъ. Для меня самая лучшая трактирная машина—одиннадцатая казнь египетская. Этотъ инструментъ, вмѣстѣ съ аристономъ, выдумалъ самъ Вельзевулъ въ минуту, когда Гайднъ довелъ его до жесточайшей хандры своими богоугодными ораторіями. И, однако, когда машина впервые грянула для меня «Участь», я просто онѣмѣлъ отъ новизны впечатлѣнія... Въ воздухѣ точно свѣжѣе стало, повѣяло цѣлиной, нераспаханною степниною—такіе это были могучіе, широкіе и тоскливые, мочи нѣтъ, тоскливые звуки! Такъ осиротѣлая чайка звенитъ надъ моремъ усталыми крыльями, и стонетъ, и плачется о птенцахъ своихъ.

Но то былъ уже голосъ изъ-за могилы: такое пѣніе умерло и въ землю зарыто. По крайней мѣрѣ, даже намека на что-либо подобное не слыхано въ таборахъ съ тѣхъ поръ, какъ выбыла изъ ихъ среды и затѣмъ довольно скоро

умерла знаменитая Пиша Викулова. Были «послѣдніе римляне», «послѣдніе греки», «послѣдніе могикане»—Пиша была «послѣднею цыганкою». Я не любитель и не знатокъ цыганскаго пѣнія, но Пишу было трудно слушать безъ волненія. Въ своемъ дикомъ жанрѣ Пиша была такимъ же рѣдкимъ вокальнымъ талантомъ, какъ Зембрихъ, Лукка, Дюранъ—въ жанрѣ оперномъ. Въ ея пѣніи все было необыкновенно—все, начиная съ голоса, терявшагося гдѣ-то на границѣ контральто и баритона. Въ adagio ея пѣсни превращались въ тяжкій стонъ какой-то невѣдомой, но безмѣрно страждущей силы. Казалось, злой духъ, прикованный крѣпкою цѣпью къ степному кургану, выплакиваетъ вѣтру свою муку, ненависть и стыдъ неволи. Когда же пѣсня оживлялась, развиваясь въ удалое allegro, хотѣлось думать:

— А вотъ и сами вѣтры степные—«стрибожьи внуци»—помчались веселымъ полетомъ, сгибая крыльями высокую траву...

Бываютъ недюжинныя фигуры; видѣть ихъ разъ—значитъ запомнить навсегда. Пиша Викулова—эта полубогиня «веселящейся Москвы» конца семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ—стоитъ предо мною, какъ живая. Вотъ она—на концертной эстрадѣ: огромная, смуглая женщина, красивая, упитанная, нарядная... водитъ по публикѣ великолѣпными мрачными глазами, словно іюльская ночь вспыхиваетъ зарницами. Разношерстная толпа толпится у эстрады, точно у подножія кумира...

— Враги твои много сулили...
Хотѣли меня все прельстить.
Но будь ты увѣренъ, мой милый,
Что я не могу измѣнить!—

выводитъ Пиша неестественно глубокія и тяжеловѣсныя, по истинѣ бархатныя ноты. А сама—именно,какъ идолъ индійскій—вся сверкаетъ драгоцѣнностями; у нея даже туфли были отдѣланы чернымъ жемчугомъ. Женщина купалась въ золотѣ, какъ Даная, и умерла безъ гроша за ду-

*

шою. Она видѣла у ногъ своихъ, безъ преувеличенія, весь цвѣтъ русскаго общества: «пословъ, софистовъ, и архонтовъ, и артистовъ». Ее молили не о любви... куда ужъ! но хоть объ одномъ ласковомъ взглядѣ. И стоило ей поднять рѣсницы своихъ глубокихъ очей (такіе глаза иначе, какъ очами, и назвать то грѣхъ!) —къ ногамъ ея лились золотыя и брилліантовыя рѣки. Однажды мнѣ случилось видѣть, какъ Пиша плакала. Слезы градомъ падали на черный бархатъ платья... казалось, что она, какъ принцесса въ старой сказкѣ, и плачетъ то брилліантами. Пиша Викулова дважды наживала своимъ голосомъ (и, нотабене для скептиковъ, только голосомъ; это была честная женщина) крупныя состоянія и дважды разорялась. Она презирала деньги и тратила тысячи, какъ рубли, не щадя своей казны ни на свои удовольствія, ни на чужую нужду...

Во время оно, на цыганкахъ женились князья и графы, изъ-за цыганокъ стрѣлялись ремонтеры. Потомъ, когда вышла изъ моды манера стрѣлять себѣ въ лобъ изъ пистолета по поводу любовныхъ огорченій, гг. Юханцевы и К° растрачивали въ цыганскихъ таборахъ кассы банковъ и, безъ особеннаго въ томъ раскаянія, отправлялись за свои увлеченія въ мѣста не столь и столь отдаленныя: «туда— на дальній сѣверъ»! какъ патетически воскликнулъ нѣкогда червонный валетъ Верещагинъ, держа къ присяжнымъ засѣдателямъ свое послѣднее слово.

Я васъ люблю, и вы повѣрьте,
Когда цыганка говоритъ,
Я буду васъ любить до смерти...

Говорятъ, будто такія страстныя исторіи, дѣйствительно, не рѣдкость въ таборахъ; что, если цыганку попутала нелегкая влюбиться, то и вправду — чуть не до смерти. Замѣчательно, однако, что въ герои цыганскихъ романовъ попадаютъ исключительно очень богатые люди. За послѣднія двадцать лѣтъ можно насчитать нѣсколько милліонеровъ, женившихся на цыганкахъ, но я не припомню ни

одного случая, чтобы цыганка вышла замужъ за бѣднаго человѣка, если онъ тоже не цыганъ. За цыгановъ же онѣ выходятъ лишь тогда, когда начинаютъ входить въ годы и теряютъ надежды сдѣлать болѣе блестящую партію.

Я заступился, нѣсколько страницами выше, за черезчуръ уже черно оклеветанную нравственность пѣвицъ русскихъ хоровъ. За нравственность женщинъ цыганскихъ хоровъ не приходится даже и вступаться: всѣмъ извѣстно, что, пока не разрѣшитъ таборъ, цыганка—недоступная, хотя кокетливая весталка; ее не соблазнитъ Донъ-Жуанъ, не купить Ротшильдъ; противъ обольщенія у нея есть упрямая сила воли и рабская покорность закону табора, а противъ насилія—пожалуй, и ножевая расплата. Всѣ разсказы о цѣломудріи таборныхъ красавицъ ничуть не преувеличены. «Улыбками и глазками, но больше ничего! поетъ цыганскій романсъ. Груня Лѣсковскаго «Очарованнаго странника»—типическое воплощеніе романическихъ отношеній женщины табора къ стороннему человѣку...

— А меня съ красотой продадутъ, продадутъ!—

стонетъ въ пѣснѣ молодая цыганка, но у нея и въ мысляхъ не бывало, въ отчаяніи этомъ, бороться, чтобы не быть проданною, хотя продадутъ ее даже не тѣ, кто имѣетъ на нее родственное право—безсовѣстный отецъ, жадная мать: нѣтъ, продастъ ее общество т. е. таборъ. Силою патріархальной традиціи, дѣвушка, уходящая изъ табора, должна быть выкуплена, и, кто дастъ за нее большую цѣну, т. е. калымъ, тотъ ея и владѣлецъ. Цыганка—собственность не своя, не семьи, но рода: она какъ-бы символическая невѣста всѣхъ мужчинъ табора, и они уступаютъ свое право на нее постороннимъ искателямъ лишь за высокую цѣну, опредѣляемую родовымъ совѣтомъ. Таковы цыгане всюду...

— Но, чтобы получить изъ табора цыганку,—
Извѣстно-ль вамъ?—нужна расплата!
— Что-жъ? Очень радъ: я заплачу!...

переговариваются въ ущельи Сьерра-Морены Хозе и Эска-

мильо. А красавица московскихъ Грузинъ плачетъ, что ее «съ красотой продадутъ, продадутъ»!

Антропологи ѣздятъ изучать историческую эволюцію брака, разыскивая символы архаической поліандріи, племенной семьи, на Цейлонъ, въ центральную Африку, на берегъ Маклая. Зачѣмъ забираться такъ далеко? Лѣтъ сорокъ тому назадъ, поліандрическую племенную семью представлялъ собою, если не de facto то de jure любой цыганскій таборъ—полухристіанскій, полуязыческій, а сейчасъ, не сохранивъ за собою власти уже и юридической, онъ все-же пользуется символическими привиллегіями: привиллегіей согласія выпустить изъ своей среды принадлежащую ему дѣвушку, привиллегіей выкупа. Пушкинскій Алеко, зарѣзавъ молодого цыгана и Земфиру за нарушеніе своихъ супружескихъ правъ, конечно, и не подозрѣвалъ, что, съ цыганской точки зрѣнія, не молодой цыганъ, но онъ, Алеко,—нарушитель брачнаго закона: что, какъ женщина одного табора, Земфира столько же принадлежитъ молодому цыгану, какъ и ему—и не только по праву любви, но и по праву обычая. Другое дѣло Маріула, покинувшая стараго цыгана: это была преступница и на цыганскій взглядъ, такъ какъ сбѣжала къ мужчинѣ въ чужой таборъ изъ своего. Противъ святыни таборныхъ привиллегій пойдетъ лишь развѣ очень обрусѣлая и эмансипированная, городская цыганка. Кочевая же или полуосѣдлая—если влюбится въ человѣка, не угоднаго табору, перенесетъ жестокія страданія неудовлетворенной страсти, ревности отчаянія, она истомится, изсохнетъ, она руки на себя наложитъ, наконецъ, но не отдастся своему любовнику и не уйдетъ съ нимъ отъ своихъ. А если ужъ—разъ изъ сотни случаевъ—выйдетъ такая бѣда, и сбѣжитъ она изъ табора съ воспрещеннымъ ей милымъ дружкомъ—ни долгаго счастья, ни радостнаго житья изъ такихъ союзовъ не получается. Само собою понятно, что уже давнымъ-давно нѣтъ и въ поминѣ тѣхъ знаменитыхъ романическихъ убѣ-

говъ, когда похититель-гусаръ, съ деньщиками, долженъ былъ отстрѣливаться, съ бѣшеной тройки, отъ свирѣпой погони цѣлаго табора; когда бѣглую цыганку надо было держать подъ строгимъ карауломъ, какъ плѣнную царевну, подъ вѣчнымъ страхомъ, что вотъ-вотъ ее выкрадутъ, подстрѣлятъ или прирѣжутъ мстительные родичи. Тѣмъ не менѣе, цыганкѣ-отступницѣ жизнь не въ радость: она чувствуетъ себя какъ бы подъ проклятіемъ родного племени, тоскуетъ, ожесточается, любовь ея понемногу переходитъ въ ненависть, и, если таборъ проститъ и позволитъ, въ одинъ прекрасный день, она—снова въ таборѣ. Связь цыганки съ табором настолько крѣпка, что даже «проданныя», т. е. отпущенныя изъ табора за выкупъ, замужнія женщины сохраняютъ дружескія отношенія съ прежними подругами. Я уже сказалъ, что въ Москвѣ можно указать нѣсколькихъ капиталистовъ, женатыхъ на простыхъ цыганкахъ. Въ древнѣйшемъ княжескомъ русскомъ родѣ Г. женитьба на корифейкахъ цыганскихъ хоровъ—какая-то наслѣдственная манія. Эти цыганки-княгини, цыганки-милліонерши запросто бываютъ въ гостяхъ у табора, и таборъ бываетъ у нихъ, и для табора онѣ не «ихъ сіятельства», но, по старой памяти,—Паши, Нади, Груни...

Въ настоящее время таборы все быстрѣе и быстрѣе разлагаются, безвозвратно теряя свою первобытную цѣльность и оригинальность. Первымъ утраченъ костюмъ, вторымъ—типъ пѣнія, теперь вымираетъ національность. Въ таборахъ появилось много русскихъ по крови—преимущественно женщинъ. Это—результатъ необходимаго вырожденія: цыгане, какъ всякое кочевое племя, подверглись ему съ тѣхъ поръ, какъ законъ вывелъ ихъ изъ-подъ изодранныхъ шатровъ и пришпилилъ прописанными въ участкѣ паспортами къ опредѣленному, осѣдлому мѣстожительству. Цивилизація понемногу съѣла дикую поэзію и экзотическую красоту цыганщины. Измельчала раса, рѣже стали хорошіе голоса,—пришлось пополнять хоры

красивыми и голосистыми пѣвицами «съ воли». Эти послѣднія не сумѣли скопировать ни дикой цыганской граціи, ни природнаго своеобразнаго вокальнаго таланта, какимъ награждено отъ Господа Бога, взамѣнъ всѣхъ остальныхъ благъ, едва-ли не каждое дитя этого загадочнаго племени. Вмѣсто того, пришельцы познакомили цыганщину съ опереточно-кокоточнымъ репертуаромъ и тономъ, господствующими теперь въ таборахъ не меньше, чѣмъ въ русскихъ, нѣмецкихъ, венгерскихъ хорахъ. Таборы, какъ сказалъ бы г. Лейкинъ, «оболванились». Пошли Земфиры на манеръ омоновскихъ француженокъ: съ волосами крашеными въ золотистые цвѣта à la lionne или à la Sarah Bernhardt, и Алеко остриженные бобрикомъ, съ бородками Буланже. Хранителемъ традицій *цыганскаго* пѣнія считается *армянинъ* Давыдовъ, хранительницей — *еврейка*, опереточная артистка Раисова. Да и эти знаютъ и поютъ только новый, пошлый репертуаръ осѣдлой цыганщины. Вѣроятно, цыганскій жанръ окончательно выдохнется и исчезнетъ еще на нашихъ глазахъ. До какой степени ослабѣла ихъ притягательная сила, видно было по отчаянію старшинъ цыганскихъ хоровъ, при появленіи въ Петербургѣ и Москвѣ, дѣйствительно, увлекательныхъ и оригинальныхъ неаполитанскихъ квартетовъ... «Funiculi funicula», «Io parto a Venezia», «Carme» сразу вытѣснили изъ моды и «Перстенекъ», и «Караулъ», и «Трынъ-траву», и прочія пошлости цыганскаго репертуара послѣднихъ лѣтъ.

Жизнь цыганъ въ Москвѣ—жизнь замкнутая. Дѣвушка—подъ строгимъ надзоромъ и въ строгомъ послушаніи у старшихъ. Пожилые цыгане съ большимъ неудовольствіемъ смотрятъ на вторженіе въ таборы иноплеменнаго начала, особенно русскаго,—не по какой-либо національной антипатіи, но по несоотвѣтствію замкнутой цыганской семьи съ нравами и обычаями новыхъ пришлицъ въ нее съ воли. Молодыхъ цыганокъ беретъ зависть на сравнительную свободу русскихъ подругъ, и онѣ понемногу

сами выбиваются изъ повиновенія семейному строю. Много цыганъ женаты на русскихъ: семьи ихъ, конечно, уже совершенно обрусѣли. Дѣти учатся въ гимназіяхъ и, понятно, не стремятся ни въ степь, къ костру конокрадовъ, по примѣру дѣдовъ, ни въ кабинеты Яра и Стрѣльны, ни на концертную эстраду Славянскаго Базара,—по примѣру отцовъ. Родители, сознавая, какъ гибнутъ ихъ старинныя ремесла, сами отстраняютъ отъ нихъ свое молодое поколѣніе. Пиша Викулова, напримѣръ, дала своимъ братьямъ университетское образованіе... Молодое женское поколѣніе, за баснословно рѣдкими исключеніями, совершенно невѣжественно: дикіе, красивые звѣрьки, полные затаенной чувственности. Большинство даже безграмотно. Я не повѣрилъ бы своимъ глазамъ, увидавъ цыганку читающею хотя-бы «Московскій Листокъ». Кромѣ своего богатѣйшаго аппетита, ловкаго природнаго кокетства, да голоса, если имѣется таковой и мало-мальски недурепъ, ихъ ничто не интересуетъ.

Трудно понять, чѣмъ могутъ онѣ увлекать человѣка развитого: между тѣмъ, какъ нарочно, всѣ романы съ цыганскими героинями, какіе я могу припомнить, имѣли своими героями людей очень образованныхъ. Въ восьмидесятыхъ годахъ застрѣлился изъ-за безнадежной любви къ цыганкѣ молодой офицеръ-инженеръ съ блестящею будущностью; эта цыганка—оливковый чертенокъ лицомъ—даже не была красива. Два богатыхъ студента, кончая курсъ, поспорили изъ-за благосклонности какой-то смуглой Ѳени или Кати и разрѣшили споръ дуэлью черезъ платокъ. Оба были тяжело ранены, но дуракамъ счастье: выздоровѣли. Цыганофильство эпидемически свирѣпствовало одно время и въ университетѣ, и въ лицеѣ цесаревича Николая (катковскомъ). Студентъ былъ настолько популярнымъ и частымъ гостемъ таборовъ, что, въ честь его, цыгане даже пѣли невообразимую безсмыслицу—плодъ вдохновенія одного лицеиста:

Передо мною книги Гая,
Раскрытъ четвертый институтъ.
Экзаменъ скоро, дорогая!
Кама чавалъ, кама ми тутъ!
Передо мною чашка чая,
А не шампанскаго бокалъ.
Экзаменъ скоро, дорогая!
Кама ми тутъ, кама чавалъ.

Трудно удержаться отъ смѣха, когда слышишь безграмотную цыганку, въ блаженномъ невѣдѣніи своемъ поющую про книги Гая, съ задорно-лукавою усмѣшкою, точно эти таинственныя книги—по меньшей мѣрѣ, сказки Бокаччіо. И угораздило же лицейскаго поэта навязать бѣднымъ невѣждамъ такую классическую абракадабру! Великимъ римскимъ юристамъ, надо думать, и во снѣ не снилось, что нѣкогда славу ихъ воспоютъ пьяные кабинеты московскихъ шато-кабаковъ.

Цыганки — страшныя попрошайки, способныя клянчить о вещахъ даже совершенно имъ ненужныхъ и безполезныхъ: клянченье изъ любви къ искусству или по наслѣдству отъ матерей, еще просившихъ милостыню по большимъ дорогамъ. При этомъ онѣ безпощадныя піявки... Жадность ихъ—какая-то глупо-безжалостная.

— Паша, какъ вамъ не стыдно приставать къ NN, чтобы онъ поилъ васъ шампанскимъ? Во-первыхъ, вы шампанскаго не пьете: я самъ видѣлъ, какъ вы потихоньку вылили два стакана въ кадку подъ пальму. А затѣмъ,—вѣдь NN не чужой вамъ человѣкъ, вашъ знакомый. Вы знаете, что шампанское ему не по карману, знаете, что ему неловко вамъ отказать, и все-таки пристаете... Нехорошо!

Паша невинно округляетъ изумленные глазки:

— Душенька! Какъ же иначе? Надо же дать ресторану торговать... Ну, если ему, бѣдному, такъ трудно, я его вчера одинъ разъ поцѣловала, а сегодня поцѣлую два...

Золото и драгоцѣнные камни прямо гипнотизируютъ

этихъ «дикарокъ цивилизаціи». Помню: приглашенный на ужинъ въ Стрѣльну, московскимъ тузомъ Х., я, по условію, заѣхалъ за нимъ въ оперетку.

— Сейчасъ, А. В., я буду готовъ,—и ѣдемъ!—извинился онъ, встрѣчая меня.—Только позвольте смѣнить мои бирюльки на обыкновенныя костяшки.

И онъ снялъ и оставилъ на храненіе режиссеру театра свои превосходныя изумрудныя запонки.

— Боитесь потерять?

— Нѣтъ, но когда на мнѣ эти штуки,—хоть не ѣзди въ Стрѣльну. Фараоново племя ходитъ слѣдомъ и смотритъ въ глаза: подари, да подари... И такъ надоѣдаютъ, что одинъ приборъ, въ родѣ этого, я уже раздарилъ,—только бы отстали... А онъ три тысячи стоилъ!

1896.

Катенька.

Звонятъ. Горничная докладываетъ:

— Васъ какая-то спрашиваетъ...

По презрительному выраженію лица и тону голоса, чувствую, что «какая-то»—не изъ важныхъ.

— Просительница на бѣдность?

— А Богъ ее знаетъ! надо полагать...

— Ну, все равно, просите...

«Какая-то» входитъ, и я сразу понимаю и презрительный тонъ, и негодующую мину горничной: предо мною—«безпокойная ласковость взгляда и убогая краска ланитъ»...

— Простите, ради Бога, что я осмѣлилась...—звучитъ робкій голосъ, тихій и глухой—словно изъ-за двухъ стѣнъ.

— Чѣмъ могу служить?

Долгое молчаніе. Потомъ опять—подземельный шопотъ.

— А вы меня не узнали? Я такъ и думала, что не узнаете...

Вглядываюсь: лицо какъ будто знакомое, но — гдѣ видалъ, когда, какъ, зачѣмъ? не могу вспомнить. И не могу опредѣлить, молода ли моя странная гостья, пожилая ли она уже. Ей можно дать и двадцать лѣтъ, и сорокъ...

— Виноватъ, какъ будто встрѣчался, но...

— Я—N... помните? Вы мою мать хорошо знали, бывали у насъ въ Москвѣ...

— Боже мой, неужели? Вы—Катенька N?

— Ну, да, я та самая Катенька N, которой вы конфекты возили и Брэма съ картинками подарили.

Я зналъ мою гостью здоровымъ, балованнымъ ребенкомъ—теперь передо мною стоитъ «какая-то».

— Катенька, сколько же вамъ лѣтъ?

— Двадцать третій... А что? непохоже? Старухой смотрю?

Я смолчалъ. Она горько улыбалась, кусая губы; глаза ея переполнились слезами...

— Разскажите же, какъ вы жили въ это время, что мы не видались?

Она взглянула мнѣ въ лицо,—и мнѣ стало стыдно своего вопроса...

— А. В.! развѣ вы не видите?—сказала она тою глубокою интонаціею трагической правды, которую нельзя поддѣлать.

Да! ужъ лучше было прямо спросить: «какъ дошла ты до жизни такой»?

И я узналъ, какъ «дошла». Увы! это такая простая, обычная исторія, что для пересказа ея не надо даже глаголовъ: можно обойтись одними существительными. Смерть отца. Параличъ матери. Никакихъ средствъ. Изъ приличной квартиры—въ подвалъ. Исключеніе изъ гимназіи, за невзносъ платы. Модная мастерская. Голодъ дома, издѣвательства и каторжный трудъ въ мастерской.

— Ну, а въ эту пору Петрова у нашей хозяйки платье заказала... знаете, хозяйка знаменитаго русскаго хора... небось, сами въ Москвѣ сколько разъ пѣть заставляли! Понравилась я ей... Спрашиваетъ: у васъ голосъ есть?—Нѣту.—Ничего, ты и безъ голоса денегъ стоишь! Ступай ко мнѣ въ хоръ—будешь стоять для декораціи... Двадцать пять рублей дала на всемъ готовомъ.

Дальше—все по шаблону. Дѣвушки споили, развратили—«до того, что стала я изъ всего хора самая отчаянная»!.. Заливать дѣвичью совѣсть виномъ стало потребностью. А организмъ оказался изъ слабенькихъ, натуришка рыхлая,—дѣвушка летѣла внизъ стремглавъ, и въ какіенибудь три года переработалась въ алькоголичку-психопатку, съ буйными порывами. Въ хорѣ стали на нее коситься: скандалистка. Прибила какого-то богатаго биржевика за то, что тотъ швырнулъ ей въ стаканъ съ виномъ обмусленный окурокъ своей сигары, — вовсе выгнали... Другой хоръ похуже, третій, четвертый, Нижегородская ярмарка, захудалый петербургскій шато-кабакъ, купецъ за купцомъ, гость за гостемъ, и—финалъ: страшная болѣзнь, послѣ которой нѣтъ пристанища даже въ хорахъ...

— Видите, видите, и вы отшатнулись! — закричала она, въ истерическихъ слезахъ, когда дошла до этого мѣста своего разсказа. Я покраснѣлъ за свое малодушіе, но она была права. Было время, когда, юношески рисуясь презрѣніемъ жизни, я спокойно сидѣлъ на кровати оспеннаго больного, но тутъ невольно двинулъ стулъ, чтобы положить почтительное разстояніе между собою и моею посѣтительницею... этою Катенькою, которой я когда-то «подарилъ Брэма съ картинами». И—такъ отшатывались отъ нея всѣ, отшатывались и физически, и нравственно. Она осталась одна въ огромномъ городѣ—одинокимъ, нищимъ, больнымъ, голоднымъ животнымъ, на которое всякій дивился: и съ чего ты еще жива? какъ ты не издохнешь? и зачѣмъ не издохнешь? А издыхать, тѣмъ не менѣе, — не

моги! Полтора года назадъ, бросилась въ Фонтанку—и дежурный городовой или дворникъ вытащилъ и награду за то получилъ. Съ тѣхъ поръ, съ простудою, пошло еще хуже...

— Зачѣмъ же ко мнѣ-то вы теперь пришли?

— Видѣла васъ на улицѣ... узнала... вотъ и пришла... пожалѣйте меня!

— Да какъ пожалѣть? Денегъ вамъ дать? Такъ, вѣдь, я не капиталистъ,—много ли я въ средствахъ дать вамъ? Работать вы врядъ ли можете... вонъ у васъ какая одышка!

— Да и кто мнѣ дастъ работу... такой?

— Такъ какъ же?

— Дайте мнѣ денегъ на билетъ третьяго класса—уѣхать на родину, въ Б... Нѣтъ, денегъ не давайте, пропью.. А прикажите меня отправить кому-нибудь, и, когда я сяду въ вагонъ, велите мнѣ, по третьему звонку, десять рублей дать.

— Почему именно десять?

— Развѣ вамъ жаль?

— Не жаль, но почему десять? Не восемь, не пятнадцать, не двадцать пять, а именно десять?

— Потому, что я больше прожить не успѣю... А. В.! развѣ я жить ѣду? Умереть хочу на спокоѣ... Легкихъ-то, вѣдь, нѣту, — ау! кончено!.. Только бы до мѣста добраться... А то здѣсь—въ яму... безъ креста, безъ имени... Батюшка, пожалѣйте! вѣдь, вы меня человѣкомъ помните...

Страшно было слышать истерическіе вопли этой чахоточной груди, надорванной кашлемъ, окровавившимъ какое-то жалкое подобіе платка, которое бѣдная женщина комкала въ рукахъ своихъ... Въ это время зашелъ ко мнѣ пріятель, крупный петербургскій юристъ, человѣкъ богатый и сердобольный. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ сразу предложилъ взять дѣло на себя. Снабженная деньгами, несчастная уѣхала въ Б.—за крестомъ и могилою...

— Спасибо, что дали умереть спокойно!—были послѣднія слова ея, на вокзалѣ.

Сейчасъ я получилъ письмо, съ извѣщеніемъ, что бѣдняга нашла, чего искала... Миръ ея грѣшному праху!

Смотрю я сейчасъ въ темное окно на улицу, сверкающую магазинами, полную спѣшно снующею толпою... женскія фигуры мелькаютъ... все — Катенькины сестры! героини «Моста Вздоховъ», безсмертной поэмы Томаса Гуда: безсмертенъ порокъ, ею проклинаемый; безсмертенъ и протестъ противъ него. Быть можетъ, и этимъ Катенькамъ кто-нибудь возилъ «Брэма съ картинками», и были онѣ такія же пухлыя, румяныя, рѣзвыя, капризныя, какъ и та Катенька, которой лишь милость и великодушіе случайнаго встрѣчнаго позволили умереть близъ роднаго пепелища, а не подъ заборомъ.

«Спасибо, что дали умереть спокойно»... А чтобы жить спокойно? неужели такъ-таки никогда и не удастся столицѣ, огромной и богатой, устроить хоть что-нибудь, дабы глупенькія и нищія Катеньки не впадали въ руки корыстной эксплоатаціи разврата, чтобы красивой, но честной женской нищетѣ, оставался хоть какой-нибудь выходъ житейскій, кромѣ самопродажи, а потомъ—больницы и могилы безъ имени и креста?

1898.

Изъ старыхъ дѣлъ.

Въ Москвѣ, скитаясь ради одного сенсаціоннаго процесса по зданію судебныхъ установленій и постигнутый неудачею, такъ какъ процессъ разбирать рѣшено было при закрытыхъ дверяхъ, я заглянулъ на два, на три дѣла; изъ нихъ одно заинтересовало меня не сутью своею: кража—и весьма сомнительная!—во время пожара, со скучнѣйшими мелочными подробностями,—а бытовою своей стороной, типами обвиняемыхъ, свидѣтелей и свидѣтельницъ, типами, какихъ, при дневномъ свѣтѣ, никогда и нигдѣ не увидишь. Это—ночныя совы, летучія мыши, публика глухой городской ночи. Имъ какъ-то неловко и стыдно днемъ, когда въ глаза имъ глядитъ яркое свѣтлое солнце и спрашиваетъ ихъ своимъ ласковымъ лучемъ: кто вы такіе? Зачѣмъ вы такъ безобразны? Отчего я никогда не вижу ни васъ, ни дѣлъ вашихъ?.. И онѣ прячутся отъ солнца кутаясь въ свои мягкія, выцвѣтшія шали. Сѣрыя линялыя лица, узкія ленточки жирной кожи вмѣсто лбовъ, страшно развитыя челюсти, носы, и плоскіе, и длинные и широкіе вмѣстѣ,—всѣ признаки дегенераціи, такъ что, хоть я и далеко не ломброзистъ, однако, невольно вспомнилъ о типахъ въ «L'homo delinquente».

Это были подонки московскаго порока и низости: проститутки низшаго разряда, ихъ хозяйки, экономки, ихъ

геркулесы-охранители, вольнопрактикующій сыщикъ и т. д. И въ этой средѣ—два, три свертѣвшихся безъ толка, рабочихъ парня, запутанныхъ въ мерзостную клоаку наивной погони за весельемъ.

Типы настолько ужасные—жалкіе и уродливые—что первое чувство, какое вызываетъ зрѣлище ихъ порока: да неужели же порокъ даже въ такой безобразной, грязной, зловонной формѣ можетъ тянуть къ себѣ человѣческую натуру, возбуждать въ ней страсти, толкать ее на преступленія? Когда бѣсъ является обольстителемъ, увлеченіе имъ понятно. Кто Богу не грѣшенъ! И праведникъ по семи разъ на день падаетъ. Но, когда бѣсъ приходитъ къ человѣку во всеоружіи всего, чѣмъ только можетъ онъ отвратить отъ себя человѣческую брезгливость, — какъ тогда объяснить его обаяніе?

Судилась портниха (работавшая на домъ терпимости) по обвиненію въ кражѣ во время пожара у своей хозяйки, и ея любовникъ портной. Ихъ допросъ и допросъ свидѣтелей — былъ цѣлымъ рядомъ бытовыхъ сценокъ, яркими вспышками освѣщавшихъ темные и мутные нравы московскихъ трущобъ.

— Свидѣтельница—спрашиваетъ экономку предсѣдатель,—на какомъ счету была у васъ обвиняемая?

— Ничего, только пила очень...

— Да вѣдь, я думаю, у васъ всѣ пьютъ?

— Дѣвицы, извѣстно, всѣ пьютъ, имъ такъ и полагается, а она человѣкъ рабочій.

— А рабочему человѣку, значитъ, пить не полагается?

— Извѣстно, нѣтъ. Какой ужъ онъ рабочій, ежели пьетъ? Пей, пожалуй, только по малости.

Этотъ рабочій человѣкъ сидѣлъ по четырнадцати часовъ въ сутки надъ шитьемъ, не разгибая спины, въ вертепѣ, гдѣ населеніе мертвецки пьяно и гости мертвецки пьяны. Слѣва пьяный хохотъ, справа пьяная пѣсня, наверху пьяная пляска, внизу пьяные поцѣлуи. И среди этого вин-

наго разгула сидитъ и работаетъ единственное трезвое существо и недоумѣваетъ: въ аду я или на землѣ? за что мнѣ это? и какъ же жить-то, когда кромѣ хмѣля кругомъ ничего не видишь и не слышишь? Если такъ нельзя, зачѣмъ же все такъ дѣлается и зачѣмъ же такое терпѣть надо? Если такъ надо, то почему же мнѣ иная трудовая доля, чѣмъ другимъ? Этакъ сидя, недолго досидѣться и до того, что — либо въ прорубь полѣзешь, либо живя съ волками, сама по-волчьи завоешь. И въ одинъ прекрасный день завываетъ. Пьянымъ-пьяна, — туманъ въ головѣ и предъ глазами, горе завито веревочкой, работа къ чорту: чѣмъ, молъ, я и лучше, и хуже другихъ? Пей, пока пьется,—душа мѣру знаетъ. Любимымъ мѣстопребываніемъ бѣдняги, вмѣсто поганой развратной тырьмы, становится такой же поганый и развратный, но, по крайнѣй мѣрѣ, свободный трактиръ, гдѣ она не раба, а гостья и хозяйка. Чего хочетъ, того проситъ. И на каналью-полового, за свои деньги, можетъ заорать не тише, чѣмъ оретъ на нее «тетенька» за лѣнь, либо неисправность.

— Лѣнтяйка? неряха я? На зло же тебѣ, аспидкѣ, завтра работать не стану... Давай водки, ребята! угощаю!

Ребята—«золотая рота»,—пьютъ и подхваливаютъ и угощенье, и угостительницу. Полиція гонитъ изъ трактира,—пьянство продолжается на улицѣ, съ тумбою вмѣсто стола, пока компанія не расходится... нѣтъ, расползается либо по домамъ, либо въ участокъ.

Такъ «свертываются» люди!..

Великолѣпенъ былъ свидѣтель – дворникъ и сыщикъ, преисполненный профессіональнаго торжества: какъ онъ заподозрилъ обвиняемую и ея любовника, какъ слѣдилъ и выслѣдилъ, какъ ловилъ и поймалъ. Ядъ, а не водку въ чаркѣ подносилъ и, цѣлуясь, обманывалъ. И въ то же время—непочатый уголъ благочестія

— Напоилъ, говоритъ, я дѣвицу, какъ стельку, и, какъ скоро она захмѣлѣла, сталъ ее склонять на знаком-

ство, на содержаніе, стало быть, звалъ. И чрезъ то все отъ нея доподлинно узналъ. Она же, захмѣлѣвъ, принялась звать меня сейчасъ же къ себѣ, но—какъ дѣло было подъ большой праздникъ—я пойти не могъ...

Помните анекдотъ о неаполитанскомъ bravo? Подходитъ онъ къ англичанину и говоритъ ему:

— Милордъ! меня наняли, чтобы васъ немедленно зарѣзать. Но, такъ какъ сегодня суббота, а подъ воскресенье я далъ обѣтъ никого не убивать, то—умоляю васъ! —не вводите меня въ грѣхъ, зарѣжьтесь сами!

Развѣ это—не та же самая логика?.. Удивительная наивная способность — какъ указалъ Щедринъ—«одною рукою неистовствовать, а другою крестное знаменіе на перси возлагать».

Развратъ и водка коверкаютъ людей скоро. Но въ скоро исковерканныхъ лицахъ остаются еще слѣды недавно оживлявшей ихъ Божьей искры: нѣтъ-нѣтъ—да, словно, хоть по скверному мѣсту, а все-таки солнечный лучъ скользнетъ. Тутъ — ничего. Сало, тупость, идіотскій взглядъ, идіотская рѣчь. Жирная, обрюзгшая, болѣзненно-желтая баба стоитъ передъ судомъ и тупо бормочетъ какія-то безобразно-наивныя слова:

— Пожаръ... разорили, погубили... Недѣлю не работали... *Товаръ* безъ толку пропалъ... *Семью* распускать пришлось...

— Какое странное *разложеніе семьи!*—не утерпѣлъ, чтобы, не сострить потомъ, въ резюме, предсѣдатель Е. Р. Ринкъ.

И все въ этой ужасной машинѣ гнилья и разврата заведено прочно, въ строгой, традиціонной послѣдовательности и рутинѣ: весь ея безпощадный, неутомимый ходъ кажется чѣмъ-то совершенно логическимъ и необходимымъ и для тѣхъ, кто ѣстъ, и для тѣхъ, кого ѣдятъ. Овцы вполнѣ солидарны съ волками, которые ими сыты. Онѣ соболѣзнуютъ о потеряхъ и безработицѣ «тетеньки», и, въ

самомъ дѣлѣ, отъ души, а не притворно соболѣзнуютъ. И отъ души загинаютъ проклятія и крѣпкія пожеланія ея предполагаемымъ врагамъ и супостатамъ, выбившимъ жизнь вертепа изъ его обычной колеи. Очевидно, довольны собою, своимъ кормомъ, пьянствомъ, платьемъ и спальнею, и, внѣ этихъ гранокъ, ничего не видятъ, не слышатъ, да ничего и видѣть, и слышать-то не хотятъ.

Нѣтъ, такія формы отупѣнія скоро не пріобрѣтаются. Тутъ либо съ дѣтства надо въ грязь по уши окунуться и носомъ, и ртомъ ее каждый мигъ жизни своей обонять и глотать, пока привычка не станетъ второю натурой; или быть рожденнымъ для грязи, быть, подобно слѣпорожденному физически, слѣпорожденнымъ нравственно и, подобно слѣпорожденному же, отвѣчать, можетъ быть, не столько за свои пороки, сколько за грѣхи отцовъ своихъ. Я плохо вѣрю въ порочную наслѣдственность, не покоряющуюся воспитательному давленію, зато какъ нельзя болѣе вѣрю въ то, что, при отсутствіи такого давленія, въ человѣкѣ, и безъ порочной наслѣдственности, «наслѣдственность» проявится.

Мнѣ была доставлена однимъ изъ московскихъ психіатровъ весьма любопытная рукопись, полученная имъ когда-то отъ анонима, однако, имъ впослѣдствіи разгаданнаго и, при личномъ объясненіи, по первому же намеку психіатра, подтвержденнаго. Это—вопль отчаянія нравственно извращеннаго человѣка, который дошелъ до того, что самъ себя испугался; нѣчто въ родѣ извѣстныхъ признаній, какія получилъ нѣкогда отъ анонима же знаменитый Касперъ. Человѣкъ распустился до того, что буквально повторялъ, повторяетъ и не увѣренъ въ себѣ, что не будетъ повторять въ миніатюрѣ всѣ выходки распутнаго цезаризма, жилъ маленькимъ Геліогабаломъ, и, на бѣду еще, онъ достаточно богатъ, чтобы исполнить любую изъ своихъ фантазій, даромъ что предъ нѣкоторыми изъ нихъ его—судя по запискамъ, человѣка и умнаго, и высоко-

образованнаго,—самого беретъ оторопь. Чувствуетъ, что гибнетъ, а остановиться гибнуть не можетъ. Это ужасно, но съ этимъ ужасомъ онъ уже примирился и, погибая, проситъ врача лишь объяснить ему, откуда же собственно его погибель, откуда въ немъ эти дикія наклонности съ этой утонченностью въ изобрѣтеніи средствъ къ ихъ осуществленію? Дѣла мои возмутительны,—свидѣтельствуетъ онъ въ запискахъ своихъ,—но, клянусь вамъ, докторъ, мысли мои много хуже ихъ, и, убѣгая отъ мыслей то своихъ, я и иду къ вамъ за ихъ загадкою. Психіатръ изслѣдовалъ наслѣдственность несчастнаго за цѣлыя сто лѣтъ: нравственная, чистая семья, удивлявшая своимъ цѣломудріемъ, трезвостью, порядочностью и гуманностью даже во времена крѣпостническаго мрака, такъ покровительствовавшаго всякой физической и нравственной распущенности. Нѣтъ,—природа иной разъ шутки шутитъ и на здоровомъ тѣлѣ ни съ того, ни съ сего скверные прыщи выращиваетъ! И напрасно тутъ искать какую-нибудь «наслѣдственность»...

Это—въ обстановкѣ обезпеченности и комфорта. А какъ пополняется среда, обнаженная предъ нами вышеописаннымъ дѣломъ? На дняхъ разбиралась хорошая иллюстрація къ этому вопросу. Супруги-бѣдняки обвинялись въ истязаніи дочери... девятнадцатилѣтней дѣвушки! Возрастъ, когда можно терпѣть колотушки, но на серьезные побои истязатель и самъ легко можетъ сдачи получить. Судъ оправдалъ обвиняемыхъ, но, правду сказать,—кто въ дѣлѣ былъ правъ, кто виноватъ,—осталось нерѣшеннымъ.

— Истязали?

— Истязали, такъ точно, что истязали, но съ добрымъ намѣреніемъ: хотѣли отучить ее, шельму, таскаться по бульварамъ.

— Вы таскались по бульварамъ?

— Такъ точно. Но что же мнѣ оставалось дѣлать? Ночевать-то гдѣ нибудь надо же. Когда тепло бывало, я такъ,

бывало, и бродила по цѣлымъ ночамъ; на скамейкахъ, сидючи, спала. А зимою, извѣстно, одна надежда,—на кавалеровъ.

— А зачѣмъ же вы уходили изъ дома?

— Сперва затѣмъ, что дома жрать нечего было. А потомъ: какъ ни вернешься,—бьютъ. Ты развратная! Ты тварь! Не кормятъ,—а ругаютъ. Сидишь дома,—бьютъ. Уйдешь,—бьютъ. Домъ-то постылѣе ада сталъ! Лучше — куда хочешь, только бы не домой...

Вотъ и извольте распутываться въ этомъ circulus vitiosus'ѣ, гдѣ розы добродѣтели такъ прочно переплетены нуждою съ терніями порока, что предъ загадкою, гдѣ кончаются первыя и начинаются вторыя, долженъ пасовать самъ премудрый Соломонъ. Порокъ отвратителенъ, но его голодный желудокъ и исполосованныя плетью, испятнанныя синяками, плечи возбуждаютъ невольное состраданіе. Добродѣтель похвальна, но ея мѣстожительство на концѣ ремня или въ сжатомъ кулакѣ освирѣпѣвшаго, хотя и честнаго, человѣка вызываетъ испугъ, а не симпатію. И, въ концѣ концовъ,—«ни туды, Микита, ни сюды, Микита»—какъ говоритъ старая хохлацкая пословица.

1896.

Сочиненія, которыми провѣрена „Марья Лусьева“ въ бытовой части, къ отдѣльному изданію.

Елистратовъ, А. О прикрѣпленіи женщины къ проституціи. (Врачебно-полицейскій надзоръ). Казань. 1903. Тутъ же превосходный указатель иностранной литературы по вопросу.

Маргуліесъ, М. С. Регламентація и свободная проституція. Спб. 1903.

Мартино. Тайная проституція. 2-е русское изданіе Спб. 1887.

Ахшарумовъ, Д. Д. Проституція и ея регламентація. Рига. 1899.

Покровская, М. И. Врачебно-полицейскій надзоръ за проституціей способствуетъ вырожденію народа. Спб. 1902.

Обозненко, П. Е. Поднадзорная проституція С.-Петербурга по даннымъ Врачебно-Полицейскаго Комитета и Калинкинской больницы. Спб. 1896.

Грязновъ, К. Ѳ. Публичныя женщины. М. 1901. (Рыночная компиляція!).

Федоровъ, А. И. Позорный промыселъ. Спб. 1900.

Кузнецовъ, Михаилъ. Проституція и сифилисъ въ Россіи. Спб. 1871.

Гиршъ. Преступленія и проституція, какъ соціальныя болѣзни. Спб. 1898.

Золотаревъ. Личная и общественная борьба съ развратомъ. М. 1900.

Максъ Груберъ. Проституція съ точки зрѣнія соціальной гигіены. Одесса 1902.

Дальтонъ. Соціальный недугъ. Къ вопросу о проституціи и о пріютахъ св. Магдалины. Спб. 1884.

Корнигъ, Т. Г. Гигіена цѣломудрія. (Пер. Н. Лейненберга). Одесса. 1890.

Ломброзо и Ферреро. Женщина преступница и проститутка. Пер. Гордона. 2-е изд. Кіевъ. 1902.

Отто Генне-амъ-Ринъ. Недостатки современнаго полицейскаго надзора за общественною нравственностью. Пер. Гордона. Спб. 1900.

Продажа дѣвушекъ въ дома разврата и мѣры къ ея прекращенію. М. 1897. (Изд. Живарева. Рыночная компиляція). Живарева.

Parent Duchatelet. A. J. B. De la prostution dans la ville de Paris. 3-me Ed. par A. Trebuchet Poirat Duval. Paris. 1857.

В. В. Авчинникова. Взглядъ профессора Тарновскаго на проституцію (1904 г).

Frégier. Des classes dangeureuses de la population dans les grandes villes et des moyens de les rendre meilleures. Paris. 1840.

Prof. B. Ball. Эротическое помѣшательство. Лекціи, записанныя dr. Lefevr'омъ. Переводъ А. А. Яковлева. Харьковъ 1887.

L. Martineau. Lecons sur les déformations vulvires etc. 1884.

Крафтъ Эбингъ. Судебная психопаталогія. Переводъ А. Черемшанскаго 1897.

Antonino Cutrera. La Mala Vita di Palermo. 2-a Edizione. Palermo. 1900.

Распредѣленіе справокъ.

Страницы.

18. Обстановка Рюлиной. *Кузнецовъ*. 34. О ложныхъ именахъ, принимаемыхъ проститутками. Parent Duchatelet. 129—135.
22. Веселый типъ проститутки. *Ломброзо*. 448.
30. Типъ завлекателя-«пробочника». *Живаревъ*. 21. *Генне-Амъ-Ринъ*.
31. Затягиванье въ долги. *Корнигъ*. 29. *Cutrera*. 37—39. (типъ l'esattora).
34. Опаиванье. *Генне-Амъ-Ринъ*. 117.
41. Затягиванье въ вѣчный праздникъ. *Корнигъ*. 35.

42—45. Шикъ распущенностью. *Кузнецовъ*. 26.

51. Искусственная фабрикація долговъ. *Елистратовъ*. 18. *Кузнецовъ*. 186. *Cutrera*. 37—39.
62. «Финансистъ»: см. мою «*Житейскую накипь*».

71—74. *Генне-Амъ-Ринъ*. 117.

76. Стыдливость предъ порядочными женщинами. *Ломброзо*. 450—451. *Parent Duchatelet*. I. 111—112. *Дальтонъ*. 53. *Мартино*. 66, 67.

77—78. Розя Пантормова: петербургскій фактъ.

81. Физически оставалась дѣвушкой. *Кузнецовъ*. 19. Martineau.
84. Soupeuse и живыя картины. *Ломброзо*. 419. *Parent Duchatelet*. 118—121. *Корнигъ*. 35.
86. Балетный первый рядъ. *Генне-Амъ-Ринъ*. 132.
86. Полицейская безопасность Рюлиной: *Елистратовъ*. 28. 29. 290. *Дальтонъ*. 75.
87. Квартиры на чужое имя. *Parent Duchatelet*. 474. 475.
87. Дороговизна квартиръ. *Кузнецовъ*. 34.
88. Торговля женщинами изъ общества. *Мартино*. 66. 67. *Кузнецовъ*. 89

Страницы.

89. Никакихъ дурацкихъ альбомовъ и пр. *Мартино*. 142. *Кузнецовъ*. 37.
90. Агентура Рюлиной: *Кузнецовъ*. 35. *Генне-Амъ-Ринъ*. 116 117. *Parent Duchatelet*. 474, 475. *Дальтонъ*. 76—80. *Cutrera*. 40.
90. Ловля женщинъ въ крайности. *Генне-Амъ-Ринъ*. 77. *Живаревъ*. 7.
91. Факторши-акушерки: *Parent Duchatelet*. 473.
91. Аристократическая факторша-филантропка. *Parent Duchatelet*. 474. Ловля женщинъ по больницамъ. *Живаревъ*. 7.
95. Матеріальное довольство: *Кузнецовъ*. 32.
95—96. Стѣсненія свободы: *Елистратовъ*. 265. *Живаревъ*. 16, 17. S'encanailler etc. *Кузнецовъ*. 10.
97. Перепродажа дѣвушекъ. *Кузнецовъ*. 96, 122, 186, 247.
99. Тиранство. *Елистратовъ*. 265. *Живаревъ*. 17, 18.
102. Поощреніе къ разврату обѣщаніемъ свободы за хорошую «работу». *Живаревъ*. 26.
103. Доносы промышленницъ другъ на друга. *Parent Duchatelet*. 478, 479.
103. Здоровье и сила Адели. *Ломброзо*. 296—299. *Parent Duchatelet*. 582.
104. Безлюбовность Адели (femme de marbre). *Ломброзо*. 314—420.
105. Ея безразличіе къ роднѣ. *Ломброзо*. 409.
106. Разница въ наживѣ промышленницъ. *Кузнецовъ*.
110. Проигрыши Рюлиной. *Ломброзо*.
112. Замкнутость Буластовой. *Кузнецовъ*. 32.
113. Другой «корпусъ» и т. д. О соединеніи нѣсколькихъ притоновъ въ однѣхъ рукахъ, съ приказчицами на отчетѣ. *Кузнецовъ*. 32. *Генне-Амъ-Ринъ* (случай Маріи Джефферн). 114. passim.
115. Затворничество. *Генне-Амъ-Ринъ*. 108, 109.
115. Хорошій кормъ: *Кузнецовъ*. 31.
116. Эпизодъ Олимпіады ср. *Кузнецовъ*. 37.
118. Антонина, успѣхъ цинизма ср. *Кузнецовъ*. 26—27. Ср. ниже въ „*Птичкахъ Пѣвчихъ*“.
118. Зложелательство проститутокъ: *Ломброзо*. 412. (Carlier).
121. Врачъ-спеціалистъ въ тайномъ притонѣ: *Мартино*. 142.
121. Рѣдкая беременность: *Тарновская* опредѣляетъ плодовитость русской проститутки въ 34%. *Ломброзо*. 294.
122. Княжна. Успѣхъ некрасивыхъ проститутокъ: ср. *Шашковъ*. 663. *Ломброзо*. 318.
123. Лѣность проститутокъ: *Елистратовъ* 16. Принципіальное презрѣніе къ ручному труду. *Ломброзо*. 433. *Cutrera*. 25. Неопрятность: *Parent Duchatelet*. 135—137.

Страницы.

123. Маша и Ѳедосья Гавриловна. *Ломброзо*. 319—325. *Parent Duchatelet*. 161. 163. Martineau. *Cutrera*. 30—33.

125. Хозяйкинъ гнѣвъ разобьетъ. *Кузнецовъ*. 25.

127. Съ множествомъ образовъ etc. *Ломброзо*. 427, 428. *Кузнецовъ*. 24.

129. Вина спрашивай походя. *Елистратовъ*. 22.

131. Типъ «жильца» сутенера: *Ломброзо*. 429—430. *Parent Duchatelet, Fregier*. Les classes dangeureses. (*Cutrera*. і ricottari). Спеціально русскій типъ см. въ любопытной статьѣ о петербургскихъ хулиганахъ въ *Всемірномъ Вѣстникѣ*. 1903 г.

133. «Три рубля»... Взято изъ подлиннаго судебнаго дѣла. См. примѣчаніе къ стр. 185.

133. Сожгла бы на свѣчкѣ... *Ломброзо*. 436.

134. Заливанье виномъ переутомленія и пр. *Ломброзо*. 446, 451, 452. *Елистратовъ*. 22.

135. Битье мокрымъ полотенцемъ. *Грязновъ*. 126.

138. Покровительство Ѳ. Г. *Ломброзо*. 322. *Кузнецовъ*. 25. *Cutrera*. 36.

139. Голосъ проститутокъ. *Ломброзо*. 264, 297. *Parent Duchatelet*.

140. Неспособность на возвращеніе къ честному труду. *Покровская*. 32, 33. *Ломброзо*. 445, 446. *Cutrera*. 25—27.

141. Ограниченность и привычка къ рабству иныхъ случайныхъ проститутокъ. *Ломброзо*. 423, 424.

141. Побои. *Грязновъ*. 126. *Живаревъ*. 18.

142. О долгахъ проститутокъ. *Елистратовъ*. 18. *Золотаревъ*. 66—68. *Живаревъ*. 22.

143. «Понтъ» (гость, баринъ), «накатить»—argot петербургскихъ хулигановъ (*Всемірный Вѣстникъ*, 1903 г.). 143. Полицейскій визитъ—ср. ниже пр. на стр. 182.

144. Катерина Харитоновна: *Ломброзо*. 415—417. (*Тарновская*).

147. «Княжна» о бракѣ: *Ломброзо*. 455, 456. *Cutrera*. 24.

154. Ожирѣніе и пр. *Ломброзо*. 280, 281. *Parent Duchatelet*.

155. Люція: *Ломброзо*. 417. *Кузнецовъ* 21—23.

155. Разъѣзды Марьи Лусьевой. *Кузнецовъ*. 27.

157—158. Ibidem.

159. Безсиліе противодѣйствія ср. примѣчаніе къ 141.

161. Обыски. *Parent Duchatelet*.

167. Въ сумасшедшій домъ и пр. Смотр. Послѣсловіе.

182. «Что я за вчинатель такой?» Русская полиція, крайне суровая къ низшимъ классамъ проституціи, какъ тайной, такъ и явной, столь же неохотно вмѣшивается въ бытъ проституціи высшаго разряда, съ ея спотыкливыми и двусмысленъ-

Страницы.

ными уликами тайнаго промысла. Играютъ здѣсь извѣстную роль взятки (дѣла полиціймейстеровъ: кронштадтскаго Шафрова и николаевскаго Г.), но еще болѣе осторожность столкнуться съ «звѣремъ не подъ силу», съ которою совершенно не считались разные Andrieux и имъ подобные парижскіе герои. У насъ не любятъ «влетать въ исторію». *Елистратовъ*. 17—56, 290, 291. Въ городахъ, гдѣ надсмотръ за женщинами ускользаетъ изъ рукъ полиціи (Москва), послѣдняя обиженно начинаетъ не обращать вниманія на тайную проституцію вовсе. *Тамъ же*. Идеалъ полицейской регламентаціи—или все, или ничего. Проектъ московскаго оберъ-полиціймейстера отъ 1890 года требуетъ предоставленія полиціи власти вносить женщину въ проституціонные списки «помимо воли причисляемой», со штрафами до 300 р. и арестами до 2 мѣсяцевъ. Еще притязательнѣе были проекты генералъ-адъютанта Трепова (петербургскаго градоначальника) отъ 1869 года, чиновника особыхъ порученій при варшавскомъ оберъ-полиціймейстерѣ г. Тимофеева и т. п. *Елистратовъ*. 363—365.

182. Paranoïa etc.—см. *Крафтъ Эбингъ*. Судебная психопатологія. Пер. Черемшанскаго. Ср. Ball. 16.

185. Сто рублей штрафу. Цифра взята изъ возмутительнаго дѣла нѣкой сводни «Евгеніи Алексѣевны» въ Москвѣ. Разбиралось мировымъ съѣздомъ лѣтомъ 1903 г. Отчетъ, очень хорошо подчеркнутый, въ «*Русскомъ Словѣ*». Ср. примѣчаніе на стр. 188. Первоначально дѣло разбиралось извѣстнымъ московскимъ мировымъ судьею Э. Э. Маттернъ.

187. «Просто психологическій этюдъ»... Уже кончая корректуру «Марьи Лусьевой» для отдѣльнаго изданія, я получилъ повѣсть такого рода—и очень интересную—отъ Н. И. Познякова. Называется: «Дневникъ Магдалинки» (Синяя Тетрадь).

187. О заявленіяхъ и т. д. ср. *Елпатьевскаго*. На переписи (2-й томъ «Разсказовъ». 184). *Кузнецовъ*. 17. Ср. Ball. 16.

188. «Генеральша». Притоны ея, нынѣ исчезнувшіе, помѣщались на Никитскомъ и Рождественскомъ бульварахъ. Фирма передавалась въ трехъ поколѣніяхъ, при чемъ утверждали, что съ первой «генеральши» покойный *Всеволодъ Крестовскій* написалъ свою фонъ-Липпе въ «Петербургскихъ Трущобахъ». *Кузнецовъ*. 246. Заграничные примѣры (процессы Леруа, Рисбахскій, Ростертъ и др.) см. у *Генне-Амъ-Рина*.

189. Аристократическая проституція. Ср. *Мартино*. 66, 67. Онъ даетъ подобнымъ дамамъ кличку «Lionnes Pauvres» по извѣстной пьесѣ Эмиля Ожье. *Дальтонъ*. 53.

Страницы.

189. Сутенерскій шантажъ—*Ломброзо и Ферреро*, *Parent Duchatelet*, *Мартино*, 81—88, Frégier, *Дриль*. Малолѣтніе преступники и т. д. *Cutrera* въ «La Mala vita» и «La Mafia».

190. При переводѣ въ другой городъ, я потерялъ этотъ фельетонъ Жителя. Но статья вошла въ его сборникъ «Наши Дамы».

193. О безсиліи надзора за «аристократіей проституціи». *Елистратовъ*. 28, 29.

194. О «пискаряхъ». Закабаленіе развратомъ, легче побѣждая организмы слабые и неприспособленные къ самостоятельной борьбѣ за жизнь, характеризуетъ этотъ законъ своей любопытною процентною разницею: между проститутками-одиночками, которыхъ жизнь требуетъ большей энергіи промысла, всего 13,5% женщинъ изъ семей богатыхъ и достаточныхъ, а въ домахъ терпимости такихъ женщинъ уже 20,4% (Петербургъ). Для петербургской губерніи то же соотношеніе выражается въ 8,4% : 15,1%. *Елистратовъ*. 16.

196. «Учится или служитъ»... Ср. *Елистратова* 11 (свидѣтельство *dr. Штюрмера* «о дѣвушкахъ, проституирующихъ ради полученія матеріальной возможности окончить образованіе»). Также—въ «*Послѣсловіи*» моей «*Викторіи Павловны*».

197. О женихахъ и т. д. См. *Генне-Амъ-Ринъ*: глава шестая.

198. Доходность женскаго труда. Ср. ниже—стр. 210.

200. О школѣ Ломброзо см. ниже 211, 212.

203. О здоровьи русскихъ проститутокъ см. *Кузнецовъ*. 23.

203. О тайныхъ проституткахъ «на днѣ».—*Обозненко*. 32—37. *Мартино*.

205. Петербургскія цифры *Обозненко* по Врачебно-Полицейскому комитету и Калинкинской больницѣ даютъ проститутокъ (явныхъ) средняго образованія—32 (0,8%), прежней интеллигентной профессіи—85 (2,4%), полуинтеллигентной (продавщицы, буфетчицы, кассирши, торговки, сидѣлки и сестры милосердія)—66 (2,3%), принадлежащихъ къ интеллигентнымъ классамъ общества—153 (3,2%), при чемъ въ послѣдней категоріи наибольшее число чиновницъ (61—1,2%), а затѣмъ—дворянокъ (46—0,8%). *Золотаревъ*. 61.

205. Прирабатывающія актрисы. *Гиршъ*. 70, 71. «Только четвертая часть актрисъ (въ Германіи) можетъ на свое жалованье удовлетворять требованіямъ, предъявляемымъ дирекціей къ ихъ костюмамъ; о шансонеточныхъ пѣвицахъ въ разныхъ увеселительныхъ заведеніяхъ нечего и говорить». Ср. *Елистратовъ*. 28, 29. Мои *Птички Пѣвчія* и *Женское Нестроеніе*.

Страница.

Между явными проститутками изъ интеллигенціи *Обозненко* насчитываетъ 5 бывшихъ актрисъ, 2 танцовщицъ, 22 хористки (1,2%). «Qui, diable, trompe-t-on ici?» справедливо восклицаетъ г-жа *Холевинская* о хоровой и т. п. проституціи Нижняго-Новгорода, неуловимой для надзора. О роли спеціально балета—*Генне-Амъ-Ринъ*. 132.

205. Персоналъ въ maisons à parties. *Кузнецовъ*. 10, 19, 20, 21, 30, 31, 37. И т. д.

F.L. 14-10-53

570453
LR Amfiteatrov, Aleksandr Valentinovich
A5145ma Марья Лусьева.
Изд .2

University of Toron
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMIT